

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Антropологии

Anthropologies

№ 2
2025

www.anthropologies.ru

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 2 (2025)

Главный редактор **Сергей Алымов**
(ИЭА РАН)

Соредактор **Елена Филиппова**
(ИЭА РАН)

Технический редактор **Елена Юрина**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дмитрий Арзютов
(Университет штата Огайо)

Эльза-Баир Гучинова
(ИЭА РАН)

Светлана Рыжакова
(ИЭА РАН)

Анна Круглова
(PhD)

Игорь Кузнецов
(Кубанский государственный университет,
Институт языкоznания РАН)

Ксения Пименова
(Университет Париж X - Нантер)

Ольга Христофорова
(РГГУ/РАНХиГС)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Брюс Грант
(Нью-Йоркский университет, США)

Сергей Ушакин
(Принстонский университет, США)

Питер Швайцер
(Венский университет, Австрия)

Дмитрий Функ
(Московский государственный
лингвистический университет)

Наталья Жуковская
(ИЭА РАН)

Аня Бернштейн
(Гарвардский университет, США)

Катрин Бун-Маркузе
(Университет Вашингтона, США)

ОТДЕЛ РЕЦЕНЗИЙ

Мария Мочалова
(ИЭА РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

Тема номера: «Антропология за пределами академии»

Ответственный редактор П.С. Куприянов

С.В. Соколовский

Экспертиза и характер социального знания 5

Д.А. Баранов

Музейная этнография в поисках материальности. 16

И.А. Гринько

Музеи как антропологические лаборатории. 28

М.Д. Алексеевский, Д.В. Верховцев, Г.Д. Винокуров, А.Л. Гусейнова,

Т.М. Крихтова, А.А. Мартыненко, Д.Ю. Сивков, Г.А. Сталинов

«К людям ради людей»: антропологические телеграм-каналы глазами их авторов 41

А.С. Басов, А.С. Бородулина, П.С. Куприянов, В.С. Михайлова

Прикладная антропология на Борнео. Интервью с авторами 67

Статьи

О.Ю. Артемова

«А судьи кто?» (о тех, кто уничтожал науку о первобытной культуре) 96

Научная жизнь

П.С. Куприянов

Обзор конференции «Фольклор и мифология
в научно-популярном пространстве», ЦТСФ РГГУ, 24 апреля 2025 г. 119

Рецензии

А.С. Басов

Антропология ценностей в эпоху коварного капитала
(Рец. на Kalb, D. (Ed.). *Insidious Capital. Frontlines of Value
at the End of a Global Cycle*. Berghahn Books, 2024) 126

INSTITUTE OF ETHNOLOGY
AND ANTHROPOLOGY
RAS

№ 2 (2025)

Editor-in-Chief Sergei Alymov
(Institute of Ethnology and Anthropology, RAS)

Co-editor Elena Filippova
(Institute of Ethnology and Anthropology, RAS)

Copy-editor Elena Yurina

EDITORIAL BOARD

Dmitry Arzyutov
(The Ohio State University)

Elsa-Bair Guchinova
(Institute of Ethnology and Anthropology, RAS)

Svetlana Ryzhakova
(Institute of Ethnology and Anthropology, RAS,
Russia)

Anna Kruglova
(PhD)

Igor Kuznetsov
(Kuban State University/Institute of Linguistics, RAS,
Russia)

Ksenia Pimenova
(Université Paris Nanterre)

Olga Khristoforova
(Russian State University for Humanities/Russian
Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Russia)

ADVISORY BOARD

Bruce Grant
(New York University, USA)

Serguei Oushakine
(Princeton University, USA)

Peter Schweitzer
(University of Vienna, Austria)

Dmitry Funk
(Moscow State University
of Linguistics)

Nataliya Zhukovskaya
(Institute of Ethnology and
Anthropology, RAS, Russia)

Anya Bernstein
(Harvard University, USA)

Kathryn Bunn-Marcuse
(University of Washington, USA)

REVIEWS

Maria Mochalova
(Institute of Ethnology and
Anthropology, RAS)

CONTENTS

Theme of the issue: «Anthropology beyond the academy»
Executive editor P.S. Kupriyanov

Sokolovskiy S.V.

Expertise and the nature of social knowledge..... 5

Baranov D.A.

Museum Ethnography in search of materiality..... 16

Grin'ko I.A.

Museums as anthropological laboratories..... 28

**M.D. Alekseevsky, D.V. Verkhovtsev, G.D. Vinokurov, A.L. Guseinova,
T.M. Krikhtova, A.A. Martynenko, D.Yu. Sivkov, G.A. Stalinov**

«To people for people's sake»: anthropological Telegram channels
through the eyes of their authors..... 41

Basov A. S., Borodulina A. S., Kupriyanov P. S., Mikhailova V. S.

Applied anthropology in Borneo. Interviews with the authors..... 67

Articles

Artemova O. Yu.

«And who are the judges?» (about those who destroyed the science of primitive culture)..... 96

Scientific life

Kupriyanov P. S.

Review of the conference «Folklore and Mythology in the popular Science space»,
CSF RGGU, April 24, 2025 119

Reviews

Basov A. S.

Anthropology of values in the times of insidious capital Book.

Book Review: Kalb D. (Ed.). Insidious Capital.

Frontlines of Value at the End of a Global Cycle. Berghahn Books, 2024. 126

Тема номера: «Антропология за пределами академии»

Ответственный редактор П.С. Куприянов

© С.В. Соколовский

Экспертиза и характер социального знания

Ключевые слова: социальное знание, экспертиза, моральные экономики, ценности

В статье рассматривается проблема рецепции социального знания в сферах управления и бизнеса с учетом таких аспектов этого знания, как аналитико-дескриптивный, экспертно-прикладной и критический. Обсуждается понятие моральных экономик, различия в которых, по мнению автора, приводят к сбоям в коммуникации между исследователями или экспертами, с одной стороны, и заказчиками экспертиз, с другой. Приводятся примеры оперирования моральных экономик в дисциплинарных сообществах.

Социальные науки в целом — социология, психология, экономика, демография, правоведение, политические науки, социальная и экономическая история, социально-культурная антропология и этнология — нередко привлекаются как источники экспертного знания, и управленцы разных уровней с их потребностью в легитимации собственных решений регулярно обращаются в научные центры соответствующего профиля за оценкой конкретных проблем, ситуаций, высказываний или уточнением содержания отдельных понятий, относительно которых могут возникать разногласия. Авторитет научного знания здесь используется как *ресурс в политике убеждения*, реализуемой управленцами в рамках своих программ и компетенций, позволяя им взвешивать альтернативы и обосновывать свой выбор. Практически все социальные науки с момента своего оформления в качестве автономных научных дисциплин и сообществ претендовали не только на описание и анализ исследуемых в них аспектов реальности, но и на решение социальных проблем. Собственно, именно этот активистский и прикладной аспект социального знания и создал, как я считаю, весьма опасный и сеющий иллюзии союз между политической идеологией любой направленности и обслуживающим ее социальным знанием. Третий аспект этого знания, помимо уже двух отмеченных — аналитико-дескриптивного и экспертно-прикладного — критический, почти повсеместно подвергается давлению и вытеснению за рамки дискурса, маркируемого как «научный», и все чаще клеймится как политически ангажированный journalism, при этом вероятностный характер самого социального знания, циркулирующего в рамках политических и академических институций, вопреки частым неудачам его использования в текущей административ-

Соколовский Сергей Валерьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра антропозоологии ИЭА РАН. e-mail: sokolovskiserg@gmail.com <https://orcid.org/0000-0002-0112-0739>

Для цитирования: Соколовский С.В. Экспертиза и характер социального знания // Антропология/Anthropologies. 2025. No 2. С. 5–15, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/5-15>

ной практике и прогнозах всячески камуфлируется за счет его стилизации как знания «объективного» и «точного». Критика, однако, правильнее характеризуется не tanto как точная, сколько как справедливая, и это обстоятельство возвращает нас к некогда довольно бурно обсуждавшейся в истории науки концепции *моральной экономики*.

Партнерство между политиками и управленцами или бизнесом, с одной стороны, и учеными, с другой, имеет в разных национальных традициях (а также в разных дисциплинарных сообществах) разную историческую глубину. Кроме того, оно воплощено в существенно различающихся институциональных формах и подчас характеризуется весьма оригинальными моральными экономиками (ср.: *Daston* 1995)¹. Сравнительная история отношений науки и власти (или науки и бизнеса) с позиций характера использования экспериментального знания сохраняет множество белых пятен даже в тех случаях, когда в нашем распоряжении имеется обширная историография и длительная традиция как, например, в случае антропологии, если иметь в виду национальные школы с более чем двухсотлетней историей (например, британскую, американскую, французскую, нидерландскую и российскую). Помимо существования таких пробелов в историографии дисциплин и национальных исследовательских традиций ощущается и явная нехватка работ в жанре антропологии дисциплинарного знания. И хотя Людвик Флек писал еще в середине 1930-х годов о научном коллективе не только как о коллективе единомышленников (*Denkkollektiv*), но и как о коллективе с разделяемыми аффектами (*Gefühlskollektiv*), то есть с общим коллективным настроем (*Kollektivstimmung*) (Флек 1999; Fleck [1935] 2021: 67), влияние этого фактора на восприятие научного знания как в публичном пространстве, так и в сфере управления или в отношениях между разными дисциплинарными сообществами, остается малоисследованным. Между тем по сообщениям моих коллег, участвовавших в разного рода экспертных проектах, и по моему собственному опыту такого участия именно этот фактор определяет восприятие социального зна-

¹ Понятие «моральные экономики», связывающее экономическое поведение с морально аффективным отношением к экономическим процессам, может рассматриваться в качестве одного из вариантов развития идеи Макса Вебера о связи протестантской этики с капитализмом, однако термин принадлежит известному британскому историку Эдварду Томпсону (Thompson 1971, 1991: 259–351). Впоследствии связанное с ним понятие использовалось в значительном числе исследований экономического поведения различных сообществ по всему миру, например, в известной работе Джеймса Скотта о крестьянских восстаниях в Юго-Восточной Азии (Scott 1976). Американский историк науки Лоррэн Дастон в упомянутой работе переосмыслила это понятие применительно к проблематике истории науки, существенно расширив и обогатив его содержание в своем анализе ценностных аспектов. В данном контексте особый интерес представляет потенциал этого понятия для сравнения национальных исследовательских традиций и разных дисциплинарных сообществ. В этой связи я вспоминаю один разговор с Л.М. Дробижевой, состоявшийся в самом начале 2000-х годов, вскоре после ее ухода в Институт социологии. На мой вопрос, как ей там работаетя, она ответила: «Сережа, там все на многое серьезнее, чем у нас» (то есть в тогдашнем Институте этнологии и антропологии РАН). Этот ответ вполне отражал разницу в отношениях этнологов и социологов к методологии, фактографии, публикационной политике, управлению наукой — всем тем сферам, в которых и оперируют моральные экономики конкретных сообществ. Впоследствии, принимая участие в конференциях социологов, например, в ежегодно проводимых на базе Шанинки «Векторах», я неоднократно сталкивался с констатацией, что «у антропологов это все по-другому». Попытки выяснить эту инаковость, однако, нельзя признать содержательными, видимо, по причине отсутствия разработанного языка для сравнения различий в аффективно нагруженных нормах, интересах, ценностях и практиках, проявляемых в отношении к конкретным объектам, методам и процедурам, в которых обычно и выражается моральная экономика дисциплины.

ния как в обществе в целом, так и в министерствах, ведомствах и бизнес-организациях, выступающих в качестве заказчиков экспертиз. Это восприятие характеризуется двумя крайностями — либо знание социальных наук и построенные на нем экспертизы ассоциируются со знанием точных и естественных наук и наделяются характеристиками, ему вовсе не присущими, либо, при обнаружении расхождений с такими ожиданиями, оно начинает рассматриваться как журнализм, собрание анекдотических кейсов, беллетристика и т.п. Отдельный и особый характер знания социальных и гуманитарных дисциплин отрицается и среди определенной части научного сообщества, чаще всего — среди естественников. Е.П. Велихов, как известно, любил называть наши дисциплины в отличие от естественных — «противоестественными», то есть, в шутку или всерьез не рассматривал их проблематику как равную по значимости с проблематикой лучше ему знакомой физики плазмы или термоядерного синтеза, где он остается признанным во всем мире специалистом².

Между тем, исследователи общества и культуры куда более, нежели их коллеги из естественных и точных наук, по самой сути своих занятий и интересов опосредуют связи не столько между *природой и обществом* (как это происходит в случае естественных наук), сколько между *наукой и обществом*, не переставая при этом быть частью обеих и в силу этого — носителями свойственных этим сферам особенностей культуры и ценностей. Это обстоятельство лежит в основании особого характера знания в социальных науках по сравнению со знаниями наук естественных, выражавшегося, например, в такой яркой характеристике первого как существование феномена самосбывающихся прогнозов³. Можно вспомнить также о таких чертах социального знания, как неустранимый плюрализм мнений, избыточная метафорика, а также о терпимости к противоречиям, граничащей иногда с логической безгра-

² В апреле 2016 г. на полях очередного заседания Российской ассоциации содействия науки (PACH) — общественной организации, которую он возглавлял и членом аналитической рабочей группы которой я являлся, у меня состоялась короткая дискуссия с академиком как раз на эту тему: в качестве серьезной социальной проблемы, в решении которой пригодились бы знания об обществе и культуре и которая средствами математики и физики, по моему мнению, не решалась, я назвал проблему утечки мозгов, спровоцировав очень эмоциональную реакцию моего собеседника, призвавшего, впрочем, что такая проблема существует и что «противоестественные науки» могли бы внести в ее решение свой вклад, и именно поэтому в аналитическую группу PACH (которая, впрочем, почти сплошь состояла из коллег академика физиков) и приглашены представители гуманитарных дисциплин.

³ На полях этих наблюдений дополнительно отмечу вдвойне опосредующий характер *науковедения и историографии науки*, претендующих на высказывания о научных дисциплинах, не исключая ситуаций в точных и естественных науках, с позиций социального знания, ценности и интересы, лежащие в основании которого, находятся в очевидном конфликте с ценностями и интересами сообществ наук о природе. Впрочем, сегодня наивный реализм и натурализм взглядов многих «естественников» сталкивается с постоянно растущим опытом их же «вылазок» за границы естественнонаучного знания и апелляциями к знанию социальных наук в попытках объяснения таких феноменов как бюрократизация науки, эндемический редукционизм множества естественнонаучных программ, приходя научной моды, изъяны слепого рецензирования и публикационной политики издательств и т.д. и т.п. Если вспомнить о том обстоятельстве, что одной из целей историографии науки и науковедения является понимание трендов развития научных знаний, то есть в известном смысле — *прогноз* этого развития, и сопоставить это обстоятельство с уже отмеченным и характерным для социального знания феноменом самосбывающихся прогнозов — явления, обусловленного наличием обратных связей (или в терминах прежней кибернетики — замкнутого информационного контура с петлями обратной связи), то становится очевидной вся ирония взаимоотношений знания, условно говоря, физиков и биологов, с одной стороны, и знания социального, с другой.

мотностью, и о замеченных еще Т. Куном (*Кун 1998: 10*) ожесточенных спорах при отсутствия даже элементарного консенсуса относительно характера и статуса самых фундаментальных понятий для этих дисциплин — человека, общества, культуры, сознания, поведения, действия и т.д.

Впрочем, какая-то часть социальных наук, в особенности те из них, где интенсивно используются моделирование и математическая статистика, как, например, в экономике, демографии или в некоторых разделах политических наук и социологии (например, изучении электорального поведения), строится на отличающихся от соседних дисциплин принципах, приближаясь в данном отношении к нормам и идеалам точных и естественных наук. Однако и они, если говорить о прогностической компоненте их знаний, нередко испытывают провалы и неудачи, отчасти обусловленные характером используемых в них моделей, всегда строящихся на редукциях и потому существенно отклоняющихся от реальности⁴. Сам уровень сложности социальной реальности и общественный запрос на прогнозику создает давление на значительную часть социальных наук, подвигая представителей соответствующих дисциплинарных сообществ на поиск «скрытых переменных», которые могли бы использоваться при разработке упрощенных (читай — редукционистских) моделей реальности для обслуживания прогностики. Социология и политические науки особенно подвержены такому давлению и часто ему уступают. Американский историк Джон Льюис Гэддис в своей книге «Ландшафт истории: как историки картографируют прошлое», сравнивая подходы к реальности у политологов и у историков, отмечает *редукционизм* первых в отличие от «экологического» восприятия реальности у вторых. Тогда как политологи привержены поиску скрытых переменных, историки, привыкшие к анализу длительных последовательностей событий и исторических процессов, знают, что все наблюдаемые в них переменные оказываются взаимосвязанными, и ни одну из них нельзя считать определяющей. Этот автор приводит, кстати, и перечень редукционистских концепций, среди которых он называет концепцию рационального выбора в экономике, структурного функционализма в социологии, фрейдизма и бихевиоризма в психологии, теорию модернизации в ряде социальных наук, концепцию реальной политики в международных отношениях и др. (*Gaddis 2002*).

Мне неоднократно приходилось писать о различиях жанров научной статьи и экспертного доклада (см., например: *Соколовский 2021*), отчасти отражающих различия в характере и статусе знаний, циркулирующих в научных

⁴ Хорошим примером здесь могут служить прогнозы демографов в отношении динамики численности мирового населения, в которых они используют сложные модели взаимодействия показателей рождаемости, fertильности, смертности и миграций и метод так наз. «передвижки возрастов», но с очевидностью недостаточно учитывают влияние экономических, геополитических и биологических факторов — кризисов, войн и пандемий, в силу чего степень точности таких прогнозов остается крайне невысокой и обычно строится на экстраполяции существующей динамики без учета экзогенных факторов. Например, вилка прогноза в существующих оценках населения планеты к 2100 г. находится в интервале от 5,6 до 17,5 млрд. чел., то есть составляет более 12 млрд. чел. (*Андреев 2001*). На бытовом языке это можно интерпретировать как утверждение, что в ближайший век население планеты либо сократится, либо вырастет. По приписываемой В.С. Черномырдину максиме: «предсказывать трудно, особенно будущее».

дискурсах и публикациях, с одной стороны, и в прикладных экспертных отчетах и докладах, с другой, поэтому на этот раз я попытался сфокусироваться на различиях самих этих типов знания, а не соответствующих каждому из них жанров письма. Различий этих немало, и их игнорирование является, как представляется, самым большим препятствием в налаживании диалога между учеными и практиками⁵. В качестве объекта для такого сравнения я выберу антропологию как дисциплину мне лучше знакомую.

Сами методы антропологии — включенное наблюдение, анализ отдельных кейсов и нарративов, интервью — плохо соответствуют идеалам точного знания; они настроены на улавливание контекста, уникальных значений и с трудом поддаются обобщению и другим видам универсализации. Штучность, локальность и субъективизм получаемых этими методами знаний вступают в конфликт с ожиданиями от науки со стороны чиновников и прочих потребителей экспертного знания. Диалог на фоне таких ожиданий всегда труден и сталкивается с непониманием характера тех знаний, которыми располагает антрополог.

Одним из редких успешных случаев в моей практике консультирования и участия в экспертизах был многомесячный диалог с сотрудниками Росстата (именовавшегося, впрочем, в то время Госкомстатом), происходивший в 2000–2001 гг. перед первой Всероссийской переписью населения 2002 г. Почти все это время было потрачено не столько на согласования перечней этнических самоназваний, трансформируемых затем в ходе их агрегации в так называемый «список национальностей», сколько на прояснение для наших контрагентов смысла категории «национальность» как категории учета, а не характеристики личности, получаемой ею от рождения. Это позволило впоследствии опубликовать в материалах переписи не только официальные списки национальностей, но и полный перечень «категорий статистического учета по признаку национальность», то есть создать уникальный источник для исследования бытования самоназваний, число которых почти на порядок превышало число официальных этнических категорий, отражая-

⁵ Последние отдают явное предпочтение так называемой «точной» или «твёрдой» науке с ее количественными методами, строгостью и доказательностью, цифрами и индикаторами. Даже в управлении наукой они стремятся к оцифровке тех областей научного труда, которые квантификации заведомо не поддаются, например, измерить реальный вклад исследователей с помощью количества публикаций, уровня цитирований и прочих чисто формальных показателей, а не за счет оценки новизны их работ или реального влияния конкретных публикаций на развитие научных знаний (последнее отчасти объясняется наличием временного лага в реализации такого влияния). Попытки использования альтернативных методов оценки, иногда весьма успешные, например, привлечение к оценке авторитетных международных комиссий (ср.: International Benchmarking Review 2006; Symposium 2011), в случае институтов РАН привели к анекдотическому положению, когда оценивавшие работу научных учреждений члены отделений РАН в итоге не смогли ранжировать эту работу: из-за конфликта интересов среди членов комиссии, вовлеченных в исследования оцениваемых центров, все они получили высшую категорию, так что пришлось исключать «человеческий фактор» и возвращаться к формальным показателям, предлагаемым профильным министерством.

емых в остальных таблицах. Теперь, по прошествии времени, я усматриваю причины успеха в длительной совместной работе с заказчиком, во многом похожей на современные партнёрственные этнографические проекты с равноправным участием исследуемых во всех этапах и процедурах самого исследования, но главное — в *интерпретации* его результатов при принятии управлеченческих решений. Перепись 2002 г. была первой переписью в новой России, и статистики Госкомстата были заинтересованы в получении надежных результатов не менее, чем учёные. По контрасту наладить такой диалог, например, с чиновниками министерства науки по поводу оценки научного труда не получается из-за их полной незаинтересованности в эффективности научного поиска: формальный подход к управлению наукой оборачивается формальностью показателей.

Другим препятствием в налаживании такого диалога с непосредственным научным начальством остаются его неизбывные опасения относительно критического потенциала социального знания. Однако представляется, что если бы достижения подведомственных этим чиновникам научных центров прямо коррелировали с уровнем зарплат этих управлеченцев, то, быть может, интерес к нуждам науки и условиям развития знания был бы у них живее. Случай с Росстатом, однако, демонстрирует потенциал диалога с управлеченцами, и вину в неудачах аналогичных диалогов с заказчиками экспертиз не стоит полностью перекладывать на последних. Диалог строится на наличии общего языка, которого в готовом виде во множестве случаев не существует, поскольку дифференциация научного знания зашла так далеко, и обслуживающий его концептуальный аппарат стал настолько сложным, что требует особых усилий от обеих сторон для преодоления этих своеобразных языковых и понятийных барьеров.

Что может сделать социальный исследователь со своей стороны, чтобы обеспечить эффективность коммуникации в рамках экспертных проектов? Вообще-то, при адекватном учете различий в моральных экономиках, то есть в ценностях и интересах, а также понятийных ресурсов обеих сторон — не так уж мало. Во-первых, при учете ценностей противной стороны можно попытаться сделать некоторые шаги навстречу. Если управленица ждет от научного знания строгости и четкости и ассоциирует ее с таблицами, графиками, метриками, анализом временных и материальных затрат при принятии того или иного сценария, то исследователь, даже опирающийся в своей повседневной работе исключительно на качественные методы, интерпретацию и понимание и скептически относящийся к громоздким технологиям статистического убеждения, вполне способен трансформировать или иллюстрировать какую-то часть своих утверждений с помощью знакомых заказчику форматов. Это может быть оценка распространённости среди населения определенного мнения или представлений (например, в процентах от интервьюированных); наблюдения могут быть представлены в виде трендов, и наоборот — статистика может сопровождаться конкретными кейсами и рассказами информантов, ее оживляющими; ключевые выводы могут быть представлены в виде графа, буллетированного перечня, любой инфографики. Наконец, располагая знанием, что управленица хорошо реагирует на наличие экономических оценок, можно предложить интерпретацию полученных результатов или рекомендаций в терминах рисков и выигрышей. Такой формат, как представляется, способен облегчить восприятие экспертного отчета со стороны лиц, имеющих

лишь смутное представление об особенностях социального знания⁶. Масштаб распространения сложившихся стереотипов и предубеждений относительно характера этого знания не стоит недооценивать.

Еще одним препятствием в такого рода диалогах является терминоведческая безграмотность обеих сторон, считающих, что знакомые им термины имеют единственные и строгие значения, а связанные с ними понятия — четкий объем, причем именно тот, который ему приписывается каждым из собеседников. Такая ситуация настолько распространена, а исключения из нее настолько редки, что впору констатировать почти стопроцентную терминоведческую безграмотность, поскольку доля специалистов по терминоведению и семантике в нашей стране невелика, и их знание можно отнести к почти эзотерическому. Термин и правда должен иметь единственное значение и по возможности строго определенное, но с одной весьма существенной оговоркой — в рамках той терминосистемы, к которой он принадлежит. Существует иллюзия, что границы таких терминосистем совпадают с границами дисциплин, хотя каждый исследователь на собственном опыте знает, что за одними и теми же словами в его дисциплине могут стоять разные значения и смыслы: *этнос* Л.Н. Гумилева — это не *этнос* Ю.В. Бромлея и даже не *этнос* С.М. Широкогорова. Любой терминолог скажет вам, что каждый более или менее самостоятельный исследователь располагает собственным тезаурусом (системой понятий) и собственной терминосистемой. Именно к таким индивидуальным и идиосинкритическим терминосистемам и тезаурусам (системам понятий) приложимы требования внутренней консистентности, отсутствия противоречий, омонимов, синонимов, наличия строгих определе-

⁶ Одного из моих недавних собеседников интересовало содержание пары понятий, используемых как в некоторых документах международного права, так и в нашей дисциплине. Он ожидал твердых и финальных определений, на основе которых можно было бы анализировать «ситуацию на земле». Такое окончательное и подтвержденное авторитетом науки заключение обеспечило бы большую легитимацию последующих правовых заключений. В начале нашего обсуждения я представил ему довольно широкий спектр имеющихся определений этих понятий, не скрывая столкновения мнений и существующих вокруг содержания этих понятий дискуссий. Выслушав меня, он сказал: «Я так понимаю, что исследования продолжаются, и наука пока не пришла к окончательному выводу...» Мне пришлось его разочаровать, сказав, что по крайней мере в социальных науках такая характеристика знания как «окончательность» отсутствует, и не следует ожидать ни в каком обозримом будущем, что такие окончательные определения в нем появятся. Я добавил, что каждый сколько-нибудь самостоятельно мыслящий исследователь может предложить собственное определение, настроенное на решение его собственных задач, что научная терминология тем и отличается от технической, что ее терминосистема выстраивается как поисковая и каждом случае — индивидуальная. Я пояснил, что если в технической спецификации перепутано название какой-то гайки, то вертолет не полетит, а вот тезаурус конкретного исследователя может использовать те же термины, что и у соседа, но наделять их иными смыслами, и что эти смыслы раскрываются только в системе взглядов самого этого исследователя. Я много еще чего ему рассказал, но взаимопонимания мы не достигли — его ожидания от науки не сбылись, и это его фruстрировало. Мне пришлось зайти с другого конца, объяснив, чем язык права с его опорой на прецедент и консенсус отличается от языка науки, и в особенности — от языка социальных наук с его попытками уловить локальные и уникальные значения, интуицией, метафорикой и проч. Мы достигли компромисса, лишь когда я перешел на язык правовых определений и посоветовал ему обратиться к специалистам по международному праву. Там тоже есть дискуссии по поводу содержания конкретных понятий, но они разрешаются ссылками на конкретные судебные дела и содержащимися в них интерпретациями судей, задающих прецедент определения, в данном отношении вполне соответствующий искомому моим собеседником критерию «окончательности». Мне повезло, что релевантные судебные случаи быстро обнаружились, и мы расстались довольными. Я привожу здесь столь затянувшееся описание этого обсуждения лишь потому, что оно представляется мне вполне типичным, и похожие ситуации возникают едва ли не при каждом разговоре между исследователями и потребителями экспертного знания.

ний, связывающих отдельный концепт с остальными элементами таких терминосистем и тезаурусов. Критика таких систем вполне возможна, но именно относительно их внутренней связности и логичности, а вот попытки навязывания собственных значений или заявления, что данный термин может использоваться только в том смысле, который вкладываете в него вы — нелепы. Они могут оправдываться лишь при выстраивании общего языка на основе консенсуса и договора, на что и уходит определенное, порой значительное время при переговорах заказчика экспертизы и ее исполнителей. Создание такого общего «интер-языка» в ходе взаимодействия в рамках экспертного проекта — дело сложное, однако поскольку любая коммуникация настроена на уникальный контекст, и поскольку при всех расхождениях наших семантических вселенных нам все-таки как-то удается общаться, это дело никогда не бывает безнадежным.

Наконец, третьим и тоже весьма существенным коммуникативным барьером является уже упомянутая выше разница в моральных экономиках, которая, впрочем, существует не только на уровне отношений между социальными науками и ожиданиями управленцев — заказчиков экспертизы, но и на уровне отдельных дисциплин, областей исследования и даже на индивидуальном микроуровне. Для того, чтобы проиллюстрировать это утверждение придется вернуться к содержанию понятия «моральная экономика», истории его использования и рассмотреть его содержание на более конкретных примерах.

Содержание самого этого понятия у упомянутых в сноске 1 авторов — Эдварда Томпсона, Джеймса Скотта и Лоррейн Дастон — отличается весьма значительно. За деталями отошло читателя к замечательному обзору Диье Фассена (*Fassin 2009*), поскольку в данном случае я опираюсь лишь на трактовку Дастон как наиболее подходящую для анализа знания в социальных науках, хотя наиболее популярной версией этого понятия среди антропологов, опубликовавших десятки работ о моральных экономиках крестьянских сообществ, стала версия Скотта. Поскольку речь идет об экономике, имеются в виду ее стандартные аспекты — производство, распределение, циркуляция и использование, однако в случае *моральной экономики* — не продуктов или товаров, но *чувств, эмоций, норм, ценностей и обязанностей*. В науке вообще и в социальных науках в частности моральная экономика проявляется в аффективно-ценостном отношении ко множеству аспектов обыденного научного труда — поиску и манере использования источников, стилю цитирования, рецензированию, выбору тех или иных исследовательских методов, распределению обязанностей в коллективе, включая соавторство, выбору журналов для публикации, отношению к поощрениям и наказаниям и к разным видам научных и вспомогательных занятий и т. д. и т. п. Я не упомянул еще аффективно заряженного отношения к самим принципам научного исследования — объективизму или субъективизму, универсализации или контекстуализации, обобщению или детализации, эмпиризму или логицизму и т. д. Все перечисленное регулируется традиционно сложившимися в данном коллективе нормами, что в результате и лежит в основании обнаруженного еще Флеком *Gefühlskollektiv*'а.

За примерами далеко ходить не приходится. Работая много лет редактором в журнале, я не мог не заметить индивидуальных различий в манере ссылок: один автор предпочитает снабжать ссылкой на предшественников практически любое, даже самое банальное утверждение, очевидно ассоциируя

такого рода пунктуальность с научной строгостью и попутно подчеркивая собственную эрудированность, другой не ссылается даже при очевидных заимствованиях, либо полагая их столь очевидными, что они не нуждаются в документации, либо пытаясь скрыть plagiat. Один подвергает источники для ссылок тщательному отбору, отбраковывая вторичных авторов или иногда исключая авторов ему лично неприятных, другой цитирует первую попавшуюся на глаза работу, прямо или косвенно подтверждающую его утверждения без оглядки на статус цитируемого, очевидно лишь формально следя этой пришедшей из средних веков традиции. Один рецензирует пристрастно, комментируя каждую мелочь в полученном им тексте, даже орфографию или грамматику, другой ориентируется лишь на собственный вкус, игнорируя научные достоинства и недостатки текста, третий склонен отвергать статьи лишь на том основании, что он считает себя лучшим специалистом в данной области, чем автор полученной им на рецензию статьи. Один высоко ценит количественные методы и молится на «данные», часто забывая о реальности (строгость статистических процедур в таких случаях затмевает и отодвигает на второй план вопрос о соответствии собранных в конкретных условиях материалов тем универсализирующими выводам, которые предлагаются в finale анализа), другой ни в грош не ставит эту громоздкую бухгалтерию убеждения, считая, что одна обстоятельная беседа даст больше знаний и лучше отобразит все сложности жизни на земле, чем сотня формализованных интервью. Один склонен использовать бесплатную и внеплановую помощь аспирантов, другой расценивает это как научное рабство и испытывает отвращение к такой практике. Один считает главным полевые наблюдения и снисходительно смотрит на другие источники информации — архивы, научную литературу, мысленный эксперимент; другой не видит особого смысла в такой иерархии, считая что рефлексия, исследовательское воображение, интуиция и эрудиция — более важные вещи для осмысливания происходящего вокруг и под носом, то есть в повседневности, нежели романтизм и экзотизация, связанные с традиционной этнографией и ее традиционными же источниками. Один считает доблестью углубление в единственную проблему и тему и узкую специализацию, другой — что без синтеза всего наличного знания сегодня далеко не уедешь, но будешь обречен на изобретение велосипеда.

Все эти нюансы и отличия в аффективном основании знаний проявляются столь же выпукло и в интерфейсе знания собственно научно-исследовательского и экспертного, хотя далеко не всякое знание в науке может функционировать как знание экспертное, что становится особенно очевидным, если взглянуть на судьбы различных экспертных докладов и записок, часть которых сразу отправляется под сукно, другая до неузнаваемости перелицовывается, и лишь небольшая их часть срабатывает на прокламируемые цели экспертизы. Существуют и другие, более изощренные способы использования экспертного знания, например, давно подмеченное использование корпорациями результатов международных экспертиз для борьбы с конкурентами по бизнесу. Производимое в социальных и гуманитарных дисциплинах знание находится в весьма непростых отношениях с его практическими приложениями, и эти отношения нуждаются в анализе не только со стороны поставщиков знания, но и со стороны его потребителей. Обе стороны имеют собственные иллюзии и свойственные их коллективам моральные экономики, учет различий в которых, хотя бы отчасти, способен содействовать избавлению от таких иллюзий и лучшему взаимопониманию участников столь важного для общества диалога.

Литература

Андреев Е. М. Предсказывать трудно... // Демоскоп–Weekly. 2001. № 37–38. URL: <https://web.archive.org/web/20150403072706/http://demoscope.ru/weekly/037/progn01.php> (дата обращения: 30.07.2025).

Флек Л. Возникновение и развитие научного факта. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

Кун Т. Структура научных революций. Благовещенск: Благовещенский гуманитарный колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998.

Соколовский С. В. Публикационная политика и проблемы развития антропологических исследований в России // Вестник Российской Академии наук. 2022. Т. 92, № 2. С. 131–139. DOI: 10.31857/S0869587322020086.

Daston L. The Moral Economy of Science // Osiris. 1995. No. 10. P. 2–24.

Fassin D. Les économies morales revisitées // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2009. Vol. 64, No. 6. P. 1237–1266.

Fleck L. Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache. Einführung in die Lehre vom Denkstil und Denkkollektiv. Basel: Benno Schwabe & Co., 1935 (13. Auflage, Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2021).

Gaddis J. L. The Landscape of History. How Historians Map the Past. N.Y.: Oxford University Press, 2002.

International Benchmarking Review of United Kingdom Social Anthropology: An International Assessment of UK Social Anthropology Research. L.: Economic and Social Research Council, 2006.

Symposium on the ESRC, BSA, and HAPS International Benchmarking Review of UK Sociology // Sociological Review. 2011. Vol. 59, No. 1. P. 149–164.

Scott J. C. The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven, CT: Yale University Press, 1976.

Thompson E. P. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // Past and Present. Feb. 1971. No. 50. P. 76–136.

Thompson E. P. Customs in Common. L.: The Merlin Press, 1991.

Research Article

Sokolovskiy S. V. Ekspertiza i kharakter social'nogo znaniiia [Expertise and the nature of social knowledge] Anthropologies, 2025, no 2, pp. 5–15, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/5-15>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Sokolovskiy S. V. | sokolovskiserg@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Center of Anthropoecology

Abstract

The article examines the problem of academic knowledge reception among policy-makers and business elites, taking into account such aspects of this knowledge as analytical-descriptive, applied and critical. The concept of *moral economies* is discussed, the differences in which, in the author's opinion, lead to the communication problems between researchers or experts, on the one hand, and the end users expertise, on the other. The author provides some examples of moral economies operating in various disciplinary communities.

Keywords: social knowledge, expertise, moral economy, values

References

- Andreev, E.M. 2001. Predskazyvat' trudno... [Forecasting is difficult...]. *Demoscope-Weekly*, 37–38 (<https://web.archive.org/web/20150403072706/http://demoscope.ru/weekly/037/progn01.php>). Access date: 30.07.2025.
- Fleck, L. 1935. *Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache. Einführung in die Lehre vom Denkstil und Denkkollektiv* [Genesis and development of a scientific fact]]. Basel: Benno Schwabe & Co. (13. Auflage, Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2021).
- Fleck, L. 1999. *Vozniknovenie nauchnogo fakta* [Genesis and development of a scientific fact]. Moscow: Dom intellektual'noi knigi.
- Kuhn, T. 1998. *Struktura nauchnykh revolutsii* [Structure of Scientific Revolutions]. Blagoveschensk: Baudouin de Courtenay Blagoveschenskii college for humanities.
- Sokolovskiy, S.V. 2022. Publikatsionnaia politika i problemy razvitiia antropologicheskikh issledovanii v Rossii [Publication Policy and Current Issues in the Development of Anthropological Research in Russia]. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 92, 1: 88–95.
- Daston, L. 1995. The Moral Economy of Science. *Osiris*, 10: 2–24.
- Fassin, D. 2009. Les économies morales revisitées [Moral Economies Revisited]. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 64, 6: 1237–1266.
- Gaddis, J.L. 2002. *The Landscape of History. How Historians Map the Past*. N.Y.: Oxford University Press.
- International Benchmarking Review of United Kingdom Social Anthropology: An International Assessment of UK Social Anthropology Research*. 2006. London: Economic and Social Research Council.
- Symposium on the ESRC, BSA, and HAPS International Benchmarking Review of UK Sociology. 2011. *Sociological Review*, 59, 1: 149–164.
- Scott, J.C. 1976. *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Thompson, E.P. 1971. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century. *Past and Present*, 50: 76–136.
- Thompson, E.P. 1991. *Customs in Common*. London: The Merlin Press.

© Д.А. Баранов

Музейная этнография: Музейная этнография в поисках материальности

Ключевые слова: этнографический музей, материальность, коллекции, материальные исследования, знание

Статья посвящена анализу специфики научного знания, порождаемого этнографическими музеями. Характеризуется известная инертность и консервативная природа музея, обусловленные, прежде всего, стоящими перед ним задачами по сохранению и «консервации» хранящегося в его стенах «своего» или «чужого» культурного наследия. Автором рассматриваются возможные пути выхода музейной этнографии за рамки присущих ей эмпирических описаний. Отмечается, что материальность коллекций — это тот ресурс, который до самого последнего времени оставался недооцененным музейными этнографами. Она определяет не только специфику этнографических исследований материальной культуры, но и саму природу этнографического знания, рожденного в стенах музея. Делается вывод, что включенность музейного этнографа в работу непосредственно с материальными объектами позволяет сформировать особые аналитические рамки музейных исследований, а концептуализация чувственного опыта общения с коллекциями предоставляет возможность значительно расширить понимание материальности вещей.

Вопросы субъективности/объективности антропологического знания и субъектности/объектности этнографического поля являются предметом дискуссий уже на протяжении последних нескольких десятилетий. Здесь я хотел бы объединить эти два аспекта и рассмотреть их в контексте музейной этнографии, что предполагает анализ специфики «музейного» знания и причин появления этой специфики. В этом мне поможет как раз такой субъективный фактор, как мой собственный профессиональный опыт работы в течении нескольких десятилетий в этнографическом музее, причем в начале карьеры в самой что ни есть «музейной» должности — хранителя коллекций, с одной стороны, и столь же продолжительного преподавания в университетах и сотрудничества с академическими институтами, с другой. Эта моя дисциплинарная «бинарность», нахождение между музейной и академической этнографией позволяет учитывать обе перспективы, «примеряя» их поочередно на себя, что в свою очередь формирует некую отстраненность, столь необходимую для исследовательской саморефлексии.

Баранов Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии русского народа, Российский этнографический музей (С.-Петербург). e-mail: dmitry.baranov@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4129-7771>

Для цитирования: Баранов Д.А. Музейная этнография в поисках материальности // Антропология/Anthropologies. 2025. No 2. С. 16–27, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/16-27>

Другая двойственность моей позиции заключается в том, что в моем случае этнографическое поле включает в себя не только собственно музей, который одновременно является и местом моей профессиональной деятельности, но и русскую сельскую культуру, но не в ее музейном отражении, а, так сказать, *in situ*. Это означает участие в «настоящих» этнографических экспедициях и непосредственное взаимодействие с объектом исследования. Работая в поле, наблюдая предметный мир в естественной среде или расспрашивая информантов о бытования вещей, я выступаю в роли «классического» этнографа, но работа по сбору и перемещению вещи в музейное собрание меняет мою оптику, поскольку в поле моего зрения попадает также и музейная жизнь вещи, которая обычно интерпретируется как «неестественная» или вовсе как конец ее «жизненного пути», и в силу этого не так часто привлекает внимание представителей академической антропологии.

Отмечу, что изъятие предмета из «живой» культуры автоматически превращает его, согласно достаточно распространенным среди этнографов представлениям, в этнографический экспонат (Дмитриев, Калашникова 1989: 82–83). Так, А.К. Байбурин высказывает сходные идеи о природе музейного предмета: «Попав в музейную коллекцию, вещь становится музейным экспонатом, и отныне она навсегда становится „знаком“». Ситуация специфическая и для вещей неестественная. В своей „нормальной жизни“ они, в зависимости от контекста, могли использоваться то в одной, то в другой ипостаси. В музее их практическая значимость отошла на второй план. На лодке никто не поплынет, шпагой никто не защитится» (Байбурин 2004). Если с утверждением об автоматическом превращении предмета в экспонат при попадании в музей можно согласиться — внешним знаком этой трансформации служит появление на его поверхности коллекционного или инвентарного номера, под которым он проходит в музейной документации, то суждение о разделении ситуаций на «естественные» и «неестественные», о нормальной и «ненормальной» жизни не кажется столь очевидным. Как будто есть настоящая живая культура, и есть нечто, исключенное из нее. Попадание вещи в музей и продолжение ее биографии в музейном статусе можно рассматривать не как что-то исключительное и противоестественное, а как, пусть альтернативный, но вполне естественный жизненный путь вещи.

Конечно, нельзя отрицать, что институт музеевификации имеет ярко выраженные умертвляющие коннотации, которые во многом способствовали сложению репутации музея как места стагнации и сопротивления изменениям (Ames 1986; Stocking 1985) или как методологической заводи, управляемой эмпиризмом (Smith 2010: 10). Но известная инертность и консервативная природа музея, обусловленные, прежде всего, стоящими перед ним задачами по сохранению и «консервации» хранящихся в его стенах «своего» или «чужого» культурного наследия, — это лишь одна, видимая сторона его жизни.

В самом деле, перемещения материальных объектов через различные среды, связанные с музеевификацией, обнаруживают новые возможности и потенциалы этих объектов. Например, каждая вещь, превращаясь в часть музейного собрания, становится распределенной во множестве учетных документов. Она приобретает нечто новое, а именно — «бумажные презентации». Она одновременно присутствует в книге поступлений, инвентарной книге, актах постоянного хранения, учетных и предметных карточках, топографических

и коллекционных описях, паспорте, цифровых изображениях, экспертных заключениях и других ипостасях, одни из этих ипостасей отличаются «текучестью», другие — неизменностью.

Пусть не вводит в заблуждение материальная природа коллекций — материальность вещей отнюдь не предполагает косность их природы и неподвижность. Как тонко подметил Т. Ингольд, материальность — это непрерывное движение, которое разрешается в форме вещи (*Ingold 2010: 7*). В музейных стенах вещи отнюдь не выглядят статичными объектами, находящимися в полном распоряжении музейных сотрудников. Они находятся в постоянном движении, в переходе из рук в руки и с места на место. Коллекции связывают этнографов долговременными отношениями по их хранению, реставрации, атрибуции, фотосъемке, отбору на выставки, и в этом смысле можно говорить о проявлении агентности в ее латуровском понимании. В таком контексте статус музейного работника выступает как продукт отношений с вещами, поскольку, чем ближе и долговременнее взаимодействия с ними, тем больше преференций получают музейные этнографы. Так, хранители благодаря тому, что они являются материально-ответственными за коллекции, занимают более прочные позиции в штатном расписании музея, поскольку, например, возможное их увольнение довольно затруднено, так как сопряжено с длительным и трудоемким процессом передачи коллекции преемнику. Они обладают неформальной властью допускать или нет к работе с коллекциями своих коллег; в качестве хранителей принимают непосредственное участие в организации выставок и имеют больше шансов, при прочих равных условиях, на зарубежные командировки с выставками в качестве их кураторов или соавторов.

В таком контексте суть работы музейных сотрудников заключается в контролировании этого движения. Если предоставить собрание вещей самим себе, они могут выйти из-под контроля: горшки разбиваются, мебель трескается, металл ржавеет, текстиль поедается молью. Эти изменения — «материя в движении» (Ингольд) — воздействуют и на людей: допущение разрушения, фрагментации, утраты экспоната будет иметь последствия для его «куратора», которые могут выразиться в изменении его статуса, финансовых потерях, а то и в увольнении. Сама работа с коллекциями по их хранению, реставрации, исследованию, атрибуции, каталогизации, экспонированию обусловила существование такой сложной институции как музей и содействовала укреплению взаимоотношений между людьми в музейном сообществе. В этом смысле музей представляет собой некий единый организм, где люди, вещи, места могут взаимодействовать «на равных».

Более очевидным и потому привлекшим больше внимания исследователей являются неоднократные изменения семантики вещи в музейный период ее биографии, то есть в качестве экспоната. Дженифер Харрис в этой связи, характеризуя новую музеологию, отмечает, что «по контрасту с концепцией, по которой в каждом предмете заложено его значение (а именно эта концепция лежит в основе всей логики работы традиционного музея), новая музеология требует интерпретации предмета, воспринимая его как инертную материю, смысл которой создается хранителями и аудиторией. Значение предмета, таким образом, исходит не от самого предмета, оно в него вкладывается» (*Harris 2011: 36*). Британская исследовательница Сьюзан Пирс также указывает, что значение объекта лежит как в самом объекте со всеми историче-

скими и функционалистскими способами конституирования этого значения, так и в равной степени создается в ходе его экспонирования, когда зритель наделяет экспонат уже своими смыслами (*Pearce* 2010: 217). Интерпретация в этом случае вытекает не из самого предмета, а из его взаимодействия с сознанием/воображением посетителя. Тони Беннетт в своем обобщающем исследовании пишет о музейных коллекциях как лишь о «манифестациях человеческих желаний» и указывает, что музейные экспонаты ценятся не за их полезность, а за способность продуцировать значения, то есть быть «семиофорами» (*Bennett* 2009: 165). В своем пределе постмодернистское мышление заявляет об отсутствии причин для того, чтобы наделять вещи теми или иными значениями, которые традиционно относились к ним; каждому хочется принять участие в создании значения (*Piirc* 1999: 16).

В этих и множестве других подобных высказываниях проявляется определенное смещение фокуса внимания музейных этнографов с, так сказать, «там и тогда» на «здесь и сейчас», то есть, в центре внимания оказывается новый — музейный контекст бытования предмета. В итоге музейная этнография парадоксальным образом превращается в «этнографию музеев этнографии» (*Ko* 2004: 72), поскольку в настоящее время она начинает заниматься не столько другими культурами, сколько анализом порождения значений при столкновении объектов, представляющих культуру других, с культурным контекстом репрезентирующей/доминирующей культуры. Вот эти-то значения и становятся предметом интереса этнографов. Неудивительно поэтому, что Джеймс Клиффорд говорит о музее как «контактной зоне» разных культур, в своем развитии разделенных обычно географически и хронологически, характеризующейся отношениями неравенства и трудноразрешимыми конфликтами (*Clifford* 1988: 192). Мишель Фуко обращает внимание на то, что современные музеи меньше внимания уделяют тому, что показывают, чем способом показа (*Bennett* 2009: 215). Г. Андерсон в свою очередь отмечает «парадигматический сдвиг» от «вещецентричности» музеев к ориентированности на посетителя (*Anderson* 2004: 402). Эти и другие высказывания отражают общую тенденцию, наметившуюся в музейной деятельности: смещение с веще-центричного показа на демонстрацию социальных взаимодействий.

Удивительно, что такой сдвиг зачастую оценивается положительно самими музеями, одну из причин смены приоритетов видят в «новой музеологии» в ее англосаксонской версии, под влиянием которой произошло устойчивое понижение приоритета предмета. Дж. Харрис приводит примеры некоторых музеев, в которых больше нет коллекций подлинных предметов, они либо берут предметы где угодно, как это делает Музей Сиднея, либо копируют, как это происходит в Музее Еврейской Диаспоры в Тель-Авиве (*Harris* 2011: 38). Вместо господства предмета основным фокусом музейной деятельности стали идеи. В некоторых случаях идеи выражаются даже без использования предметов и фотографий, потому что предполагается, что идея настолько важна и очевидна, что она не нуждается в материальных «реквизитах». Выставка идей без предметов демонстрирует широко распространенный коллапс музеефикации — изъятия и исследования — как определяющей формы деятельности музеев (Там же). Сам музей, как заметил Майкл Эймс, начинает рассматриваться как артефакт, а экспозиция, в которой музей представляет другие культуры, как культурное явление (*Ames* 1986: 32).

Подобные сдвиги в предметной области в сторону социального и дискурсивного сопровождаются неизбежными потерями, в частности, того, что стоит за репрезентациями, то есть, в данном случае — самой материальности. Собственно материальность становится «прозрачной» в концептуальном плане, превращаясь в знак социальных явлений. Этнография продолжает описывать предметы как зеркала, в которых отражается человек. А между тем, если перефразировать рассуждения М. Гаспарова о филологии, этнографа должны интересовать не только изображения в этих зеркалах, но и строение, материал, форма самих зеркал. На мой взгляд, именно материальная сущность вещей определяет не только специфику этнографических исследований материальной культуры, но и саму природу этнографического знания, рожденного в стенах музея.

Материальность — это тот ресурс, который до самого последнего времени оставался недооцененным музейными этнографами. В самом деле, с одной стороны, телесность, осязаемость и мобильность большинства вещей порождали иллюзию легкости их научного описания и анализа, что в каком-то смысле снижало эвристическую ценность и престижность изучения предметного мира. С другой — рассмотрение физических характеристик предмета было отдано на откуп точным наукам. Даже в археологии физичность вещей остается неисследованной, за что критикуются современные археологические практики, изучающие «не вещи как таковые, а вещи как следы» (Джойс 2020: 180). Как отмечает Ян Ходдер, «во многих дискуссиях предпринимают попытки исследовать, как материя входит в социальный мир бытия. Но за рамками теоретического обсуждения физичность (физическая сущность) вещей остается неисследованной или передается для изучения ученым в области археометрии и археологии как отдельная и, по всей видимости, нерелевантная часть анализа» (Ходдер 2020: 97).

В итоге сама материальность — важный опознавательный признак предмета — оказалась, как уже отмечалось выше, слабо проблематизированной в музейных исследованиях по сравнению не только с другими областями культуры, но и с другими характеристиками самой вещи. Все это привело к представлению о застойном характере музейной этнографии, выразившемся, в частности, в рутинизации исследовательских процедур и отсутствии новых подходов в материальных исследованиях. Кроме того, сама консервативная природа музея как социального института, предназначенного, в том числе, для (со)хранения материальных объектов, не способствовала появлению каких-либо прорывов в этой области. Это дало основание Э. Шелтону говорить, что музейная этнография продолжает чахнуть «внутри выстроенных сравнительных последовательностей сообществ и эмпирических описаний так называемых примитивных технологий» (Shelton 2000: 175), а еще раньше — почти сорок лет назад — канадскому антропологу М. Эймсу отметить при характеристике состояния науки в этнографических музеях, что исследования музейных коллекций никогда не играли важной роли в развитии этнологических теорий и, более того, сами музеи являются не чем иным как прибежищем для «клунов и неудачников» (Ames 1986).

Говоря об определенном кризисе музейной этнографии, я имею в виду в первую очередь материальные исследования. И в отношении музейной этнографии, и антропологии музея некоторыми исследователями высказывается

мысль, что в современном этнографическом музее не производятся знания, что музей — это лишь пространство презентации антропологических знаний, рожденных за его пределами. В такой перспективе экспозиция, например, не является оригинальным исследованием, поскольку основана на уже опубликованных работах. С таким утверждением сложно согласиться, поскольку музей является пространством сосредоточия и экспликации разнообразных исторически ограниченных и соперничающих друг с другом классификаций; в его стенах постоянно происходит процесс формирования новых культурных значений и этнографических реалий посредством перегруппировки и переименования вещей, создания коллекций и экспозиций. Более того, само группирование экспонатов — это акт классификации, который в свою очередь сообщает посетителю определенную теорию материальной культуры.

Некоторые исследователи делают акцент на субъективной природе знания, которое музей продвигает — оно имеет «свойство фантазии», потому что его производство возможно только с помощью воображения (*Jordanova 2010; Tota 2004*). Другие говорят о реконфигурации знания как средства культурного различия и агента социального контроля (*Bennett 2009*). Третьи указывают на «герменевтический круговорот», характеризующий специфику порождения знания в музейном пространстве, в котором происходит постоянный диалог между прошлым и настоящим, посетителем и экспозициями, порождающий новые значения (*Hooper-Greenhill 2010; Pearce 2010*). Наконец, до сих пор сильную позицию, особенно в отечественных музеях, имеет позитивистская трактовка знания, в рамках которой коллекции интерпретировались как объективированное и систематизированное научное знание, поскольку они представляют собой собрание подлинников, «свидетельств эпохи», «овеществленных реалий культуры». Подобный взгляд имеет долгую историю, достаточно вспомнить Н.М. Могилянского, сыгравшего важную роль в выработке теоретических основ музейной этнографии. Уже более 100 лет назад он говорил о верифицирующей функции музейного собрания, «ибо на объективном материале приходилось лишний раз проверить данные науки, причем рельефно выступали все пробелы, недочеты знаний, и создавался необходимый импульс для накопления нового материала, новой проверки и новых исканий» (*Могилянский 1916: 305–306*).

Подытоживая все высказанное, самое время задаться вопросом: каковы перспективы развития музейной этнографии в наши дни, может ли она составить конкуренцию академической этнографии/антропологии? Я не буду здесь касаться всех направлений дисциплины — в некоторых из них, например, в теории презентации или музейной коммуникации, музей сказал свое веское слово. Я остановлюсь только на той области знания, которая во многом определяет специфику музейной этнографии — это материальные исследования. Как представляется, именно в этой области, долгое время критикуемой за эмпиризм, у этнографического музея появляется шанс вернуть себе утраченный более века назад статус научного центра. На фоне произошедшего материального поворота в социальных и гуманитарных науках материальная природа коллекций позволила «институциональные минусы» музея превратить в его преимущество.

Подчеркну, что новые подходы к изучению предметного мира возникли вне стен музея — факт сам по себе неоднозначный, поскольку кому как

не музею быть в авангарде исследования материальной культуры, но, с другой стороны, как я уже говорил, такие его институционально обусловленные качества, как консерватизм и инертность, являются препятствием на пути появления новых теорий. Это стало проблемой для музейной этнографии, разрешение которой я связываю не только с применением «немузейных» концепций материальности, но и с осознанием преимуществ именно музейных практик, предполагающих непосредственное взаимодействие с миром вещей посредством органов чувств.

В последнее время довольно много говорят о значимости для исследования материальной культуры восприятия «материальности» с помощью органов чувств и чувственного опыта исследователя. Одним из первых антропологов, указавших на значимость чувственного опыта исследователя, была Н. Сереметакис, подчеркивавшая, что «между телом и вещами, человеком и миром существует неразрывная связь, которая указывает на перцептивное построение истины как на непроизвольное раскрытие смысла через чувства», а собственно материальная среда может рассматриваться исследователем-антропологом как «сфера мультисенсорных записывающих устройств» (*Seremetakis 2019: 6; Vanevskaya 2021: 12*). Действительно, чувства, как и язык, являются социальным фактом в той мере, в какой они являются коллективным средством общения, которое является как произвольным, так и непроизвольным, стилизованным и личным (*Seremetakis 2019: 6*). Автор говорит об особой «перекрестной коммуникации чувств и вещей», на которой отчасти строится деятельность человека (Там же: 6–7).

На значении «предметной близости» в материальных исследованиях хотелось бы специально остановиться. В самом деле, можно ли изучать мир вещей, находясь в тиши кабинета, не задействуя органы чувств, игнорируя, например, тактильный и визуальный способы постижения природы вещей. Обращение к самому «материальному миру» через человеческие практики, включающие и эмоциональный опыт, может оказаться единственным способом его понимания. Включенность музейного этнографа в работу непосредственно с материальными объектами влияет и даже формирует аналитические рамки исследования. Почти каждый музейщик в отличие от посетителей имеет опыт тактильного контакта с экспонатами, чтобы учитывать его в материальных исследованиях, поскольку тактильность придает чувственно воспринимаемым объектам необходимую инструментальность. Например, как пишет британский археолог Джюлиан Томас, только взяв в руки «косу для подстригания травы, мы можем кое-что узнать о строении деревянной рукояти, и о дереве, из которого оно сделано, и о выборе металлического лезвия, даже не задавая явных вопросов» (*Tomac 2020: 295*). Подобное соприкосновение с материальными объектами дает такое понимание природы вещей, которое не может предоставить чтение самых детальных музейных каталогов. Этот опыт, а также другие виды музейной работы — регистрация новых поступлений, атрибуция предметов, участие в дискуссиях на заседаниях закупочно-фондовой комиссии относительно статуса новых поступлений или страховой оценки коллекций, каталогизация коллекций, чистка и реставрация экспонатов, строительство выставок и экспозиций и т. д. — позволяют обратить внимание на своего рода «контактную зону» — зону человеческих чувств, к которым апеллирует вещь. Понятно, что область чувствования не всегда аналитически улавливается, но, несомненно, оказывает влияние на процесс производства знания.

Музейные этнографы связаны с коллекциями предметов особыми, взаимозависимыми «чувственными» отношениями, которые превращают объекты в субъекты, порождая множество историй об «оживших» экспонатах, двигающихся манекенах, «проклятиях» отдельных вещей. Эта «предметная» близость может принимать самые разнообразные формы: профилактическая чистка экспонатов, надевание костюма на манекен, а то и примерка его на себя, извлечение звуков из бубна или гуслей, собирание ткацкого стана для выставки и т. д. Например, опыт надевания женского аварского костюма сотрудником для фотосъемки привел к пониманию особенностей его ношения, в частности, как благодаря заправлению особым образом рубахи-платья в штаны образуются карманы. Другой пример связан с проектом по сканированию коллекций текстиля, в процессе реализации которого было выявлено, как во время изготовления витых и тканых поясов технологические аспекты переходят в визуальный план, определяя специфику орнамента. Была выдвинута гипотеза, согласно которой появление той или иной фигуры орнамента на текстильных предметах зачастую определяется не интенцией изготовителя, а технологией. Сам орнамент, по сути, становился экспликацией внутреннего плана вещи, делая визуальной, видимой ее конструкцию, показывая правила построения вещи, этапы ее создания (рассорт), обозначая границы перехода конструкции в форму, что не противоречит эстетическим функциям орнамента (Лысенко 2016).

Этнографическому музею еще предстоит сказать свое веское слово в изучении материальности. В отличие от академических исследований, в которых «телесность» вещи остается на периферии внимания, музейные практики просто вынуждают музейных сотрудников считаться с материальностью, поскольку, например, разный материал экспонатов предполагает тразные «сценарии» обращения с ними — речь идет об условиях хранения и экспонирования, приемах профилактической чистки и реставрации и т. д. Концептуализация этого чувственного опыта взаимодействия с предметным миром, как представляется, как раз и предоставит возможность найти, по словам Я. Ходдера, «место для материи в материальности» (Ходдер 2020: 98).

Литература

- Байбурин А.К.* Этнографический музей: семиотика и идеология // Неприкосновенный запас. 2004. № 1. С. 81–86. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/1/bab13.html>
- Ваневская В.П.* Сенсорная этнография как методологический ресурс качественных исследований // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 2. С. 8–26.
- Джойс Р.А.* Жизнь с вещами: археология и материальность // Шэнкленд Д. (ред.). Археология и антропология. Прошлое, настоящее, будущее. Харьков: Гуманитарный центр, 2020. С. 165–181.
- Дмитриев В.А., Калашникова Н. М.* О принципах комплектования фондов этнографических музеев на современном этапе // Советская этнография. 1989. № 2. С. 82–83.

- Лысенко О.В.* Выставочный проект «Орнамент: миф и структура»: опыт визуализации исследовательской концепции орнамента // Орнаментика в артефактах традиционных культур: Материалы Пятнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2016. С. 334–338.
- Могилянский Н.М.* Областной или местный музей, как тип культурного учреждения // ЖС. 1916. №4 С. 303–326.
- Pirce C.* Новый взгляд на старые вещи // Museum. 1999. № 4. С. 12–17.
- Томас Дж.* Археология, антропология и материальные вещи // Шэнкленд Д. (ред.). Археология и антропология. Прошлое, настоящее, будущее. Харьков: Гуманитарный центр, 2020. С. 285–301.
- Харрис Дж.* «Наша печаль, наше хрупкое мужество»: музеификация и новая музеология // Вопросы музеологии. 2011. № 1(3). С. 31–41.
- Ходдер Я.* Археология и антропология: состояние взаимоотношений // Шэнкленд Д. (ред.). Археология и антропология. Прошлое, настоящее, будущее. Харьков: Гуманитарный центр, 2020. С. 93–108.
- Ames M.* What Could a Social Anthropologist do in a Museum of Anthropology // Museums, the Public and Anthropology. A Study in the Anthropology of Anthropology. Vancouver; New-Delhi: University of British Columbia Press and Concept Publishing Company, 1986. P. 26–36.
- Anderson G.* (ed.) Reinventing the Museum. Historical and Contemporary Perspectives on the Paradigm Shift. Walnut Creek: AltaMira Press, 2004. P. 1.
- Bennett T.* The Birth of the Museum. History, theory, politics. L.; N.Y.: Routledge, 2009.
- Clifford J.* The Predicament of the Culture: Twentieth-Century Ethnography, Literature, and Art. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 1988.
- Hooper-Greenhill E.* 2010 Values in the Art Museum: Rethinking Communication and Learning // Carbonell B. M. (ed.). Museum Studies: An Anthology of Contexts. Oxford: Blackwell Publishing, 2010. P. 556–575.
- Ingold T.* Bringing Things to Life: Creative Entanglements in a World of Materials // Realities Working Papers. 2010. № 15. P. 1–14.
- Jordanova L.* Objects of Knowledge: A Historical Perspective on Museums // The New Museology. Ed. by Peter Vergo. L.: Reaktion Books, 2010. P. 22–40.
- Ko M. J.* Use of Objects to Represent the Other: A Comparative Study of the Ways of Representing the Other in Ethnographic Museums: MA Diss. / The University of Gothenburg. Gothenburg, 2004.
- Pearce S. M.* Museums, Objects, and Collections: A Culture Study. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 2010.
- Seremetakis N.* The Senses Still: Memory and Perception as Material Culture in Modernity. N.Y.: Routledge, 2019.

Shelton A. Museum Ethnography: An Imperial Science // E. Hallam, B.V. Street (eds.). Cultural Encounters. Representing «Otherness». L.; N.Y.: Routledge, 2000. P. 155–193.

Smith Ch. Museums, Artefacts, and Meanings // The New Museology. Ed. by Peter Vergo. L.: Reaktion Books, 2010. P. 6–21.

Stocking G. Essays on museums and material culture // Objects and others: Essays on museums and material culture. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. P. 3–14.

Tota A. L. Museums and the Public Representation of Other Cultures: the Ethnic Exhibitions// Studies in Communication Sciences. 2004. No. 4/1. P. 201–218.

Research article

Baranov D.A. Muzeinaia etnografiia v piskakh materialnosti [Museum Ethnography in search of materiality]. Anthropologies, 2025, no 2, pp. 16–27, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/16-27>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Baranov D.A. | dmitry.baranov@list.ru | <https://orcid.org/0000-0003-4129-7771> | The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), Department of Ethnography of the Russian People, Head of the Department

Abstract

This article analyzes the specificity of knowledge, generated by ethnographic museums. It characterizes the museum's notorious inertia and conservative nature, primarily due to the tasks of preserving and «conserving» the cultural heritage. The author examines possible ways for museum ethnography to move beyond its inherent empirical descriptions. He notes that the materiality of collections is a resource that has, until very recently, remained underappreciated by museum ethnographers. It determines not only the specifics of ethnographic studies of material culture but also the very nature of the ethnographic knowledge generated within the museum. The article concludes that the museum ethnographer's engagement directly with material objects allows for the development of a unique analytical framework for museum research, while conceptualizing the sensory experience of interacting with collections offers the opportunity to significantly expand our understanding of the materiality of objects.

Keywords: ethnographic museum, materiality, collections, material research, knowledge

References

- Anderson, G. (ed.) 2004. *Reinventing the Museum. Historical and Contemporary Perspectives on the Paradigm Shift*. Walnut Creek: AltaMira Press: 1.
- Baiburin, A.K. 2004. Etnograficheskii muzei: semiotika i ideologiya [Ethnographic Museum: Semiotics and ideology]. *Neprikosnovennyi zapas*, 1: 81–86. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/1/bab13.html>
- Bennett, T. 2009. *The Birth of the Museum. History, theory, politics*. L.; N.Y.: Routledge.

- Clifford, J. 1988. *The Predicament of the Culture: Twentieth-Century Ethnography, Literature, and Art*. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press.
- Dmitriev, V.A., Kalashnikova, N.M. 1989. O principakh komplektovaniia fondov etnograficheskikh muzeev na sovremennoem etape [On the principles of acquisition of funds of ethnographic museums at the present stage]. *Sovetskaia etnografia*, 2: 82–83.
- Harris, J. 2011. «Nasha pechal, nashe khrupkoe muzhestvo»: muzeefikatsiia i novaia muzeologiiia [«Our sadness, our fragile courage»: museification and new museology]. *Voprosy muzeologii*, 1, 3: 31–41.
- Hodder, I. 2020. Arkheologiia i antropologiia: sostoianie vzaimootnoshenii [Archaeology and Anthropology: the state of the Relationship]. Shenklend D. (ed.). *Arkheologiia i antropologiia. Proshloe, nastoiashchee, budushchee*. Kharkov: Gumanitarnyi centr: 93–108.
- Hooper-Greenhill, E. 2010. Values in the Art Museum: Rethinking Communication and Learning. *Museum Studies: An Anthology of Contexts*. Carbonell B. M. (ed.). Oxford: Blackwell Publishing: 556–575.
- Ingold, T. 2010. Bringing Things to Life: Creative Entanglements in a World of Materials. *Realities Working Papers*, 15: 1–14.
- Jordanova, L. 2010. Objects of Knowledge: A Historical Perspective on Museums. The New Museology. Peter Vergo (ed.). L.: Reaktion Books: 22–40.
- Joyce, R. 2020. Zhizn' v veshchami: arkheologiia i materialnost' [Living with Things: Archaeology and Materiality]. Shenklend D. (ed.). *Arkheologiia i antropologiia. Proshloe, nastoiashchee, budushchee*. Kharkov: Gumanitarnyi centr: 165–181.
- Ko, M.J. 2004. *Use of Objects to Represent the Other: A Comparative Study of the Ways of Representing the Other in Ethnographic Museums*. MA Diss. The University of Gothenburg.
- Lisenko, O.V. 2016. Vystavochnyi proekt «Ornament: mif i struktura»: opyt vizualizacii issledovatel'skoi konsepcii ornamenta» [The exhibition project «Ornament: myth and structure»: the experience of visualizing the research concept of ornament]. Ornamentika v artefaktakh traditsionnykh kultur: Materiali 15 Mezhdunarodnykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii. SPb.: IPTs SPGUTD: 334–338.
- Mogilyanskiy, N.M. Oblastnoi ili mestnii muzei, kak tip kulturnogo uchrezhdeniya [Regional museum as a type of cultural institution]. *Zhivaia starina*. 1916, 4: 303–326.
- Pearce, S. 1999. Novyi vzgliad na starie veshchi [A new look at old things]. *Museum*, 4: 12–17.
- Pearce, S.M. 2010. *Museums, Objects, and Collections: A Culture Study*. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press.
- Seremetakis, N. 2019. *The Senses Still: Memory and Perception as Material Culture in Modernity*. N.Y.: Routledge.

- Shelton, A. 2000. Museum Ethnography: An Imperial Science. *Cultural Encounters. Representing «Otherness»*. E. Hallam, B.V. Street (eds.). L.; N.Y.: Routledge: 155–193.
- Smith, Ch. 2010. Museums, Artefacts, and Meanings. *The New Museology*. Peter Vergo, ed. L.: Reaktion Books, P. 6–21.
- Stocking, G. 1985. Essays on museums and material culture. *Objects and others: Essays on museums and material culture*. Madison: University of Wisconsin Press, P. 3–14.
- Thomas, J. 2020. Arkheologija, antropologiia i materialnye veshchi [Archaeology, Anthropology, and Material things]. Shenklend D. (ed.). *Arkheologija i antropologiia. Proshloe, nastoiashchee, budushchee*. Kharkov: Gumanitarnyi centr: 285–301.
- Tota, A.L. 2004. Museums and the Public Representation of Other Cultures: the Ethnic Exhibitions. *Studies in Communication Sciences*, 4, 1: 201–218.
- Vanevskaya, V.P. 2021. Sensornaia ethnografiia kak metodologicheskii resurs kachestvennikh issledovanii [Sensory ethnography as a methodological resource for qualitative research]. *Interaktsiia. Interviu. Interpretatsiia*, 13, 2: 8–26.

© И.А. Гринько

Музеи как антропологические лаборатории

Ключевые слова: музейная антропология, digital humanities, музейный посетитель, музейная наука, сообщества наследия, устойчивое развитие, музейное проектирование

Классический образ музея как научного учреждения на данный момент требует комплексного переосмысления, что связано в том числе с изменениями в форматах научной работы музея. В статье даются варианты работы музея как антропологической лаборатории, позволяющей исследовать современные сообщества и их трансформации. Исследуются возможности музеев по проведению качественных и количественных исследований в своих пространствах, а также работы с нетографическими музейными источниками.

«Антропологи не всегда должным образом оценивали тот факт, что антропология существует не только в торговой лавке, в форте в горах, в погоне за овцами, но и в книге, в статье, в лекции, в музейной экспозиции...»

(Клиффорд Гирц)

В 2025 г. тема Международного дня музеев была сформулирована следующим образом: «Будущее музеев в быстро меняющихся сообществах». Это еще раз подчеркивает тот факт, что сообщество и наследие неразрывно связаны и не могут сосуществовать отдельно друг от друга, что и было зафиксировано как в научных работах (Smith 2006), так и в Конвенции Фаро (Council of Europe 2005).

В связи с этим музеи получают новые функции и задачи, которые в целом влекут за собой «антропологический поворот» в музейной сфере: работа с сообществами, деколонизация наследия, развитие культурного интеллекта, сохранение нематериального наследия. Автор уже неоднократно обращался к данной тематике и обобщил материалы в своей докторской диссертации (Гринько 2022), однако сейчас явно пора вернуться к одному из аспектов, который почти не получил рассмотрения в её итоговом тексте, но сегодня приобретает особую важность: речь идет о научных исследованиях.

Гринько Иван Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник НИИ урбанистики и глобального образования Московского городского педагогического университета, руководитель департамента музейных и социокультурных проектов, Арт Медиа Бюро. E-mail: grinkoi@mgpu.ru <https://orcid.org/0000-0002-1594-0244>

Для цитирования: Гринько И.А. Музеи как антропологические лаборатории // Антропологии/Anthropologies. 2025. No 2. С. 28–40, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/28-40>

В последние годы усилилось формальное самопозиционирование музеев как научных учреждений. Так, манифест «Музей прямо сейчас», созданный Союзом музеев России в 2025 г., начинается со следующего тезиса: «Музеи — научно-исследовательские культурно-просветительные учреждения» (Манифест 2025). Далее тема «научности» продолжается утверждениями о том, что «Музей наилучшим образом воплощает свою миссию в экспозиционной и научной работе» и «Музей... делает это, творя науку, которую тут же переводит на язык культуры и искусства». При этом речь, конечно, идет про «изучение и представление своих фондов», что обозначено как ключевые задачи музея.

Не пытаясь опровергнуть основные тезисы, хотя они и вызывают объективные сомнения у любого специалиста, знакомого с музейной сферой не понаслышке, хотелось бы обратить внимание на последний из них — об объекте приложения музейных исследований — и попробовать переформулировать научный функционал музейной сети с точки зрения антропологической науки.

Таким образом, цель данной статьи — показать и отрефлексировать роли музеев как наиболее традиционных институтов наследия в современных антропологических исследованиях, а также описать возможный научный инструментарий и (пере)оценить потенциал музея в проведении научных исследований.

Этот вопрос имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку во многом определяет текущие музейные стратегии по отношению к науке. В данном случае можно с большой долей уверенности говорить об определенном когнитивном диссонансе в профессиональном сообществе при определении роли музея в научном процессе. Так, в 2025 г. в рамках Молодежной музейной научной школы был проведен опрос участников (музейные сотрудники до 35 лет, работающие в музеях Приволжского федерального округа и включенные в академические исследования). Опрос показал, что 75% (16 из 20) используют музей как лабораторию для своих исследований, однако только 5% респондентов назвали функцию лаборатории основной для музея в научной экосистеме, отдавая приоритет архивной функции. Естественно, данная выборка недостаточна для выводов, но она как минимум позволяет обратить внимание на существование институциональной проблемы.

Почему был выбран именно термин «лаборатория»? Большой толковый словарь русского языка определяет лабораторию следующим образом: «Учреждение (отдел), ведущее экспериментальную научно-исследовательскую работу, а также помещение, оборудованное для проведения научных, технических и др. опытов» или же как «Отдел предприятия, учреждения, занимающийся анализами и испытаниями чего-либо; помещение, занимаемое таким отделом». Второй вариант интерпретации звучит так: «Область творческой деятельности писателя, художника и т.п.». Таким образом само определение лаборатории, как и музея, лежит на пересечении науки и творчества.

Почему же так важен формат лаборатории, если мы говорим о музее как научном центре? В первую очередь, потому что «идея лаборатории указывает на понимание исследований и знаний как динамических сущностей. Если раньше музей был местом, куда мы приходили, чтобы узнать что-то „наверняка“, то идея музея как лаборатории предполагает, что музей должен быть

пространством, где мы (истинное „мы“, включающее как сотрудников музея, так и посетителей) участвуем в процессе создания знаний» (*Bjerregaard* 2019: 11). Это во многом противоречит традиционалистскому взгляду: «Музей (если это действительно музей) является своеобразным „знаком качества“. Информация, предоставляемая музеями, стопроцентно выверена, изучена и подтверждена фактом» (Манифест 2025). Однако не только базовые принципы науки, но и современная парадигма музейного развития делают акцент на том, что цель музея «не просто представление знаний, но и формирование того, как что-то познавать» (*Bjerregaard* 2019: 11).

Если сузить фокус, то традиционно музей выступает в антропологии в двух базовых ипостасях. С одной стороны, он продолжает оставаться архивом материального и нематериального наследия (*Паунтни, Марич* 2025), а с другой, он периодически выступает как актор и организатор (*Аброськина* 2019; *Поршунова* 2018) или даже заказчик этнографических экспедиций и антропологических исследований (*Куприянов* 2019). Причем сегодня это касается не только этнографических музеев: постепенно прикладная антропология в той или иной форме становится важной частью процесса музейного проектирования (*Азарова и др.* 2017; *Громов, Клим* 2024; *Дзюба*, 2025; *Куприянов* 2019). Однако можно предположить, что сегодня музей может принять на себя и третью функцию в исследовательском процессе и стать антропологической лабораторией. Смещение фокуса с объектов на субъекты экспозиции или выставки логично подводит нас к мысли о том, что и научные активности могут, по крайней мере, частично, переориентироваться на людей, связанных с музеем, и речь здесь идет не только о посетителях, но и об окружающих сообществах.

И музей, и антропология сейчас являются одними из составляющих элементов в практиках устойчивого развития. И если про антропологические исследования в этом контексте стали говорить не так давно (*Brightman, Lewis* 2017; *Ingold* 2019), то роль музеев и наследия как системообразующего фактора для устойчивого развития сообщества была, по сути, сформулирована еще в вышеупомянутой Конвенции Фаро (*Council of Europe* 2005). Именно музей или другие институты наследия становятся центрами локального сообщества (*Зиновьев, Мацкевич* 2015; *Гнедовский, Гринько, Лагутин* 2020); соответственно, на них ложится задача по актуальному исследованию данного сообщества. Мало того, музеи становятся едва ли не ключевым агентом по организации качественной коммуникации между обществом и наукой (*Reichert et al.* 2007; *Bunten, Arvizu* 2013).

Есть еще одна причина, по которой важен фокус именно на антропологических лабораториях. С одной стороны, антропологические исследования своих аудиторий и сообществ важны для любого музея, с другой, антропология позволяет сделать исследование актуальным и для посетителя, сократив дистанцию между ним и музеем и тем самым превратив последний в действительно вовлекающий институт (*Black* 2005), который может на деле, а не на словах быть центром сообщества. Важно заметить, что это принципиально не только для музейной сети, но и для самой антропологии, которая, судя по косвенным данным, практически исключена из сферы гражданской науки и музейного волонтерства (*Научное волонтерство* 2025), а развитие науки о сообществах без самих сообществ выглядит не то чтобы нереалистичным,

но малоперспективным. Впрочем, в прямом диалоге с сообществами сегодня заинтересованы практически все научные дисциплины (*Sobel, Lipson 2015*).

Саму идею музея как научной лаборатории нельзя назвать совершенно новой (*Kreps 2015*), тем не менее, в соответствующих публикациях зачастую речь идет именно об экспериментальном представлении результатов антропологических исследований (*Jacknis 2016*) или даже о лабораториях палеоантропологической реконструкции (*Veselovskaya, Vasiliev 2015*). По этой причине, на мой взгляд, необходимо осветить и другие имеющиеся и перспективные пути развития подобного инструментария. Однако сразу же надо отметить, что речь не будет идти о таких форматах, как научные лаборатории на базе музеев, как, например, в новой экспозиции Музея мирового океана (Калининград), или интерактивные элементы в музейных экспозициях и эксплораториумах.

Аналогично мы не будем здесь подробно рассматривать кейсы, где музейная экспозиция или выставка являются **итоговым продуктом антропологического исследования**, хотя косвенно они затрагивают обозначенную проблематику. Традиционно продуктом антропологического исследования считается академическая монография, статья или другая публикация, но в последнее время итоги исследовательской работы переупаковываются, исходя из целевой аудитории и задач исследования, представая и этнографическим романом, и комиксом, и научным блогом. Музейная выставка или экспозиция также может стать таким форматом. В качестве примера можно привести выставочный проект «Культура движения. Выставка о спорте, традициях и образе жизни»¹, открытый Российским этнографическим музеем (РЭМ) в 2024 г. Выставка отличалась не только оригинальным художественным решением, но и тем, что в основу ее было положено сравнительное антропологическое исследование в Санкт-Петербурге, Дагестане и Республике Коми. Это направление является одним из самых перспективных с точки зрения взаимовыгодных партнерств между музеями и научными центрами. Музей Москвы аналогичным образом проводит цикл подобных исследовательских выставок, посвященных отдельным районам города, «Москва без окраин»².

Музей в качестве учебной лаборатории. В первую очередь музей может стать учебной лабораторией, причем не только для студентов, специализирующихся на гуманитарных дисциплинах, но и для любого человека, который хочет познакомиться с азами антропологической науки. В качестве примера подобного использования можно привести такие задания из современных учебников по антропологии: «Посетите местный музей естествознания и изучите экспонаты, относящиеся к первобытной жизни. Запишите основные отличия между древними и современными людьми» (*Паунтни, Марич 2025*).

Естественно, что подобные решения могут быть использованы не только в естественно-научных музеях, а данный формат может быть интегрирован и с партисипативными исследованиями. В 2014 г. этнографический музей в Кракове предложил своим посетителям поучаствовать в коллективной атрибуции предметов на выставке «10 гребцов». Основой для выставки стали

¹ Официальный сайт Российского этнографического музея URL: <https://ethnomuseum.ru/events1/exhibitions/past/sport-kak-tradiciya/>

² Официальный сайт проекта «Москва без окраин» Url: <https://bezokrain.moscow/>

объекты декоративно-прикладного искусства из Африки, не имеющие точной музейной атрибуции. В этикетаже наряду с техническим описанием объектов были обращенные к посетителям вопросы, которые предлагали определить функционал представленных предметов, выявить их ключевые смыслы и найти параллели с их собственной культурой. Итоги подобной атрибуции могли бы стать материалом для исследований, посвященных как польской идентичности и кросс-культурным элементам, так и взгляду на африканское искусство вне контекста.

Музей как лаборатория автоэтнографии. Здесь мы сталкиваемся еще с одним важным направлением, которое набирает всю большую популярность, но практически не отрефлексировано в профессиональной среде. По сути, многие музейные экспозиции (например, «Старухи о любви», Музей судьбы русской деревни³), а иногда и целые музеи (Музей исчезнувших деревень, с. Сеп⁴) становятся точками для персональной рефлексии на определенную тему. С одной стороны, в данном случае велика роль куратора проекта, но зачастую герои выставки являются соавторами исследования, определяя его направление и проблематику. С другой стороны, для посетителей таких экспозиций визит в музей является и антропологическим автоисследованием. Как минимум, такая цель все чаще ставится создателями.

Более того, с развивающимся сегодня инструментарием brain-friendly museum (*Banzi* 2023), музей не только помогает развивать посетителю собственную рефлексию и когнитивные навыки (*Белолуцкая, Гринько* 2024), но и может стать площадкой для массовых качественных исследований, создав правильную среду и организовав пространство для заочного диалога между исследователем и посетителем.

Поле с инструментом для выборки. О музее как своеобразном этнографическом поле уже давно говорили классики этнографической науки (*Geertz* 1973), и применение антропологических методов к изучению музейных посетителей стало практикой даже в отечественной музейной повседневности (*Максимова* 2014, *Гринько* 2022). Однако, как правило, речь идет именно о прикладном изучении посетителей для оценки эффектов работы самого музея и решения управленческих задач. Экспозиции в данном случае отведена пассивная роль. Альтернативой же могло бы стать целенаправленное изучение различных аспектов жизни локальных сообществ через экспозиционные инструменты. Объективно, если музей понимает свою аудиторию, он вполне может корректировать цели и задачи исследования, исходя из «полевых» реалий.

Потенциально разветвленная музейная сеть могла бы стать одной из основ для централизованных исследований, возрождая традиции Этнографического бюро Тенишева (*Сидорова* 2020). Несмотря на развитие нетографических исследований, подобный инструментарий также мог бы быть использован для отдельных исследовательских проектов, особенно на фоне определенного скепсиса по отношению к результатам онлайн-опросов.

³ Официальный сайт «Музея судьбы русской деревни» // URL: https://uchma.info/main_new.asp?menu=museum&dir=03_aboutlove

⁴ Официальный сайт «Путешествуй по Удмуртии» // URL: <https://visitudmurtia.org/chto-posmotret/muzei-i-galerei/muzey-ischeznuvshikh-dereven/>

Площадка для сбора количественных данных. Исследовательский элемент может быть интегрирован в выставку или постоянную экспозицию как часть посетительского сценария. Подобные инструменты внедрялись в музейную практику уже в конце 2000-х годов. Например, в музее КосмоКайша гостю предлагалось при помощи идентификационной карты в начале раздела экспозиции, посвященного Средиземноморью, отметить ключевые стереотипы о регионе, а после окончания осмотра он снова мог не только ответить на этот вопрос, но и увидеть, насколько в итоге изменилось его восприятие. Аналогичным образом в Музее истории Каталонии на выходе посетитель мог поучаствовать в опросе, который касался основных вопросов, связанных с предоставлением региону более широкой автономии. Важно отметить, что во втором случае опрос проводился только один раз в конце экспозиции, что, безусловно, влияло на результаты ответов и стимулирование рефлексии вокруг спорных социально-экономических тем.

Естественно, что при использовании в исследовательских целях подобные инструменты требуют корректировки, исходя из анализа реальной выборки, которая формируется независимо из аудитории музея.

Здесь стоит остановить внимание на том, что исследования в подобных музейных лабораториях могут быть «упакованы» не только в стандартные научные форматы, но и в классические музейные.

Так, постоянная экспозиция в Доме-мастерской М.К. Аникушина (подразделение Государственного Музея городской скульптуры, Санкт-Петербург) по сути является готовой площадкой для лаборатории городской антропологии, давая посетителю уникальную возможность переформатировать для себя классическое пространство городского ландшафта — Площадь искусств. Здесь не только представлены альтернативные эскизы памятника А.С. Пушкину, но и модели самой площади с возможностью изменить основные параметры памятника (высоту, объем) и его расположение, что автоматически влияет на образ всего ансамбля.

Аналогично в постоянной экспозиции Музея истории польских евреев (Варшава) зрителя знакомят с вариантами архитектурного решения самого музея, который стал архитектурной доминантой для района, и предлагают при помощи стикеров выбрать наиболее оптимальный образ.

Подобные решения, несмотря на их пост-фактумность, все равно вовлекают жителей в жизнь города, заставляют их рефлексировать о природе и вариативности городских пространств, критически оценивать градостроительные решения.

База корпоративных исследований. Помимо городских исследований, одним из наиболее перспективных направлений в данном случае является взаимная интеграция корпоративной антропологии и корпоративных музеев (Гринько 2025).

Сегодня музей может предложить корпорации довольно широкий спектр исследовательских продуктов, который на данный момент практически не задействован: и организацию партисипативных исследований с подключением сотрудников, и UX-аналитику по продуктам компаний, и, конечно, антропологическое изучение коллектива. Здесь количество тем и направлений для

анализа не так велико, но тем не менее, это также может стать одним из стимулов для развития прикладной антропологии.

Отдельно стоит сказать о потенциале **цифровых музейных лабораторий**. Например, проект Музея антропологии Университета Британской Колумбии Reciprocal Research Network⁵, который изначально был направлен на решение проблем с реституцией объектов культурного наследия первых наций, вошел в учебники (*Паунтни, Мариch 2025*) именно как пример музеиного исследовательского проекта, поскольку давал представителям различных групп стейкхолдеров, в первую очередь, местным сообществам, возможность для интерпретации и реконтекстуализации музейных объектов. Они могли онлайн добавлять свои интерпретации, материалы, истории к официальным музейным данным, создавая таким образом совершенно новую картину вокруг предмета. Такие проекты могут стать перспективным форматом для гражданской науки.

Кроме того, даже в нишевых музеях есть большой потенциал для организации антропологических исследований. Так, весьма популярные сегодня музеи СССР (советского быта, советской повседневности) при всей своей экспозиционной простоте могли бы стать крайне интересными площадками для изучения исторической антропологии указанного периода (*Голубев 2022*). Здесь речь может идти и о коллективной атрибуции, и о (ре)интерпретации объектов, и об обсуждении техник тела и культурных практик, связанных с ними.

Естественно, что, как и любое проектное решение, интеграция формата антропологической лаборатории в музейное пространство влечет за собой и ряд потенциальных проблем. Даже если не брать в расчет институциональную оппозицию и внутреннее противодействие, обусловленное неакадемической природой и корпоративной культурой музея, сохраняются и другие риски:

— специфичность выборки: очевидно, что при ядерной аудитории в 13–15% от населения и частой диспропорции в сторону туристов к результатам подобных лабораторий необходимо подходить с осторожностью;

— неоднозначное восприятие форматов: несмотря на популярность интерактивных форм, далеко не все посетители объективно готовы к активной когнитивной деятельности в музейном пространстве, и это необходимо учитывать.

Однако, несмотря на все потенциальные ограничения и трудности, очевидны не только перспективы, но и формирующиеся тренды в качественном развитии взаимоотношений музеев и науки. Вполне возможно, что развитие музейного проектирования в сторону лабораторного формата будет способствовать реальной, а не формальной интеграции музеев в научную среду.

⁵ Официальный сайт проекта *Reciprocal Research Network* <https://www.rrncommunity.org/>

Литература

- Аброськина Е. В.* «Вместо этнографии приходится заниматься исключительно этим...»: послевоенные экспедиции государственного музея этнографии сквозь призму писем к А.Я. Дуйсбург // Музей — Памятник — Наследие. 2019. № 1(5). С. 102–115.
- Азарова В. А., Медведева А. А., Попова Е. В., Юминов А. Г., Юминова О. Б.* Народный музей исчезнувших деревень. Программа исследования и методические материалы /сост. Е.В. Попова, А.Г. Юминов. Ижевск; Нижний Новгород; Сеп, 2017.
- Голубев А. В.* Вещная жизнь: материальность позднего социализма. М.: Новое Литературное Обозрение, 2022.
- Гринько И. А.* Музейная антропология в современном музейном менеджменте: задачи и инструментарий: дис. ... д.и.н.: 07.00.07: Казань, 2021. 433 с.
- Гринько И. А.* Исследовательский UX // Официальный сайт конкурса «Корпоративный музей». URL: <https://corporate-museum.ru/2025/01/37082/>
- Громов Д. В., Клим Н. М.* «Как построить зоопарк»: прикладная антропология в качестве инструмента создания выставочного пространства // Фольклор и антропология города. 2019. № II(3–4). С. 244–256.
- Дзюба Д. Р.* К антропологии отходов: опыт проектирования экспозиции музея мусора // Страхи и надежды в мире ускользающего благополучия. Третий Томский антропологический форум, 3–5 октября 2024 г., г. Томск: тезисы. Томск, 2024. С. 50.
- Зиновьева Ю. В., Мацкевич Ю. Ю.* Музей и его партнеры: взаимодействие с местным сообществом // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 212. С. 83–92.
- Куприянов П. С.* Басманый район в представлениях и повседневных практиках жителей: исследование по заказу музея. Фольклор и антропология города. 2019. № II (3–4). С. 236–243.
- Максимова А. С.* Концептуальные и методологические вопросы изучения посетителей музеев // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2014. № 39. С. 157–188.
- Манифест «Музей прямо сейчас» // Официальный сайт Союза музеев России URL: https://www.souzmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=22588:muzej-pryamo-sejchas-2025&catid=10589&Itemid=176
- Научное волонтерство: Делаем науку вместе. М.: «Альпина нон-фикшн», 2025.
- Образовательные события в музеях: развиваем у подростков мышление и коммуникацию / А.К. Белолуцкая, Н.Г. Жабина, Г.Г. Гурин, А.В. Головина, И.А. Гринько, И.С. Криштофик, В.А. Мкртчян, Т.В. Щербакова, Е.Г. Ушакова; под. ред. А.К. Белолуцкой, И.А. Гринько. М.: А-Приор, 2024.
- Паунтни Л., Марич Т.* Антропология. Всё, что нужно знать о происхождении, становлении и развитии человека. М.: ACT, 2025.

- Порицунова Л. С.* Ледяное сердце Урала // Этнодиалоги. 2018. № 1 (55). С. 151–158.
- Работа музея с местным сообществом: пособие для музейных работников [Электронный ресурс] / сост. М.Б. Гнедовский, И.А. Гринько, А.Б. Лагутин. М.: МОСГОРТУР, 2020. 57 с.
- Сидорова А. С.* История исследования российской повседневности: проект В.Н. Тенишева // Социальные трансформации. 2020. № 31. С. 118–126.
- Banzi A.* The Brain-Friendly Museum. Routledge, 2023.
- Bennett T.* Civic laboratories: Museums, cultural objecthood and the governance of the social // Cultural studies. 2005. Vol. 19. № 5. P. 521–547.
- Bjerregaard P. (ed.)*. Exhibitions as research: Experimental methods in museums. Routledge, 2019.
- Black G.* The Engaging Museum: Developing Museums for Visitor Involvement. Routledge, 2005.
- Brightman M., Lewis J.* Introduction: The Anthropology of Sustainability: Beyond Development and Progress in The Anthropology of Sustainability. Palgrave Studies in Anthropology of Sustainability. Ed. by Brightman, M., Lewis, J. New York, Palgrave Macmillan, 2017.
- Bunten A., Arvizu S.* Turning visitors into citizens: using social science for civic engagement in informal science education centers // Journal of Museum Education. 2013. Vol. 38. № 3. P. 260–272.
- Council of Europe. Framework Convention on the Value of Cultural Heritage for Society, European Treaty Series. 2005. № 199. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/199.htm>
- Fenton W. N.* The museum and anthropological research // Curator: The Museum Journal. 1960. Vol. 3. № 4. P. 327–355.
- Geertz C.* Thick descriptions toward an interpretive theory of culture // Geertz C. The interpretation of culture. NY: Bane book, 1973. P. 3–30.
- Grincheva N.* The online museum: a «placeless» space of the «civic laboratory» // Museum Anthropology Review. 2014. Vol. 8. № 1. P. 1–21.
- Ingold T.* Art and anthropology for a sustainable world // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2019. Vol. 25. № 4. P. 659–675.
- Isaac G.* ‘A laboratory habit of mind’: Exhibit making and nineteenth century experimental anthropology at the United States National Museum // History and Anthropology. 2024.
- Isaac G. et al.* Anthropology, museums and the body: Lessons from an experimental teaching environment // Museum & Society. 2019. Vol. 17. № 3. P. 472–493.
- Jacknis I.* Looking at culture: visualizing anthropology at a university museum in Uncertain Images: Museums and the Work of Photographs. Routledge, 2016. P. 201–219.

Kreps C. University museums as laboratories for experiential learning and engaged practice // *Museum Anthropology*. 2015. Vol. 38. № 2. P. 96–111.

Reich C. et al. Fostering civic dialogue: A new role for science museums? // *Museums & Social Issues*. 2007. Vol. 2. № 2. P. 207–220.

Smith L. The Uses of Heritage. Oxford: Routledge, 2006.

Sobel D. M., Lipson J. L. Cognitive development in museum settings. Taylor & Francis, 2015.

Stuedahl D. et al. Design anthropological approaches in collaborative museum curation // *Design Studies*. 2021. Vol. 75.

Veselovskaya E. V., Vasiliev S. V. Revived past. Museum-laboratory of anthropological reconstruction // *Universum Humanitarium (En)*. 2015. № 1. P. 6–13.

Research Article

Grin'ko I.A. Museums as anthropological laboratories [Muzei kak antropologicheskie laboratori] Anthropologies, 2025, No 2, 28–40, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/28-40>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Grin'ko Ivan Aleksandrovich | grinkoi@mgpu.ru | <https://orcid.org/0000-0002-1594-0244> | Chief Researcher, Research Institute of Urban Studies and Global Education, Moscow City Pedagogical University| Art Media Bureau | Head of the Department

Abstract

The classic image of a museum as a scientific institution currently requires a comprehensive rethinking, which is linked to changes in the formats of scientific work in museums. The article presents options for the museum to function as an anthropological laboratory, allowing for the study of contemporary communities and their transformations. It explores the possibilities for museums to conduct qualitative and quantitative research in their spaces and to work with non-graphic museum sources.

Keywords: museum anthropology, digital humanities, museum visitor, museum science, heritage communities, sustainable development, museum design

References

Abros'kina, E.V. 2019. «Vmesto etnografii prihoditsia zanimat'sia iskliuchitel'no etim...»: poslevoennye ekspedicii gosudarstvennogo muzeia etnografii skvoz' prizmu pisem k A. Ia. Duisburg [«Instead of ethnography, we have to deal exclusively with this ...»: post-war expeditions of the State Museum of Ethnography through the prism of letters to A. Ya. Duisburg]. *Muzei—Pamiatnik—Nasledie*, 1, 5: 102–115.

Azarova V. A., Medvedeva A. A., Popova E. V., Juminov A. G., Juminova O. B. 2017.

- Narodnyi muzei ischeznuvshikh dereven'*. Programma issledovaniia i metodicheskie materialy [The People's Museum of Lost Villages. Research Program and Methodological Materials.]. Ed. E.V. Popova, A.G. Juminov. Izhevsk, Nizhnii Novgorod, Sep.
- Banzi, A. 2023. *The Brain-Friendly Museum*. Oxford: Routledge.
- Bennett, T. 2005. Civic laboratories: Museums, cultural objecthood and the governance of the social. *Cultural studies*, 19. 5: 521–547.
- Bjerregaard, P. (ed.). 2019. *Exhibitions as research: Experimental methods in museums*. Routledge.
- Black, G. 2005. *The Engaging Museum: Developing Museums for Visitor Involvement*. Routledge.
- Brightman, M., Lewis, J. 2017. Introduction: The Anthropology of Sustainability: Beyond Development and Progress. *The Anthropology of Sustainability. Palgrave Studies in Anthropology of Sustainability*. Ed. by Brightman, M., Lewis, J. New York, Palgrave Macmillan.
- Bunten, A., Arvizu, S. 2013. Turning visitors into citizens: using social science for civic engagement in informal science education centers. *Journal of Museum Education*, 38. 3: 260–272.
- Council of Europe, 2005. Framework Convention on the Value of Cultural Heritage for Society. *European Treaty Series*, 199. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/199.htm>
- Dzyuba, D.R. 2024. K antropologii othodov: opyt proektirovaniya jekspozicii muzeja musora [Towards the anthropology of waste: experience in designing an exhibition for a museum of garbage]. *Strakhi i nadezhdy v mire uskol'zaiushhego blagopoluchiia*. Tretii Tomskii antropolicheskii forum, 3–5 okt. 2024 g., Tomsk: tezisy. Tomsk.
- Fenton, W.N. 1960. The museum and anthropological research. *Curator: The Museum Journal*. 3. 4: 327–355.
- Geertz, C. 1973. Thick descriptions toward an interpretive theory of culture. *The interpretation of culture*. NY.: Bane book: 3–30.
- Golubev, A.V. 2022. *Veshchnaia zhizn': Material'nost' pozdneego socializma* [Material Life: Materiality of Late Socialism]. M.: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
- Grincheva, N. 2014. The online museum: a «placeless» space of the «civic laboratory». *Museum Anthropology Review*, 8, 1: 1–21.
- Grin'ko, I.A. 2021. *Muzeinaia antropologija v sovremennom muzeinom menedzhmente: zadachi i instrumentarii* [Museum Anthropology in Contemporary Museum Management: Tasks and Tools]: dis. ... d.i.n.: 07.00.07: Kazan'.
- Grin'ko, I.A. 2025. Issledovatel'skii UX [Research UX]. *Oficial'nyi sait konkursa*

- «*Korporativnyi muzei*». URL: <https://corporate-museum.ru/2025/01/37082/>
- Gromov, D.V., Klim, N.M. 2019. «Kak postroit' zoopark»: prikladnaia antropologiiia v kachestve instrumenta sozdaniia vystavochnogo prostranstva [«How to build a zoo»: applied anthropology as a tool for creating exhibition space]. *Fol'klor i antropologija goroda*. II, 3–4: 244–256.
- Ingold, T. 2019. Art and anthropology for a sustainable world. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 25, 4: 659–675.
- Isaac, G. 2024. ‘A laboratory habit of mind’: Exhibit making and nineteenth century experimental anthropology at the United States National Museum. *History and Anthropology*.
- Isaac, G., et al. 2019. Anthropology, museums and the body: Lessons from an experimental teaching environment. *Museum & Society*, 17, 3: 472–493.
- Jacknis, I. 2016. Looking at culture: visualizing anthropology at a university museum. *Uncertain Images: Museums and the Work of Photographs*. Routledge: 201–219.
- Kreps, C. 2015. University museums as laboratories for experiential learning and engaged practice. *Museum Anthropology*, 38, 2: 96–111.
- Kupriyanov, P. S. 2019. Basmanny raion v predstavleniakh i povsednevnykh praktikakh zhitelei: issledovanie po zakazu muzeia [Basmanny District in the perceptions and everyday practices of residents: a study commissioned by the museum]. *Fol'klor i antropologija goroda*, II, 3–4: 236–243.
- Maksimova, A.S. 2014. Konceptual'nye i metodologicheskie voprosy izucheniiia posetitelej muzeev [Conceptual and methodological issues in the study of museum visitors]. *Sociologija: metodologija, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sociologija: 4M)*, 39: 157–188.
- Manifest «Muzei priamo seichas» [Manifesto «Museum Right Now»]. Oficial'nyi sait Soiuza muzeev Rossii URL: https://www.souzmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=22588: muzej-pryamo-sejchas-2025&catid=10589&Itemid=176
- Nauchnoe volonterstvo: Delaem nauku vmesete* [Scientific Volunteering: Doing Science Together]. 2025. M.: Al'pina non-fikshn.
- Obrazovatel'nye sobytija v muzeiakh: razvivaem u podrostkov myshlenie i kommunikatsiju* [Educational Events in Museums: Developing Thinking and Communication Skills in Teenagers]. 2024. Ed. by A.K. Belolutskaia, I.A. Grin'ko. M.: A-Prior.
- Pauntni, L., Marich, T. 2025. *Antropologija. Vsyo, chto nuzhno znat' o proishozhdenii, stanolivii i razvitiu cheloveka* [Anthropology: Everything You Need to Know About the Origin, Formation, and Development of Humankind.]. M.: AST.
- Porshunova, L.S. 2018. Ledianoe serdce Urala [The Ice Heart of the Urals]. *Etnodialogi*, 1, 55: 151–158.

- Rabota muzeia s mestnym soobshhestvom: posobie dlja muzeinyh rabotnikov* [Museum Work with the Local Community: A Handbook for Museum Workers]. 2020. Ed. by M.B. Gnedovskii, I.A. Grin'ko, A.B. Lagutin. M.: MOSGORTUR.
- Reich, C., et al. 2007. Fostering civic dialogue: A new role for science museums? *Museums & Social Issues*, 2, 2: 207–220.
- Sidorova, A.S. 2020. Istoriia issledovaniia rossiiskoi povsednevnosti: proekt V.N. Tenisheva [History of Research into Russian Everyday Life: V.N. Tenishev's Project]. *Social'nye transformacii*, 31: 118–126.
- Smith, L. 2006. *The Uses of Heritage*. Oxford: Routledge.
- Sobel, D.M., Lipson J. L. 2015. *Cognitive development in museum settings*. Taylor & Francis.
- Stuedahl, D. et al. 2021. Design anthropological approaches in collaborative museum curation. *Design Studies*. Vol. 75.
- Veselovskaya, E.V., Vasiliev S. V. 2015. Revived past. Museum-laboratory of anthropological reconstruction. *Universum Humanitarium*, 1: 6–13.
- Zinov'eva, Yu.V., Mackevich, Yu. Yu. 2015. Muzei i ego partnery: vzaimodeistvie s mestnym soobshhestvom. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 212: 83–92.

© М.Д. Алексеевский, Д.В. Верховцев, Г.Д. Винокуров, А.Л. Гусейнова,
Т.М. Крихтова, А.А. Мартыненко, Д.Ю. Сивков, Г.А. Сталинов

«К людям ради людей»: антропологические телеграм-каналы глазами их авторов

Ключевые слова: телеграм-каналы, цифровая антропология, научная коммуникация, публичная антропология, производство знания

Интервью представляет собой коллективную рефлексию авторов русскоязычных антропологических телеграм-каналов о том, как мессенджер Telegram становится значимой инфраструктурой присутствия дисциплины в публичном поле и одновременно рабочей средой для академической коммуникации. В формате форума участникам было предложено ответить на тематические блоки вопросов о мотивациях запуска каналов, задачах, представлениях об аудитории, распределении контента между онлайн- и офлайн-пространствами, а также о способах удержания научной добросовестности. Ответы фиксируют разнообразие жанров и режимов письма — от небольших медиа и лаборатории автономной мысли до инструмента профессионального позиционирования и сборки сообществ — и выявляют устойчивые напряжения между логикой платформы (например, оперативность, краткость, эмоциональная вовлеченность) и академическими нормами (медленное знание, рецензирование, этика работы с данными). В результате Telegram рассматривается авторами как пространство, где антропологическое знание не столько заменяет традиционные форматы, сколько пересобирается, апробируется и циркулирует, расширяя видимость дисциплины и создавая новые формы коллегиальности и обратной связи.

Алексеевский Михаил Дмитриевич – к. фил. н., руководитель Центра городской антропологии КБ Стрелка. e-mail: alekseevsky@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-9933-4374>

Верховцев Дмитрий Владимирович – независимый исследователь. e-mail: dverhotcev@gmail.com <https://orcid.org/0000-0001-9232-2952>

Винокуров Григорий Дмитриевич – магистрант факультета антропологии ЕУСПб, магистрант департамента истории НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. e-mail: grigorijvinokurov@gmail.com <https://orcid.org/0000-0003-3995-3178>

Гусейнова Анна Левоновна – руководитель направления комфортная и безопасная среда, БФ Х5 “Выручаем”. e-mail: aguseinova@gmail.com <https://orcid.org/0009-0009-8943-4203>

Крихтова Татьяна Михайловна – к. филос. н., научный сотрудник Лаборатории социологии религии ПСТГУ. e-mail: krihtova@gmail.com <https://orcid.org/0000-0003-2572-8316>

Мартыненко Александра Александровна – младший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН; факультет антропологии ЕУСПб. e-mail: amartynenko@eu.spb.ru <https://orcid.org/0000-0001-8561-3006>

Сивков Денис Юрьевич – к. филос. н., доцент факультета социальных наук МВШСЭН, доцент кафедры теоретической социологии и эпистемологии Института общественных наук РАНХиГС. e-mail: d.y.sivkov@gmail.com <https://orcid.org/0000-0002-1645-9604>

Сталинов Георгий Андреевич – преподаватель департамента политики и управления факультета социальных наук НИУ ВШЭ, аналитик лаборатории муниципального управления НИУ ВШЭ. e-mail: gstaninov@hse.ru <https://orcid.org/0000-0001-7806-3413>

Для цитирования: Алексеевский М.Д., Верховцев Д.В., Винокуров Г.Д., Гусейнова А.Л., Крихтова Т.М., Мартыненко А.А., Сивков Д.Ю., Сталинов Г.А. «К людям ради людей»: антропологические телеграм-каналы глазами их авторов // Антропологии/Anthropologies. 2025. № 2. С. 41–66, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/41-66>

Кажется, что за первые десятилетия нового века каждый из нас уже несколько раз «переезжал» с одной цифровой платформы на другую: кто-то сначала писал блог в «Живом Журнале», потом вел группу «ВКонтакте», спорил на интернет-форумах, создавал публичные страницы в разных соцсетях, рассказывал о своей жизни через короткие видео. Мы переезжали из одного места на другое вместе с архивами ссылок, приглашая своих друзей, читателей и подписчиков идти с нами, всякий раз заново участь говорить и по-новому выстраивая границы публичного и приватного. Каждая платформа меняла скорость нашего общения, режим видимости и саму фигуру адресата.

Все это верно и для социальных антропологов, также мигрирующих с одной платформы на другую и адаптирующих свое знание под новые форматы. В последние годы популярной формой рассказа о своей академической работе и местом живой дискуссии стал мессенджер Телеграм (Telegram). Размышляя о роли телеграм-каналов в пространстве русскоязычной антропологии, мы попытались зафиксировать эту остановку на ее цифровом пути и провести своеобразную ревизию того, как мы, антропологи, обжились в пространстве Телеграма. Ориентируясь на формат, принятый в журнале «Антропологический форум», мы предложили авторам нескольких популярных антропологических телеграм-каналов ответить на ряд вопросов (сгруппировав их в тематические блоки): о причинах, побудивших их завести канал; о том, как они соотносят каналы с другими формами существования антропологического знания; как представляют свою аудиторию; что считают допустимым в онлайн-формате, а что оставляют для мира офлайн и другие. Коллеги откликнулись на предложение с энтузиазмом и прислали развернутые, интересные и искренние ответы. В полном соответствии со стилем коммуникации, принятым в мессенджерах, они гораздо менее формальны, чем академические тексты, но при этом содержат ценные наблюдения и тонкую рефлексию относительно сегодняшнего существования антропологического знания, научного и публичного.

Александра Мартыненко

Участники форума:

Михаил Алексеевский, канал «Антрополог на районе» (8290 подписчиков)

Дмитрий Верховцев, канал «AnthropoLOGS» (7749 подписчиков)

Анна Гусейнова, канал «Антропология повседневности» (1770 подписчиков)

Григорий Винокуров, канал «Иней на цветущей ежевике» (2398 подписчиков)

Татьяна Крихтова, канал «Платья, мужики и антропология» (7724 подписчика)

Александра Мартыненко, администратор телеграм-каналов Института лингвистических исследований РАН и факультета антропологии ЕУСПб

Денис Сивков, канал «Земляки и земляне» (2262 подписчика)

Георгий Сталинов, канал «Антрополе» (5612 подписчиков)

- Как и зачем вы запустили канал?
- Какие задачи вы ставите: популяризация антропологии, рассказ об исследовательских находках, вариант полевого дневника, участие в дискуссиях с коллегами?
- Как ваша исследовательская позиция отражается в канале? Что определяет отбор тем и общий тон: теория, поле, ваши собственные интересы, аудитория?
- Как вам кажется, что ваш канал дополняет в публичном обсуждении антропологии? Или это был проект «для себя»?

Григорий Винокуров. Канал «Иней на цветущей ежевике»

Идея запустить канал возникла случайно. В годы своей учебы в бакалавриате мне не хватало возможности обсудить прочитанное с кем-то, кто был бы тоже заинтересован антропологией и разными вопросами, связанными с ней — ее историей, теорией, делами в дисциплине в целом. В отличие от социологии, которая имела заметное и живое присутствие в различных медиа, антропология в Телеграмме казалась слабо представленной или подавалась в формах, которые не находили у меня особого отклика: обрывки «полевых баек», новости институций и т. д.

В какой-то момент я подумал: почему бы не попробовать самому создать «место», где антропология могла бы появляться иначе — ближе к тому, как я сам ее понимаю, и что мне кажется в ней интересным? Так канал начался как своего рода публичный читательский дневник, способ фиксировать и делиться тем, что в большом антропологическом архиве привлекало мое внимание: историей того или иного исследователя, отдельным опытом полевой работы или размышлениями из антропологической теории.

Важно, что канал никогда не задумывался как личный дневник моей собственной работы. Со временем мой скромный замысел расширился. То, что начиналось как маленький эксперимент, превратилось в канал с большой читательской аудиторией. От коллег и друзей я слышал шутки, что посты из моего канала можно давать как дополнительное чтение к курсу по истории и теории антропологии. Я бы не стал заходить так далеко, но для меня такие комментарии важны: они показывают, что темы и тональность, которые я хотел выстроить, находят свой отклик. В этом смысле канал продолжает работать сразу на нескольких уровнях. Это и форма популяризации, способ сделать видимыми части антропологии, которые иначе могли бы остаться в специализированных текстах.

Это также, пусть и косвенно, способ осмыслить собственную позицию в дисциплине: какие истории кажутся мне значимыми, какие способы письма — уместными, и как антропологическое знание может циркулировать за пределами академии. И вместе с тем канал предназначен не только для других — для меня это по-прежнему практика чтения и переосмысливания антропологического архива в таких формах, которые создают новые возможности для вовлеченного разговора и думания.

Татьяна Крихтова. Канал «Платья, мужики и антропология»

В 2017 г., когда я заводила канал, Телеграм был совсем другим явлением. Кажется, тогда вообще никто не думал о монетизации, рекламы почти не было, а каналы считались скорее приятным увлечением. Тогда Телеграм напоминал старый ЖЖ, где всем, кто начинал говорить, было что сказать. Я заводила канал как своеобразный вызов самой себе — смогу ли каждый день писать что-то интересное о своей работе. В самом начале у меня даже получалось. Но этот челлендж задал общее направление — сегодня я пишу только о том, с чем сталкиваюсь напрямую в работе или о том, что делаю для развлечения. Чаще всего это мои текущие исследовательские проекты или преподавание, иногда вопросы в личку, факты, которые встречаю в книгах, или моя реакция на новости; иногда просто делясь красивым, найденным случайно. Я никогда не читала советы о том, как надо вести канал (подозреваю, что все делаю неправильно), не составляла контент-план, не привлекала читателей специально. Поэтому в моем канале много «текучки»: когда мы делали большое исследование бездомных или изучали православные приходы в разных городах, я публиковала много заметок в жанре «это происходит со мной прямо сейчас», и для меня самой это был самый ценный контент.

Сам по себе Телеграм интересен тем, что, имея очень простой интерфейс, он совмещает в себе очень много процессов: здесь мы обсуждаем с коллегами проекты, с соседями — капремонт, бронируем билеты на концерты, узнаём новости. Под названием «телеграм-канал» встречаются очень разные жанры: от официальных аккаунтов компаний до личных дневников. Нет каких-то установок, что можно, а что нельзя делать. Отсюда возникает путаница, когда нам предлагают странные коллаборации, рекламу коучей и кредитных карт, продажу канала, нагон подписчиков, архив текстов для нашего канала, написанный другим человеком (хотя все мы знаем, что даже не человеком). Конечно, это иногда обижает, и ты думаешь: «Да я тут пишу сама, а они ничего не понимают», — но это провал коммуникации, вызванный именно разнообразием форматов, за которое мы и любим Телеграм.

Денис Сивков. Канал «Земляки и земляне»

Моя жена Алена работает в пиаре. В какой-то момент она сказала что-то вроде: «Чувак, у тебя уникальная тема. Этим никто не занимается. Ты пишишь книгу о любителях космоса. Заведи канал и рассказывай всем про это. Я помогу с контент-планом и прочим». Я решил сделать телеграм-канал про антропологию космоса, или, шире, о социальных исследованиях космоса. Алена стала редактировать мои посты. Название канала «Земляки и земляне» появилось из моих исследований в малых космических музеях. В этих похожих словах «земля» использовалась в двух разных смыслах: земляки живут на земле — ограниченном месте, где все знают друг друга в лицо, а земляне — на Земле, одной из миллиардов планет во Вселенной. В региональных музеях я увидел, что земляки хотели быть землянами. Вот это напряжение между «землей» и «Землей» и вошло в название канала. Я заранее заготовил несколько постов, и мы запустили канал 12 апреля 2021 г. В первую очередь мне хотелось обозначить становящуюся в России и мире область исследований. Вроде бы очевидный факт: космос создают люди. При этом, с одной стороны, инженеры и ученые-естественники создали и держат монополию

на любую экспертизу в отношении космического. С другой стороны, коллеги по цеху часто испытывают недоумение вроде: «Что там в этом космосе можно исследовать?». Мне хотелось показать, что в изучении и освоении внешнего пространства есть интересные темы, и что на космос в целом можно посмотреть с интересного угла.

Соответственно, вторая задача, связанная с первой — формирование со-общества: и исследователей, и интересующихся. Мне хочется, чтобы в этой области, по крайней мере в русскоязычном сегменте, канал стал «обязательной точкой перехода». Уже сейчас, если меня спрашивают о какой-то теме — например, поиск внеземного разума, психологическая служба поддержки космонавтов или этика в астробиологии — я даю ссылку на свои готовые посты и показываю, что об этом в принципе можно писать. Было бы здорово, если материалы канала вдохновляли бы других людей думать о чем-то, исследовать и создавать продукты в этом поле — статьи, посты, фильмы, перформансы — все что угодно.

Конечно, канал, работает и на личный бренд: вот я «такой-то и такой-то», это моя тема, приходите ко мне за экспертизой. Много предложений я получал от разных институций в последнее время после того, как кураторы и продюсеры подписывались на мой канал.

В канале я пишу в первую очередь про свои исследования. Для некоторых постов используется полевой материал или теоретические находки. Бывает так, что моя статья или глава из книги «дарит» один или несколько постов. В то же время канал для меня — своего рода черновик или поле потенциальности. Бывает так, что я придумываю несколько постов на одну тему, а они потом складываются в совершенно новую лекцию, статью или главу. Со временем экспертиза становится гибкой и комбинаторной. Канал — это каталожные ящики Лумана. Условно говоря, посты на разные темы становятся своего рода элементами, которые дополняют и даже усиливают друг друга.

При этом мне интересно обращать внимание на неочевидное. То есть находить в материале какую-то, казалось бы, незначительную деталь и через нее выстраивать повествование. Я заметил, что начинаю «мыслить каналом». Появляются необычные связи: образ из научной фантастики в книге классика социологии или гностический опыт в переживании инженера-испытателя. Это дает специфическую оптику и внимание, которое отличается от привычной работы с материалом (данными и текстами).

Несмотря на то, что у меня канал специфический — все о космосе с перспективы антропологии — я думаю и о дисциплине вообще. Во-первых, это, конечно, пропедевтика. Мы делаем на канале спецпроекты — несколько постов на одну тему. Например, вышла первая часть проекта «Астроанимизм». В него, кроме, случаев космической тематики, я специально включил несколько любопытных историй, объясняющих, что такое анимизм вообще. Или недавно написал пост про роль подкастов в антропологии. В тексте ни слова про космос, но тематика смежная — как использовать новые медиа для исследований.

Во-вторых, не секрет, что есть различные научные стили в разных академических институциях. Например, где-то принято давать только насыщенное описание, используя термины из в общем-то известного и проверенного дис-

циплинарного вокабуляра. В других местах можно иногда ссылаться на классиков (и даже некоторых современников) по типу: «у меня, как у Гирца». Где-то еще сначала нужно приготовить крепкий теоретический отвар, а потом выпить его на полевые материалы в надежде, что отвар впитается в данные или растворит их как кислота. Я надеюсь, что мне удается в популярной форме воплощать другой идеал: исследование в антропологии — это интересный рассказ на основе столкновения теоретических споров и насыщенной эмпирики.

Анна Гусейнова. Канал «Антрапология повседневности»

Я начала вести канал в марте 2022 г. До этого момента я писала о работе и о личном в Facebook¹. Там у меня был довольно развитый канал коммуникаций, свыше 5 тысяч подписчиков, но самое главное — в FB* я основала группу для любителей малоизвестного кино, которая выросла до полумиллиона участников. И это все в один момент превратилось в «тыкву». Чтобы сохранить «голос» и пространство для общения, я перешла в Telegram. Постепенно он стал не просто заменой, а формой самосохранения и профессиональной независимости.

Для меня канал — это лаборатория. Это, с одной стороны, мои «собственные черви» — как у Ч. Дарвина, который десятилетиями наблюдал за червями у себя дома. Я где-то читала, что он возвращался к этим исследованиям именно тогда, когда другие проекты заходили в тупик. Это было его гарантированной защитой от внешних обстоятельств, и решения по этой лаборатории не нужно согласовывать ни с заказчиками, ни с институтами, ни с коллегами. Это твой процесс, твой темп, твоя рефлексия. Так и с моим каналом: он стал местом, куда я могу вернуться, когда внешние проекты сложны или зависают. Своего рода лаборатория автономной мысли, где я могу наблюдать, задавать вопросы. Это и есть мои личные «черви»: маленькая, но живая работа, которая постоянно поддерживает мой исследовательский и человеческий интерес.

А вторая его очень важная функция для меня — это инструмент для создания собственного языка, языка для моего высказывания, как проводника между «центром» (корпорациями, государством, институциями) и «периферией» (самоорганизованными сообществами, низовыми практиками). Во всех моих проектах — от диссертации про досуг до книги «Город похожих и разных»² — всегда возникает одна и та же тема: как люди могут быть устойчивее и свободнее, если опереться не только на вертикаль власти, но и на горизонтальные связи.

Я более 15 лет работаю над социальными, образовательными, благотворительными, культурными и урбанистическими проектами, руковожу ими на этапах предпроектных исследований, проектирования, pilotирования, а иногда и запуска в тираж. На всех этапах строю подходы на пересечении антропологии, принципов устойчивого развития (ESG³) и практического социального проектирования. Пытаюсь отстаивать в корпоративных проектах

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана в РФ экстремистской организацией и запрещена. Прим. ред.

² Гусейнова А., Цатрян В. Город похожих и разных. СПб.: Поляндрия, 2025.

³ ESG (Environmental, Social, Governance) — устойчивая аббревиатура, описывающая подход к оценке деятельности компаний, учитывающий их влияние на окружающую среду, социальную сферу и корпоративное управление (прим. ред.).

интересы отдельного человека и локальных сообществ. Пишу о том, почему важно думать о влиянии изменений на жизнь человека, что делает сообщества устойчивее, а что наоборот — разобщает и лишает людей субъектности, и почему такие сценарии не выгодны ни одной из сторон. На совещаниях обычно крайне мало времени и всего не объяснишь, поэтому всю аргументационную базу я излагаю в своем канале. Знаю, что многие мои коллеги подписаны и читают. Это здорово помогает в моей работе.

Я часто пишу базовые теоретические вещи, перечитываю классиков, чтобы все больше и больше важных теорий прояснялось для коллег из НКО, корпоративного и государственного управления. Когда одновременно работаешь внутри «центров» (корпорации, фонды, государственные структуры) и видишь их уязвимость в замкнутости в своем «пузыре», а с другой стороны — наблюдаешь, как люди на периферии создают свои маленькие автономии, возникает острыя потребность быть и переводчиком, и посредником, и иногда — адвокатом тех, кого «центр» не замечает по разным причинам, разворачивая свои программы и проекты.

Мне очень нравится, как складывается антропологическая повестка в Телеграм. Очень позитивная, открытая, поддерживающая среда. Каналы-«стажиры» регулярно делают обзоры и рецензии про каналы «новичков», друг друга рекламируют и тем самым определяют себя как сообщество. Такую открытость я объясняю тем, что каналы заводили люди и коллективы, заранее понимающие, что этот жест — своего рода выход из строгих академических рамок. Это смелость и эксперимент. Надо сказать, что все равно периодически сталкиваешься с осуждением чрезмерного отступления от академического знания, но это очень хорошо, потому что такие споры как раз идерживают границы, не позволяют им размыться.

Георгий Сталинов. Канал «Антрополе»

Как-то мы «забились» с женой, что каждый из нас будет вести страницу на ЯндексДзен на протяжении месяца — каждый день выкладывать по какому-то содержательному посту по нашим профессиональным сферам. И, на самом деле, Дзен лучше получалось поддерживать у нее. Я же быстро понял, что для меня это какое-то гиблое дело, ведь если у нее про дизайн еще хоть как-то залетало, то у меня про антропологию и этнографию — вообще нет. Я понял, что надо переходить в Телеграм.

Я сразу хотел канал развивать до серьезных цифр. У меня не было целивести кулачный рассказ для тех, кто случайно наткнется на канал, мне хотелось его именно продвигать. Я закинул его в общее обсуждение по всей Вышке, то есть просто написал письмо, которое пришло всем сотрудникам. После меня владельцы других телеграм-каналов тоже начали писать, что у них есть свои каналы. А в мой канал это письмо сразу привело больше двухсот человек. До этого я добавил всех своих друзей, знакомых, кого вообще мог — заставил подписаться. Надо сказать, что сначала у меня были очень навязчивые методы продвижения.

Я хотел вести полевой дневник, рассказывать людям о поле, показывать материалы, которые обычно остаются «в столе», но которые на самом деле

интересны широкой аудитории. И на фоне этого двигаться к социальной антропологии. Что же касается выбора тем, то тут — «что вижу, то пою». То есть я пишу все время о своей какой-то текущей работе: например, если я делаю исследования на Камчатке, еду туда в поле, то обязательно рассказываю про повседневность на Камчатке, про свое путешествие и так далее. Или другой пример — я проверяю курсовые студентов на разные темы и в канале рассказываю про то, что они там интересного «нарыли».

Интересно, что мой канал дает возможность сразу заливать свои материалы в сеть на обзор публики и сразу же получать критику: это некоторая возможность теста своего материала, своих выводов. Меня много критикуют, в том числе потому, что я влезаю в чужие сферы, и приходят коллеги, профессионалы со своим экспертным взглядом. Благодаря этому узнаю много нового, и это не дает мне попасть впросак перед коллегами онлайн на научном мероприятии. Но если говорить о том, что привносит мой канал в антропологическое поле, то это опыт публичного обсуждения дневниковых, еще сырых материалов.

Мне кажется, что мой канал вообще повышает взаимопонимание. Не могу сказать «взаимопонимание в обществе», потому что у него пока что не такая большая аудитория, но тем не менее люди, надеюсь, через канал лучше понимают друг друга и лучше начинают понимать все разнообразие жизни, которая встречается на просторах России. В то же время обращают внимание на чьи-то проблемы.

Я, например, много рассказываю про курьеров и таксистов. Через мой канал люди узнают, что они, оказывается, не зарабатывают миллиарды долларов, как об этом говорится в СМИ. И что работа таксистом и курьером — это довольно тяжелый труд в сложных условиях. Я думаю, что голоса моих информантов, конечно, становятся видны через канал, как они становятся видны и через статьи. Вот только через канал их могут увидеть тысячи, а в перспективе и десятки тысяч людей, а в научной статье их увидят десяток специалистов, к сожалению.

Дмитрий Верховцев. Канал «AnthropoLOGS»

Идея завести канал пришла, когда закончились основные занятия в аспирантуре — лекции и заседания исследовательского семинара. Тогда у меня не было постоянной академической институционализации (как нет ее и сейчас), поэтому в то время особенно остро проявилось ощущение пустоты, отрыва от научного дискурса. Чтобы не отстать, я решил завести канал, который, как предполагалось, должен был стать стимулом оставаться в курсе антропологических мероприятий, идей и новинок литературы.

Сперва я видел предназначение канала в совмещении популяризации антропологии с ролью агрегатора новостей из мира антропологии для людей к ней причастных. Но очень скоро появились и другие жанры, в том числе посты о собственных исследованиях, в которых очень важно получать комментарии от коллег, или презентация взгляда на какие-то общественно-значимые события через антропологическую оптику. Общей задачей, наверное, на данный момент остается повышение видимости антропологии в русскоязычном

дискурсе, показ широты ее приложения к самым разным областям жизни и распространение антропологического взгляда в обществе.

Конечно, несмотря на вышеописанную заявку представить читателям канала антропологию целиком, на отбор новостей, анонсов и литературных новинок влияет и сфера моих собственных научных интересов, где я в большей степени осведомлен о происходящем. То же касается и «антропологического взгляда» — естественно, что обычно его представляют те концептуальные и теоретические рамки, которые формируются моими собственными интересами в этой области.

Ну а общий тон в канале стараюсь держать неформальный, так как интернет и без меня переполнен официозными пресс-релизами и анонсами. «К людям ради людей!» — так формулировал задачу этнографии основатель нашей кафедры Рудольф Итс.

В момент основания канала я как раз не видел особенного публичного обсуждения антропологии вне рамок сугубо научных мероприятий; тогда были лишь отдельные замечательные каналы и блоги, имеющие скорее авторский фокус. Поэтому я постарался сделать именно такую площадку для дискуссий, обсуждения, обмена мнениями и информацией. Очень рад, что с тех пор количество антропологических каналов значительно увеличилось, и они сформировали относительно стойкое и дружное сообщество как в ракурсе информационной сети, так и в смысле общения их авторов.

Михаил Алексеевский. Канал «Антраполог на районе»

«Антраполог на районе» — это уже третий научно-популярный медиапроект, который я запустил. Моим дебютом было создание в 2006 г. ЖЖ-группы *ru_folklorist*, которая довольно быстро стала точкой сборки для профессионального сообщества отечественных фольклористов и до сих пор функционирует в нескольких социальных сетях. Потом с 2014 г. я, начав руководить Центром городской антропологии в урбанистическом консалтинге КБ Стрелка, вел страницу Центра в ныне заблокированном Фейсбуке⁴, стараясь делать что-то вроде интернет-журнала с рубриками-хэштегами. Идея завести научный телеграм-канал возникла еще в 2017 г., когда была первая волна популярности этого формата. Но пока я раздумывал над концепцией, Телеграм стали блокировать, так что запускаться было как-то глупо.

Звезды сошлись лишь в 2020 г. — с одной стороны, Телеграм разблокировали; с другой стороны, из-за пандемии все сидели по домам, у всех появилось больше свободного времени и для чтения, и для ведения телеграм-каналов. И вот тогда — в апреле 2020 г. — мы с моей коллегой Дарьей Радченко запустили телеграм-канал «Антраполог на районе». С самого начала было понятно, что это будет не личный дневник ученого и не официальная страница научного центра, а «small media» — маленький научно-популярный журнал про городскую антропологию.

Зачем этот проект нужен? Он решает три задачи: а) собирает в одном месте научные новости, свежие публикации и анонсы мероприятий по теме; б) популяризирует городскую антропологию как субдисциплину; в) формирует

Алексеевский М.Д., Верховцев Д.В., Винокуров Г.Д., Гусейнова А.Л., Крикхова Т.М., Мартыненко А.А., Сивков Д.Ю.,
Сталинов Г.А. «К людям ради людей»: антропологические телеграм-каналы глазами их авторов

⁴ Принадлежит компании Meta, которая признана в РФ экстремистской организацией и запрещена. Прим. ред.

сообщество людей, которым все это интересно. Кажется, что существование подобного медиа прежде всего полезно для развития городской антропологии в России. Прямо скажем, не у каждой антропологической субдисциплины есть такого рода ресурс. Но, конечно, я сам тоже получаю от работы над проектом большое удовольствие, потому что он дает повод глубже разобраться в темах, которые мне интересны.

— **Что дает телеграм-коммуникация антропологии как дисциплине? Какие темы, чьи голоса благодаря этому стали заметнее?**

— **Считаете ли вы, что в телеграм-каналах производится антропологическое знание? Если да, то в чем его отличие от конференций и семинаров, публикаций в научных изданиях?**

— **Как вы распределяете контент между онлайн- и офлайн пространством: что допустимо и органично в Телеграме, а что должно быть оставлено за его пределами?**

— **Как вы удерживаете стандарты научной добросовестности в быстрых публикациях?**

— **Отмечаете ли вы структурное напряжение между логикой платформы (скорость) и академической нормой (медленный рецензируемый цикл)?**

— **Видите ли вы риск «медийного смещения», своеобразной подгонки тем и аргументов под поощряемые форматы и ожидания аудитории?**

— **Бывает ли, что вы сознательно жертвуете сложностью ради читаемости — и какие «предохранители» ставите, чтобы не потерять смысл?**

Михаил Алексеевский. Канал «Антрополог на районе»

На мой взгляд, одна из фундаментальных проблем социокультурной антропологии в России заключается в том, что в обществе о ней мало кто знает. В этом смысле повезло физической антропологии — ее популяризацией много лет блистательно занимается харизматичный Станислав Дробышевский, который, по опросу ВЦИОМ 2023 г., входит в тройку самых известных россиянам современных ученых (впрочем, даже его называли лишь 0,5% респондентов). И я считаю, что социокультурным антропологам очень полезно было бы тоже повышать узнаваемость дисциплины. И в современной России Телеграм является одним из основных каналов коммуникации, а ведение канала — чуть ли не самым простым способом для ученого (и не только) начать делиться тем, что ему важно и интересно, с широкой аудиторией. Телеграм-канал легко может стать своего рода репродуктором, и да, опыт показывает, что с его помощью твой голос становится слышнее и авторитетнее.

Ну а дальше все зависит от тебя и того, что ты хочешь — можно делать более популярный проект, ориентируясь на интересы и запросы широкой аудитории, а можно бескомпромиссно писать головоломным научным языком

об очень узкоспециальных научных проблемах, которые обычным людям неинтересны и непонятны. Но фишкой в том, что даже во втором случаеведение телеграм-канала поможет вам расширить свою аудиторию и продвигать свои научные идеи и интересы. Когда-то я написал диссертацию про похоронно-поминальные притчания и был очень увлечен этой темой. Как кажется, за 20 лет со времени защиты мои научные работы на эту тему прочитало в лучшем случае несколько десятков заинтересованных коллег. Однако я уверен, что если бы я сейчас запустил телеграм-канал про притчания, то довольно быстро у него появились бы, как минимум, сотни читателей. А уж дальше вы сами должны решать, нужно ли жертвовать сложностью ради читаемости, подстраиваться под интересы широкой аудитории, давать ссылки на научные работы и т.п.

Денис Сивков. Канал «Земляки и земляне»

Что касается пользы Телеграмма для антропологии, то это сильно зависит от самого формата канала. Есть каналы-агрегаторы, которые просто собирают чужие посты по теме. Есть каналы-дневники, где авторы постят все, что взбредет им в голову. Есть гибридные каналы, совмещающие разные практики. «Земляки и земляне» — оригинальный канал с материалами, претендующими на новизну. При этом я твердо убежден, что любое знание должно быть понятным и интересным. В то же время любые тексты и речи должны содержать сложные и противоречивые элементы, но чаще я сталкиваюсь с тем, что академические продукты полностью состоят из «птичьего» языка. Хотелось бы верить, что для некоторых авторов их телеграм-канал мог бы быть тренажером в отношении ясности и понятности.

Скорость в исследованиях нелинейна и относительна. В оригинальных каналах полезно готовиться заранее — иметь контент-план и делать рисерч. Стоит понимать, что разные форматы не обязательно противоречат друг другу, а скорее могли бы научить разным перспективам. Где-то в академии может пригодиться быстрый ход, но и в медиа замедление даст свои результаты.

Анна Гусейнова. Канал «Антропология повседневности»

Телеграм сделал культурную антропологию в России доступнее и заметнее для широкой аудитории. Он дал голос не только академическим центрам, но и независимым исследователям, студентам, практикам. В этом смысле здесь рождается особое знание — живое, полифоничное, не претендующее на академичность.

С каждым днем все больше дискуссий, сомнений, вопросов о том, действительно ли технологические и экономические успехи означают какое-либо улучшение жизни общества и отдельного человека. И вопросы эти во многом к антропологии. Поэтому нужны доступные пространства для этих диалогов. В Телеграмме знание моментально обретает форму текста, который доступен широкой аудитории. Это знание менее «проверенное», но более чувствительное к контексту, ведь оно фиксирует в моменте именно сегодняшний взгляд, который зависит от множества факторов.

Я редко публикую сырье полевые материалы, и никогда — данные, связанные с NDA⁵. В канале я скорее рефлексирую, ставлю вопросы, намечаю

⁵ Non-Disclosure Agreement — соглашение о неразглашении конфиденциальной информации (прим. ред.).

связи. Для академической дискуссии остаются тексты статей, лекции, конференции. Чтобы сохранить стандарты научной добросовестности, я всегда стараюсь указывать источники, делаю активные ссылки на статьи и книги. Иногда я не публикую материал, если не удается перевести текст на «ясный язык» или если «ясный текст» искажает и чрезмерно упрощает идею.

Я считаю, что риск медийного смещения все же есть, ведь алгоритм внимания в соцсетях поощряет краткость и эмоциональность. Иногда ловлю себя на том, что начинаю думать «категориями поста» — искать яркую цитату или триггерную формулировку для заголовка.

Георгий Сталинов. Канал «Антрополе»

Я не считаю, что в Телеграмме производится какое-то особое антропологическое знание. Однако, что особенно ценно, бывает, что в канал приходят люди, которые буквально подкидывают инсайты! Например, я пишу в канале про курьеров — и в комментарии приходят курьеры, скидывают такие материалы, которые можно включить в обработку: например, рассказывают про свой заработка или распорядок дня. В этом проявляется и отличие Телеграмма от, например, конференций — тут всегда есть большая и живая аудитория, которая может участвовать в обсуждении какой-либо темы продолжительное время, а не только здесь и сейчас, как это происходит на конференциях.

Что я считаю допустимым, что можно делать, а чего нельзя? Ну, я стараюсь, конечно, ориентироваться все равно на свою аудиторию. И это ограничивает круг того, что я могу сказать и в какой форме я могу подать информацию. Бывает у меня порыв прикол закинуть, может быть даже пошлый какой-то, но я себя останавливаю.

Мне кажется, что темы можно затрагивать разные. В том числе без проблем можно писать на те темы, по которым другие люди любят себя самонцензировать. Но формат, например, «кружочков», такие короткие видео записывать в моем научноп-канале я не стремлюсь, только если из поля в порядке исключения.

Что касается стандартов научной добросовестности в публикациях, то я их никак не выдерживаю. В Телеграм можно писать все что угодно на самом деле. Стараюсь только откровенно не врать и, если меня поправляют, то выпускать опровержения. Но случайно сорвать, то есть ошибиться, могу. И важно этого не бояться, иначе будешь выпускать по одной публикации в месяц или в полгода или писать вообще на одну и ту же тему, в которой ты прям разбираешься.

Я же хочу затрагивать разные темы, мне это интересно. Кидать взгляд антрополога и социолога на разные феномены, обсуждать их с людьми. Пускай, да, я где-то ошибся, но, если честно, то и в статьях люди тоже часто ошибаются и пишут какую-то бурду — и ничего страшного, мир от этого не разрывается, континuum не уничтожается, и все живы-здоровы. Я думаю, что у людей, которые читают такие каналы, все равно достаточно критическое мышление, чтобы не верить на слово.

Риск медийного смещения в случае Телеграма, конечно, есть — можно начать говорить обо всем. Я стараюсь разграничивать свою деятельность в «телеге» и в науке. То есть я пишу статью не так же, как я пишу пост, я переключаюсь. И в Телеграме я позволяю себе писать на разные темы. При этом можно признавать, что ты не эксперт, но вот такая интересная тема тебе попалась. Ведь статьи ты будешь писать все равно про вещи, в которых ты эксперт. А еще, наверное, если начать зарабатывать на медиа, то тебя туда затянет, и ты, может быть, просто бросишь науку. И некоторые, наверное, так и делают. Станислав Дробышевский и Наталья Зубаревич очень много говорят о том, что знают чуть глубже обывателей и гораздо поверхностнее специалистов по теме. Но зовут, конечно, все равно тех, чье имя стало брендом, так общество полнится домыслами и стереотипами, произведенными «учеными». Этих «ученых» академическое сообщество начинает выталкивать, а мне очень не хотелось бы остаться за кормой, потому что все-таки мое призвание — социальные исследования.

Жертвуя ли я сложностью ради читаемости? Я, на самом деле, в принципе очень просто пишу, и поэтому часто мне приходится «сложнее» писать для того, чтобы текст проходил в научные журналы, а в Телеграме я пишу так, как мне комфортно, и людям это довольно понятно. Хотя бывали отзывы, что я тут что-то вообще непонятное написал на своем «научном», но это все-таки редкость, и, наверное, большая часть аудитории готова меня читать. То есть я пишу с ходу — я не думаю «кой, это слишком сложно, это слишком легко». Наверное, мой нативный стиль — публицистический.

Татьяна Крикштова. Канал «Платя, мужики и антропология»

Авторские телеграм-каналы — это особый жанр, который дал голос исследователям и специалистам в узких областях. Он отличается от научных статей, которые имеют определенный формат и должны соответствовать политике журнала, и от материалов СМИ, которые готовят другие люди, и исследователи часто нужны им для того, чтобы продемонстрировать какую-то свою идею (от этого очень часто страдает качество материала). Благодаря появлению телеграм-каналов мы можем видеть людей, работающих в узких сферах, самых разных организациях, можем с ними общаться и иногда в реальном времени наблюдать, как ведется исследование или пишется книга. Кажется, специалисты в узких областях начали создавать каналы потому, что оценили возможность высказать свою мысль прямо здесь и сейчас своими словами всем желающим ее услышать.

Несмотря на то, что сегодня, после массовой миграции из других социальных сетей, мы видим много коммерческих каналов, в том числе по научной тематике, ведущихся людьми, которым это все вообще не интересно, формат «исследователь или специалист рассказывает о своей работе» все еще жив и актуален. Здесь действительно ценятся длинные тексты, можно быть вос требованным автором, не имея дорогой камеры, блогерской команды, а только свои знания, свой стиль и свою позицию. И в меня вселяет оптимизм то, что тысячи людей читают каналы, в которых есть только текст.

Дмитрий Верховцев. Канал «AnthropoLOGS»

Думаю, телеграм-коммуникация прежде всего идет на пользу молодым (во всех смыслах) исследователям и направлениям, которым сложнее быть

Алексеевский М.Д., Верховцев Д.В., Винокуров Г.Д., Гусейнова А.Л., Крикштова Т.М., Мартыненко А.А., Сивков Д.Ю.,
Сталинов Г.А. «К людям ради людей»: антропологические телеграм-каналы глазами их авторов

видимыми в рамках стандартных коммуникативных ситуаций в науке, где много решают разного рода иерархии. Однако хочется надеяться, что антропологические каналы помогают также сделать антропологию и антропологов заметнее среди широкого круга читателей за пределами узкой академической тусовки.

Может быть, в каналах и не производится знание как таковое, но во всяком случае это важный и полезный инструмент для его производства. Пока Телеграм мне кажется лучшим способом оставаться в курсе всего нового в антропологии и смежных областях, местом, где можно искать единомышленников для обсуждений и коллоквиумов, а также где можно выносить идеи на первичное обсуждение, иногда отнюдь не дружелюбное (это же Интернет), но от этого чаще всего наиболее плодотворное.

Конечно, формат поста в канале сильно отличается от любого научного формата, что накладывает множество ограничений на использование академических стандартов. Здесь, как мне кажется, главным выходом является важная черта антропологии — рефлексивность, искреннее описание источника данных, глубины анализа и методологии рассмотрения. В научную статью я не стал бы включать картинку с инфографикой неизвестного авторства, но если она чем-то интересна — почему бы не обсудить в Телеграмме; главное — указать, что это, возможно, не академический источник. Если интересная идея — не плод многолетних исследований, а пришла в голову вчера при чтении текста на ранее не знакомую тему, статью про это не напишешь, но пост — можно, если указать все обстоятельства «первого погружения». Перефразируя героя фильма «Старики-разбойники» в исполнении Евгения Евстигнеева: «Честность рефлексии — главное оружие (Телеграмм-)антрополога!» Это всегда обеспечит должный уровень научной добросовестности.

Григорий Винокуров. Канал «Иней на цветущей ежевике»

В каком-то смысле российский академический Телеграм — это проявление того, к чему призывали многие в глобальной антропологии: выходу дисциплины за пределы существующих форматов, жанров и пространств письма, предназначенных исключительно для академической аудитории. Можно помянуть Savage Minds и другие антропологические блоги, которые существовали в сети, но академический Телеграм — чисто русскоязычное явление и связывается здесь своими контекстами.

Некоторые коллеги рассуждают о том, что сегодня есть «мода на антропологию». Хотя меня несколько смущают эти разговоры — отчасти, потому что они могут быть способом снять с себя ответственность и сказать, что «студенты и так все знают заранее, приходя в аудиторию», но доля правды в словах о моде есть. И Телеграм в России в этом смысле играет не последнюю роль, создавая пространство для публичного проявления антропологии и тех, кто ею занимается, давая возможность самым разным голосам звучать. Не в последнюю очередь голосам студентов, аспирантов и исследователей, работающих в темах, которые пока слабо представлены в «классических» и сугубо академических антропологических кругах.

- Кто ваша целевая аудитория (студенты, коллеги, шире «зaintересованная публика»)? Для кого вы пишете?
- Кому вы на самом деле пишете в момент письма — и меняется ли адресат по мере редактуры?
- Чего вы хотите от читателя? Согласия, сопротивления, соавторства, молчания? Как это желание формирует композицию и интонацию поста?
- Получали ли вы обратную связь (как коллег, так и просто читателей канала), которая повлияла на ход исследования, преподавания? Может быть, у вас есть примеры, когда реакция или предложения читателей, коллег, повлияли на публикации или дискуссию в канале?
- Используете ли вы каналы как исследовательский инструмент (наблюдение за комментариями, опросы)? Как отделяете аудиторию от «поля»?

Татьяна Крихтова. Канал «Платья, мужики и антропология»

В профиле моего канала я называю его «вещание с табуреточки». И для меня это значит отсутствие какой-то целевой аудитории. Собственно, кто мимо табуреточки проходил, тот и целевая аудитория. Поэтому мои публикации выходят в самых разных форматах: интересные картинки и факты, длинные рассуждения, рассказы об истории антропологии, ссылки на что-то важное. Недавно преодолела еще один блок и стала рассказывать про художественную литературу. Я не отказываюсь от записи, потому что она слишком простая или слишком сложная. Имея свое личное пространство, которое забирает некоторые силы, при этом не приносит денег, меньше всего хочется думать о целевой аудитории и показателях. Значит, и от читателя можно не ждать вообще ничего.

Конечно, это не касается моих ошибок. Мне приходилось удалять публикации, писать опровержения на саму себя, даже извиняться за недостоверную информацию. Например, однажды написала о том, что дедушка Зои Космодемьянской был канонизирован. Это казалось мне общезвестным фактом, который я слышала от разных людей и поэтому думала, что так и есть. Пришлось провести мини-исследование, в ходе которого оказалось, что не был (его перепутали с тезкой). И я всегда благодарна читателям, которые пишут про неточности в личные сообщения. Несколько раз удаляла то, что написала в порыве, а потом перечитывала и думала: «Что ты несешь вообще?» Ни от ошибок, ни от внезапных кринжовых постов никто не застрахован.

Но комментарии я не включила не потому, что не хочу слышать других, а потому что у меня нет ресурса на модерацию дискуссии. К тому же в каналах у коллег складываются неплохие чаты, где желающие активно обсуждают антропологию.

Анна Гусейнова. Канал «Антрапология повседневности»

Моя аудитория — это в основном коллеги из корпораций, НКО, государственного управления, ученые, исследователи, подписчики из Facebook⁶, специалисты помогающих профессий. Для кого пишу? Скорее всего, для всех, но с надеждой, что прочитает тот, кто принимает ключевые решения о ходе проекта, инвестициях, а также о форматах проектирования и управления проектами, ориентированными на человека. Мне хочется, чтобы мой канал служил для них копилкой аргументов в пользу антропологических подходов.

Сначала пишу пост корпоративному миру, но потом вспоминаю, что здесь мои коллеги из академии, и это сдерживает от чрезмерного упрощения. Если бы вы знали, сколько постов так и не увидели свет из-за сомнений!

Часто меня зовут выступить на какой-то бизнес-встрече, и тема дискуссии, например, — как бы это лучше сказать — чрезмерно «попсовая» с точки зрения науки. Так вот, мне всегда сложно такие анонсы и пострилизы публиковать в своем канале. Но при этом на такие встречи я часто хожу и считаю это важным. Каждый раз я долго думаю, с чем я пойду на такую встречу, моя задача не удивить и развлечь, а предложить альтернативные подходы для управлеченческих процессов и проектирования. У меня есть 5–7 минут на такой сессии, и это время, за которое я должна ответить на уже существующие запросы, чтобы после появились идеи и вопросы для обсуждения.

При этом на осмысленную дискуссию в канале остается мало сил. Мне достаточно лайка, приятно видеть репосты. Значит, увидели в этом ценность, унесли что-то, сохранили себе, отправили другу, задумались. Это для меня ценно. Я с самого начала не особо поддерживала беседы в комментариях, кажется, что такое молчание прижилось как норма.

Но я всегда нуждаюсь в обратной связи от практиков — они показывают, как теоретические идеи работают или не работают в прикладных проектах. Также коллеги часто присылают статьи, книги, исследования — это формирует мою исследовательскую повестку не меньше, чем академические журналы.

Георгий Станинов. Канал «Антраполе»

Я плохо представляю себе количественно свою аудиторию. Где-то третья — это студенты, еще где-то одна шестая — это академические сотрудники, то есть мои коллеги-преподаватели, научные сотрудники, причем много тех, конечно, которых я не знаю. Оставшаяся половина аудитории — это совсем другие люди. А кто эти другие люди — сказать довольно сложно. Там есть на самом деле все. И айтишники, и историки.

Наверное, в первую очередь это люди любознательные, которые хотят читать авторский, нишевый контент, а не «топ-5 прикольных фактов». Им интересно читать, что кто-то все время для себя что-то новое открывает, а заодно и для них. Кто-то из моих подписчиков, наверное, любит походы, экспедиции, самые разные путешествия, нон-фикшн литературу. Это то, как я себе представляю, но, конечно, какой-то глубокий анализ я не проводил.

⁶ Принадлежит компании Meta, которая признана в РФ экстремистской организацией и запрещена. Прим. ред.

Посты я пишу по-разному, но обычно у меня просто вдохновение, то есть я думаю все равно, держу себе мысль, что надо сделать пост. Потом мне приходит какая-то мысль, про что сделать пост. Я пишу. Ну, примерно я себе представляю, что, если есть какой-то интересный факт, он заleтит, но, наверное, не подстраиваю его под какой-то сегмент аудитории. Иногда я понимаю, что пост может уйти вот в такой-то канал, ведь я знаю, что меня читают авторы других каналов, с кем-то мы друг друга репостим, с кем-то мы дискутируем. Я знаю, что вот этот человек, он просто персонально любит тему, допустим, отношений между мужчинами и женщинами. И тут я написал про отношения, например, между вахтовиками и их женами. И в результате он действительно репостит, это добавляет азарта в игре «продвинь свой канал». Но даже и без всяких репостов я все равно бы написал про вахтовиков и их жен, ведь это интересно мне самому.

А от читателей я, конечно, хочу эмоций каких-то чаще всего, восторга и так далее. Эмоциональный отклик повышает мою мотивацию и связь с аудиторией, у меня появляется больше желания писать. Я не использую канал как исследовательский инструмент, мне кажется, иногда это случайно происходит, то есть я делаюсь от души, а в результате непреднамеренно апробирую свои материалы и выводы. Ты не можешь полностью изолировать канал от своей научной работы, даже если захочешь. Новые исследовательские мысли сами приходят в голову после Телеграмма, как интересные сны приходят после насыщенных дней.

Дмитрий Верховцев. Канал «AnthropoLOGS»

Я стараюсь писать на разную аудиторию, чтобы было интересно и коллегам, и людям, которые узнали об антропологии из описания канала. Иногда кажется, что замахиваюсь слишком широко, но так как отклик есть и от коллег-исследователей, и от людей, с наукой не связанных, похоже, удается удерживать внимание и тех, и других.

Пожалуй, от своих читателей я хочу обсуждения и реакции, неважно, эмоциональной или критической. Конечно, согласие видеть всегда приятно, но и контраргументы важны, так как помогают мысли двигаться дальше.

Подсказки от читателей канала случаются регулярно, и, конечно, это его важный плюс. В комментариях часто советуют литературу по обсуждаемому в посте вопросу или концепции, которые помогли бы увидеть его в другом свете. Один из таких случаев касался «этнологической тематики» в школьном курсе обществознания, о которой я написал пост, а дальше собирался включить кейс в статью о постсоветской жизни советских теорий этноса. После выхода поста мне написала учительница, которая непосредственно работала с упоминаемыми учебными программами и пособиями, и рассказала много интересного о реальной практике преподавания, посоветовав дополнительную литературу; благодаря этой информации из небольшого абзаца удалось сделать гораздо более пространный обзор «этноса» в школьных учебных материалах.

Григорий Винокуров. Канал «Иней на цветущей ежевике»

Признаться, когда я начинал писать, у меня не было образа «аудитории». Со временем стало понятно, что мои читатели — это разные люди, которые

по каким-то причинам интересуются антропологией и тем, как она работает. Сейчас я знаю, что в основном это студенты, преподаватели и широкий круг коллег по академическому миру — все те, с кем я делю университетские аудитории, площадки конференций и заинтересованность в гуманитарном знании. Но я также отдаю отчет в том, что меня читают люди, которые интересуются антропологией не потому что в понедельник им нужно идти в университет — это их личный интерес, и поэтому для меня важно, чтобы то, что я пишу, было интересно не только для десяти человек, работающих в «башне из слоновой кости», но и для более широкой публики. В этом смысле отклики, которые ты получаешь в виде комментариев, сообщений и отсылок к написанному в личном общении — это самое важное, что есть в Телеграмме и выходит за его пределы. Возможность спорить, читать, что думают другие, и работать со своим собственным знанием и пониманием — главная ценность для меня. Через письмо для других — открываешь что-то для себя, поэтому эти два «адресата» — ты сам и кто-то другой — тесно связаны.

Михаил Алексеевский. Канал «Антрополог на районе»

Знаете, в аннотациях к научных книгам часто пишут: «Для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся данной проблематикой». Вот у нашего канала та же ситуация — есть два ядра целевой аудитории. С одной стороны, это коллеги-специалисты, представляющие сразу две разные «песочницы» — урбанистику и антропологию/социологию. В количественном отношении их немного, но для нас они невероятно важны и ценные, это костяк нашего сообщества.

С другой стороны, есть та самая «широкая аудитория», интересующаяся городскими исследованиями. Таких читателей гораздо больше, и они предпочитают более популярный и «занимательный» контент — интересные истории про исследования и ученых. И я знаю, что каждый раз, когда мы для узкого ядра специалистов выкладываем анонс конференции или научного доклада, несколько человек из «широкой аудитории» обязательно отпишутся, потому что им «такое неинтересно». Но в подобных случаях я не готов «прогибаться под изменчивый мир» — для нас принципиально важно быть агрегатором информации о научных мероприятиях по городской антропологии, это очень ценит ядро наших коллег-специалистов. Поэтому мы продолжаем публиковать такие анонсы, даже понимая, что из нескольких тысяч наших читателей на такое мероприятие придет лишь несколько человек.

По поводу обратной связи все сложно. У нас принципиально отключены комментарии к постам, и нет возможности оставлять к постам остро негативные реакции («какашки», «блюющий смайлик» и т. п.). Знаю, что многие вдумчивые читатели хотели бы комментировать и обсуждать наши посты, но я очень не люблю «интернет-срачи», поэтому мне спокойнее, когда их риски сведены к нулю, потому что у читателей попросту нет возможности оставлять комментарии. В то же время я очень внимательно слежу за статистикой по каждому посту: смотрю, что «зашло», а что — нет; какие каналы что у нас репостнули; какие реакции под каждым постом. Ну и приятнее всего, когда с нами в дискуссию вступают другие антропологические каналы, выпуская посты, которые являются ответами на наши публикации. Очень часто они бывают крайне полезными и позволяют совершенно иначе взглянуть

на проблему: скажем, на днях мы рассказали про интересный для антропологического анализа аргентинский документальный фильм «Королева» про девочку, которую выбирают королевой красоты на провинциальном карнавале. И конечно, очень интересно было прочесть ответный пост телеграм-канала «Латиноамериканская антропология», где этот же фильм был проанализирован с куда более глубоким знанием и пониманием социокультурного значения аргентинских карнавалов.

— **Много ли времени занимает у вас ведение канала? На что приходится его тратить больше всего: планирование публикаций, поиск материала, написание, формулировка и структурирование текстов?**

— **Как ритмы вашей жизни (усталость, сезон, время суток) входят в текст — и должны ли входить?**

— **Бывает ли у вас настроение, когда вам не хочется писать в канал? Зависит ли от него публикация постов? Что делаете, когда не хочется: заставляете себя писать? Или пишете только тогда, когда действительно есть желание высказаться? Как распределены ответственность перед аудиторией и право на молчание?**

— **Чем особенно хочется делиться в канале: исследовательские находки, личные научные (и не только) интересы, рассказы о событиях в антропологическом сообществе?**

— **Что канал изменил в вашем профессиональном окружении: новые проекты и знакомства, темы семинаров, грантовые заявки, преподавание?**

— **Какие каналы вы сами читаете и почему? Не обязательно антропологические.**

— **Есть ли у вас интересная тема, которая просится в Телеграм, но требует «большого жанра» или невозможна для публикации в формате канала — и почему?**

Георгий Сталинов. Канал «Антрополе»

Я обычно пишу пост где-то за полчаса. Когда какое-то большое вдохновение или, может быть, я кусочком текста какого-то поделюсь, то это, конечно, быстрее. Причем я почти никогда не планирую публикации. Бывает такое, что у меня вдруг много вдохновения, много каких-то идей, и их приходится записать, чтобы они не потерялись, и уже распланировать на будущее. Но в основном я пишу как придется: что-то приходит в голову — пишу. Когда не слишком много работы, могу специально что-то почитать для телеграм-канала: в основном это свежие статьи в хороших российских журналах или книги в жанре нон-фикшн от полевых исследователей или журналистов. Очень нравится, что Телеграм меня подстегивает читать больше, потому что сам с детства ленив до чтения.

Мой канал заточен под именно исследовательские находки. То есть какие-то новые инсайты, наблюдения, что-то такое необычное, столкновение

разных культур, каких-то миров. Я такое люблю. Или какие-то просто новые информационные феномены: романтические отношения с искусственным интеллектом, например, интересная тема.

Но самое главное, насколько канал меняет твое окружение и статус в этом окружении. В отличие от коллег по тексту, я молодой, только закончил аспирантуру и на момент создания текста еще не защитился. Для молодых Телеграм — это возможность не ждать старческих седин и докторской диссертации для того, чтобы тебя признали за человека, а не стажерского сосунка. Этап взросления в академии — очень долгий, и Телеграм позволяет его пройти быстрее и стать известным. Тебе будут жать руки на конференциях — о, мы тебя знаем, читаем, и возникает некоторое такое сообщество вокруг тебя. Несмотря на то, что оно возникает не из-за твоей научной, а именно популярной деятельности, все равно тебя как-то больше признают и больше ждут. То есть очень много знакомств появилось новых, в том числе с коллегами, которые бы меня не узнали, наверное, по статьям, но зато узнали по каналу.

Нет тем, которые нельзя подсветить в Телеграмме. Коротко можно написать обо всем. И короткая заметка может вывести тебя на дальнейшую работу по теме. Когда-то написал короткий постик про такси, после чего отработал в заказном проекте таксистом-автоэтнографом, руководил проектной группой, исследовавшей такси и доставку при финансировании ФСН «Вышки», и вся эта работа вошла в мою диссертацию. Летом заинтересовался феноменом романтических отношений с ИИ, теперь с коллегой изучаем литературу для создания видео-подкаста.

Есть темы слишком маленькие для научной статьи, книги, диссертации и видео-подкаста, но в Телеграмме возможно всё! Оттого, наверно, он и стал «клеем» научного сообщества, который не заменить конференциями, журналами, семинарами.

Денис Сивков. Канал «Земляки и земляне»

Конечно, бывают свои взлеты и падения. Но так во всем, что касается творчества. Что тут можно сказать самому себе? Встань иди! «Земляки и земляне» — мое маленькое, но храбре средство массовой информации. Я никому не должен и сам за себя. Какие тут могут быть оправдания?

Михаил Алексеевский. Канал «Антраполог на районе»

Хотя у «Антраполога на районе» два автора, большинство постов готовлю именно я, поэтому чувствую ответственность за то, насколько регулярно канал обновляется. В целом есть установка на то, чтобы выкладывать несколько постов в неделю (в идеале — по посту в день), и, конечно, поддержание такого темпа пять лет подряд требует немалых усилий. Тут очень помогает самодисциплина — в юности я подрабатывал как журналист в нескольких изданиях и привык к регулярному написанию текстов по принципу «надо значит надо». Раз уж у нас действительно small media, значит оно должно выходить с определенной периодичностью, иначе мы «подведем наших читателей».

Сложнее всего даются так называемые «тематические недели», это наш фирменный формат, когда мы одну неделю каждый день с понедельника

по воскресенье выкладываем посты на какую-то одну тему (например, про антропологию городской еды или антропологию профессиональной повседневности работников полиции). По статистике видно, что читателям этот формат очень нравится — каждый раз у нас отличные цифры по просмотрам и хороший прирост аудитории. Но для автора это тяжелое испытание — ты должен быть готов к тому, чтобы каждый день тратить минимум 2–3 часа на подготовку и написание поста, так что к выходным ты обычно еле живой. Поэтому такой марафон устраивается лишь несколько раз в год.

В обычном режиме трудозатраты на написание постов сильно зависят от их формата. Проще всего писать анонсы мероприятий, ведь, как правило, есть информационное письмо или объявление, которое ты просто адаптируешь под свою аудиторию. Чуть сложнее, когда ты пишешь о каких-то публикациях СМИ по интересующей тебя теме, тут важно не только отслеживать такие статьи (я обычно раз в неделю ищу в Google News по специальным ключевым словам, что появилось нового по антропологии города), но и увлекательно о них рассказать. Ну а сложнее всего писать про научные статьи и книги: тут подготовка занимает не часы, а дни. Могу честно признаться: есть несколько очень классных антропологических монографий, про которые я давно хочу рассказать в канале, но вынужден месяцами это откладывать, потому что не хватает времени и сил. Но, конечно, и отдача от таких «эксклюзивных» постов потом гораздо больше, чем от каких-нибудь анонсов докладов — их больше читают, реагируют, обсуждают. Вообще, если наш канал долго не обновляется, обычно это означает, что у меня какие-то колоссальные перегрузки на работе.

Анна Гусейнова. Канал «Антропология повседневности»

Я читаю статью — и думаю, не написать ли об этом пост. Еду с проектного совещания — формулирую в голове мысли для канала. Больше всего времени уходит именно на обдумывание и формулировку. Технически написать пост — полчаса, а вот «додумать» его до состояния, когда он готов к публикации, может занять несколько дней.

Обычно я пишу посты в выходные дни, когда появляется свободное время. Никогда не заставляю себя писать — считаю, что принуждение убивает живость, которая для меня в этом формате принципиальна.

Больше всего хочется делиться моментами понимания — когда вдруг складывается картина, когда теоретическая рамка помогает увидеть практическую ситуацию под новым углом. Канал стал своеобразной визитной карточкой — люди читают, понимают мой подход и обращаются с проектами. Несколько серьезных исследований начались именно с того, что заказчики увидели мой канал. Плюс канал помог выстроить профессиональную сеть — коллеги из разных городов и организаций, которые работают в похожей логике, но мы могли бы никогда не пересечься без этой платформы. И да, канал помогает более системно думать о собственной исследовательской и активистской позиции.

Татьяна Крикхтова. Канал «Платя, мужики и антропология»

Мой канал немного затих с моим выходом в декрет (хотя некоторые посты я писала и из роддома). Это иногда будит во мне некоторую вину, ведь люди

подписывались, а я молчу. Но я чувствую и благодарность тем, кто не отписывается и ждет моих новых постов. Я сама подписана и нежно люблю каналы, где новые посты появляются раз в месяц. Заставлять себя писать неправильно, потому что все это делается в конечном счете для любви и радости, иначе нет никакого смысла.

Дмитрий Верховцев. Канал «AnthropoLOGS»

Я редко помещаю в канал лонгриды и тексты уровня пусть маленькой, но статьи. Короткий формат позволяет писать в тех же ситуациях, когда люди обычно скролят ленту: в общественном транспорте, при ожидании чего-либо, во время небольших перерывов, чтобы отвлечься от какой-то другой деятельности. Мой друг часто говорит, что телеграм-канал — это хорошо, но, если собрать все посты, написанные за эти годы, получится текст размером с несколько диссертаций. На это я обычно отвечаю, что навряд ли можно написать хотя бы одну диссертацию урывками по 10–15 минут, стоя в автобусе или очереди в столовой, а вот для постов в канал — в самый раз!

Довольно неожиданным следствием ведения канала стало множество знакомств с коллегами и просто читателями, сочувствующими антропологии. Несколько проектов и коллабораций действительно начались с Телеграмма, но пока нельзя сказать, что именно канал определяет мою профессиональную траекторию. Но завязавшиеся профессиональные и дружеские отношения наверняка приведут в будущем к новым проектам и научным свершениям.

Григорий Винокуров. Канал «Иней на цветущей ежевике»

Сложно напрямую отследить, что дал канал и письмо в нем, но эти эффекты точно есть — обсуждения, знакомства с людьми, публичная представленность и пр. Преподавать или работать из-за ведения канала никто не позволит — не знаю, возможно ли это. В последнее время я часто молчу и не пишу в канал. Причина проста — нагрузка в «первую» академическую «смену» никуда не уходит. После семинаров, написания текстов и полевой работы — на «вторую» академическую «смену» сил уже не хватает, и сложно сесть писать и выдать что-то еще в публичное пространство. Я чувствую ответственность за это, но надеюсь и думаю, что читатели это понимают — у них и самих работы хватает. Поэтому «право на молчание» — по сути «право на отдых» ☺

— **Что вы принципиально не публикуете: чувствительные данные, «сырые» полевые фрагменты?**

— **Бывали ли у вас случаи конфликтов относительно публикаций? Где проходит граница между живой дискуссией в интернет-пространстве и тем, что требует вмешательства модератора?**

— **Где проходит ваша граница между публичным и приватным в телеграм-канале: как вы калибруете долю биографического «я» в соотношении с аналитикой, чтобы усиливать рефлексивность, не подменяя исследовательский аргумент саморепрезентацией? Что**

служит для вас сигналом снизить или, напротив, усилить присутствие автора? Может быть, у вас есть пример, когда включение личного опыта повысило аналитическую ясность или когда вы сознательно от него воздержались?

Дмитрий Верховцев. Канал «AnthropoLOGS»

Одной из сфер моих исследовательских интересов является история отечественной антропологии, которая очень часто приносит интересные, но не однозначные нарративы про знаменитых в прошлом ученых. Их источником бывают эго-документы, слухи, истории, ставшие устным фольклором учреждений. В подобных случаях, когда источник недостаточно надежен, стараюсь не публиковать истории, влияющие на репутацию ученых прошлого. То же, впрочем, касается и схожих случаев из настоящего — хочется, чтобы слово-сочетание «желтый научный канал» всегда оставалось оксюмороном.

Было несколько случаев, когда приходилось удалять или временно удалять посты, если выяснялось, что содержащаяся в нем информация попала в публичный доступ без эксплицитного разрешения автора. Что касается живой дискуссии под постами, к сожалению, формат обращения к широкой аудитории регулярно приводит в комментарии отнюдь не только лучших ее представителей, и это зачастую заканчивается оскорблением и руганью, не говоря уже о призывах к насилию. Увы, здесь без модерации не обойтись, особенно если пост каким-то образом оказывается близок политическим темам; это занимает достаточно много времени, которое можно было бы направить на написание постов, но все-таки площадка для дискуссий в комментариях и чате канала — это достаточно ценно, чтобы не жалеть о потерянном на модерацию времени.

Анна Гусейнова. Канал «Антропология повседневности»

В канале я стараюсь избегать политических дискуссий. И, конечно, не рассказываю про проекты под NDA. Вот в данный момент мы большое количество исследований проводим в рамках работы над корпоративным благотворительным фондом, но почти все под NDA. Ни о чем не расскажешь, а так хочется!

Иногда в канале происходят конфликты из-за смешения аудитории, когда люди из науки и люди не из науки говорят на разных языках. Сложнее всего, когда сталкиваются носители научного и обыденного знания. Они оказались в одном чате, обсуждают один и тот же текст, но с разных позиций, чаще всего с разных орбит. Но в антропологии много прикладного и понятного для широкого круга людей. Именно в таком формате коммуникации стараюсь балансировать.

Я всегда честно признаюсь, что для меня антропология — это форма активизма. В моем исследовательском интересе автобиографическое начало столь велико, что почти невозможно отделить одно от другого. Иногда замечаю, что пост превращается в исповедь, а не в аналитическую заметку. Как ни странно, такие тексты обычно вызывают максимальный интерес и поддержку.

Алексеевский М.Д., Верховцев Д.В., Винокуров Г.Д., Гусейнова А.Л., Крикхова Т.М., Мартыненко А.А., Сивков Д.Ю.,
Сталинов Г.А. «К людям ради людей»: антропологические телеграммы глазами их авторов

Георгий Сталинов. Канал «Антрополе»

В канале я стараюсь не писать про политику. Не хочу. Просто не моя тема, и я в этом не разбираюсь. Здесь может быть много кривотолков. Бывало такое, что в комментариях кто-то на кого-то задирался, начинал обзывать. Но я сразу блокирую в этих случаях, причем я даже не пишу какие-то правила сообщества, правила канала, потому что, по-моему, это просто здравый смысл, и если человек сам этого не понимает, то я не думаю, что я должен ему это объяснять.

Что касается границы между публичным и приватным, то я рассказываю про себя, когда мне это комфортно и есть порыв. Что-то рассказывать о себе полезно, это привязывает читателей. Уверен: есть те, кому уже не слишком интересны посты, но они не отписываются из-за собаки, которую я часто выкладываю в сторис. Людей цепляют эмоции, совместное переживание событий автора, но обычно я не захожу дальше постов типа «у меня день рождения». Сам не готов. Но когда моя собака Ася получила травму в аварии, я делился, и читатели на самом деле меня очень поддержали, это действительно помогло.

Иногда есть порыв «навалить кринжа»: черный или пошлый юмор. Но сразу думаю, что мои читатели-академики начнут фыркать, и все же останавливаю себя.

Татьяна Криккова. Канал «Платя, мужики и антропология»

Кажется, разговор об антропологии вообще невозможен без разговора об этике, и эти разговоры будут бесконечными, потому что универсальных ответов не будет, будут только алгоритмы, которые мы здесь и сейчас применяем к разным кейсам. А поскольку в каналах я пишу про разные проекты, то и этика может быть разной.

Относительно полевых заметок у меня был один принцип — не публиковать фото людей или какие-то указания на них. На пространство и предметы это правило не распространяется. При этом, если я пишу репортаж из поля, обычно нетрудно догадаться, где именно я нахожусь. Несколько раз это приводило к встречам с читателями или их дельным советам о том, куда еще там можно сходить и что посмотреть. Мне нравятся каналы, в которых личные истории органично смещиваются с рассказами об исследованиях, где мы видим настоящего человека и его работу, при этом одна часть не перекрывает другую. Но сама я со временем стала публиковать все меньше личного и текущего.

Самый важный эффект ведения канала для меня — это люди, на жизнь которых повлиял мой канал. Внутри себя я ужасно горжусь, что около десяти человек, вдохновившихся моими текстами и благодаря моим советам, выбрали для себя университет и программу и теперь сами занимаются исследованиями.

Григорий Винокуров. Канал «Иней на цветущей ежевике»

Я бы не хотел, чтобы канал превращался в рассказ исключительно о себе. Кажется, это большая проблема современной антропологии в целом — «автофикационизация» всех жанров и способов работы в дисциплине. И попытки

повышать свою представленность, чтобы играть на академическом рынке. Но, неизбежно, процесс письма неотрывен от того, кто пишет. Рассказывать о себе прямо мне не хочется, но то, что «я» есть в том, что пишу — это точно.

Михаил Алексеевский. Канал «Антрополог на районе»

Вообще сейчас мода на авторские экспертные телеграм-каналы, которые должны укреплять «личный профессиональный бренд» специалиста, который ведет канал. Но «Антрополог на районе» возник в то время, когда была мода на анонимные каналы со смешными названиями, и в каком-то смысле он продолжает следовать этой традиции — в профиле канала наши имена и контактные данные не указаны. Так как у канала два автора, то чаще всего посты пишутся либо безлично, либо от первого лица множественного числа («мы»). Если кто-то из нас пишет пост про личный опыт, он может написать «я» и представиться, но чаще в таких случаях мы переходим на третье лицо, единственное число («один из админов этого канала побывал на...»).

Однако мы стараемся, чтобы у канала была своя узнаваемая интонация, tone of voice — живая, немного (само)ироничная, но в целом крайне благожелательная и по отношению к читателям, и по отношению к материалу, о котором мы пишем. Я не припомню каких-то серьезных конфликтов вокруг наших публикаций — максимум, нам могли написать, что мы неправильно написали чью-то фамилию или не указали полное название научного центра, где проходило определенное научное мероприятие. В таких случаях мы стараемся оперативно отреагировать на критику и все поправить. Но в целом мы специально работаем над тем, чтобы снизить риски любых серьезных конфликтов: избегаем острой критики в адрес коллег, не публикуем «чувствительные данные», отключили комментарии к постам и т. д. В мире вообще (и в Интернете в особенности) и так слишком много конфликтов и «срщей», поэтому нам нравится по контрасту быть тихой гаванью спокойствия и благожелательности.

Алексеевский М.Д., Верховцев Д.В., Винокуров Г.Д., Гусейнова А.Л., Крикторва Т.М., Мартыненко А.А., Сивков Д.Ю.,
Сталинов Г.А. «К людям ради людей»: антропологические телеграм-каналы глазами их авторов

Interview

Alekseevsky M.D., Guseynova A.L., Krichtova T.M., Martynenko A.A., Sivkov D.Yu., Stalinov G.A., Verkhovtsev D.V., Vinokurov G.D. «To people for people's sake»: anthropological Telegram channels through the eyes of their authors [«K liudiam radi liudej»: antropologicheskie telegram-kanaly glazami ikh avtorov] Anthropologies, 2025, no 2, pp. 41–66, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/41-66>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Alekseevsky M.D. | alekseevsky@yandex.ru | <https://orcid.org/0000-0001-9933-4374>
Strelka Design Bureau, Head of the Center for Urban Anthropology

Guseynova A.L. | aguseinova@gmail.com | <https://orcid.org/0009-0009-8943-4203> |
Charitable Foundation X5 «We're helping out», Head of the department «Comfortable
and safe environment»

Krikhtova T.M. | krihtova@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0003-2572-8316> | Laboratory
of Sociology of Religion St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities,
Researcher

Martynenko A.A. | amartynenko@eu.spb.ru | <https://orcid.org/0000-0001-8561-3006> | Institute
of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences; Faculty of Anthropology,
EUSPB, Junior Researcher

Sivkov D.Yu | d.y.sivkov@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0002-1645-9604> | Faculty of
Social Sciences of the Moscow Institute of Economics, Associate Professor; Department
of Theoretical Sociology and Epistemology, Institute of Social Sciences RAS, Associate
Professor

Stalinov G.A., | e-mail: gstalinov@hse.ru | <https://orcid.org/0000-0001-7806-3413> |
Department of Politics and Management at the Faculty of Social Sciences, National
Research University Higher School of Economics, Lecturer; at the Laboratory of
Municipal Management, National Research University Higher School of Economics,
Analyst

Verkhovtsev D.V. | dverhotcev@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0001-9232-2952> |
independent researcher

Vinokurov G.D. | grigorijvinokurov@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0003-3995-3178> |
Master's student at the Faculty of Anthropology of the EUSPB, at the Department of
History of the National Research University of Higher School of Economics in
St. Petersburg, Master's student

Abstract

The interview offers a collective reflection by authors of Russian-language anthropological Telegram channels on how the Telegram messenger is becoming a significant infrastructure for the discipline's presence in the public sphere while also serving as a working environment for academic communication. In a forum-format, authors were invited to respond to thematic blocks of questions about their motivations for launching channels, their aims, understandings of audience, the distribution of content between online and offline spaces, and the ways they strive to sustain scholarly integrity. Responses capture a diversity of genres and writing regimes — from small media and a laboratory of autonomous thought to a tool for professional positioning and community-building—and reveal persistent tensions between platform logics (for example, speed, brevity, and affective engagement) and academic norms (slow scholarship, peer review, and the ethics of working with data). Telegram is framed by the authors as a space where anthropological knowledge does not replace traditional formats as it is reassembled, tested, and circulated, increasing the discipline's visibility and generating new forms of collegiality and feedback.

Keywords

Telegram channels, digital anthropology, scholarly communication, public anthropology,
knowledge production

© А.С. Басов, А.С. Бородулина, П.С. Куприянов, В.С. Михайлова

Прикладная антропология на Борнео. Интервью с авторами

Ключевые слова: Малайзия, Саравак, бидаю, коренные народы, прикладная антропология, туризм, архитектура, длинный дом, социальная ответственность бизнеса

Интервью посвящено опыту участия российских антропологов в проекте по разработке туристического и инвестиционного мастер-плана одного из районов штата Саравак (Малайзия, о. Борнео). Предмет разговора — полевое и кабинетное исследование и разработанные на их основе руководства для туристических проектов на данной территории, касающиеся архитектуры и графического дизайна, а также организации взаимодействия компаний с местными жителями. Участники интервью обсуждают вопросы конвертации полевых материалов в практические рекомендации, поиск компромисса между научной корректностью и необходимостью создания эстетически привлекательного и коммерчески приемлемого продукта, этические и методологические дилеммы, связанные с позицией антрополога в прикладном проекте.

Российская прикладная антропология, начинавшаяся когда-то с единичных, часто экспериментальных, проектов, за последние пятнадцать лет выросла в самостоятельную, разветвленную и динамично развивающуюся отрасль, частично институализированную¹ и довольно специализированную: со своим инструментарием, определенными сферами приложения, процедурными и качественными стандартами. Участие в прикладных проектах стало обычной

Басов Александр Сергеевич — младший научный сотрудник Отдела Севера и Сибири ИЭА РАН. email: a.basov@iea.ras.ru <https://orcid.org/0000-0003-3518-1852>

Бородулина Алевтина Сергеевна — консультант в компании «Аквамарин Проджектс», социальный антрополог, независимый куратор. e-mail: alevtina.ethno@gmail.com

Куприянов Павел Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела русского народа ИЭА РАН. e-mail: kuprianov-ps@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-9856-3159>

Михайлова Виктория Сергеевна — аспирант ИЭА РАН. e-mail: mikhailova.vikt@gmail.com <https://orcid.org/0002-5634-0480>

Для цитирования: Басов А.С., Бородулина А.С., Куприянов П.С., Михайлова В.С.. Прикладная антропология на Борнео. Интервью с авторами // Антропологии/Anthropologies. 2025. No 2. С. 67–95, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/67-95>

¹ Имеется в виду появление устойчивых коллективов или организаций, специализирующихся на прикладных антропологических исследованиях. Это отдельные частные бюро или специальные подразделения в крупных компаниях (как, например, Центр городской антропологии в КБ Стрелка).

практикой среди антропологов (спорадической и дополнительной для одних, постоянной и основной для других). Словом, сегодня прикладные исследования — это хорошо заметный и вполне легитимный сегмент дисциплинарного ландшафта российской антропологии. По мере его становления и развития все острее ощущается необходимость обобщить, систематизировать или отрефлексировать накопившийся в этой области опыт и все чаще предпринимаются попытки в этом направлении².

Настоящая публикация является одной из таких попыток. Она посвящена прикладному антропологическому исследованию, проведенному группой российских ученых в Малайзии. Принимая во внимание необычность этого кейса (все же реализация прикладных проектов за рубежом для российских антропологов — скорее исключение, чем правило), мне показалось важным, во-первых, просто рассказать о нем заинтересованной аудитории, а во-вторых, порассуждать на этом примере о тех сложностях и сомнениях, с которыми сталкивается антрополог в такого рода проектах. Не могу не поблагодарить коллег за отзывчивость, с которой они согласились на мое предложение, и за откровенность, с которой нам удалось обсудить разные, порой довольно чувствительные, вещи, как правило, остающиеся не только не опубликованными, но и не проговоренными. Ниже представлена сокращенная и отредактированная расшифровка нашей беседы, которой предшествует краткая информация об исследовании от его руководителя Алевтины Бородулиной.

Павел Куприянов

Алевтина: Летом 2024 г. я была нанята новозеландской компанией «Аквамарин Проджектс» как консультант по культуре (в широком смысле) в ключевой состав команды, работающей над туристическим и инвестиционным мастер-планом развития одного из районов Большого Кучинга в штате Саравак (Малайзия, о. Борнео) по заказу администрации Большого Кучинга (GKCDА) для территории с преимущественным проживанием коренного населения Борнео (бидую³). Задачей было создать такой проект развития территории, который сохранял бы местное культурное и природное разнообразие, поддерживал местные сообщества и диверсифицировал местную экономику за счет развития сельского хозяйства и этнокультурного туризма.

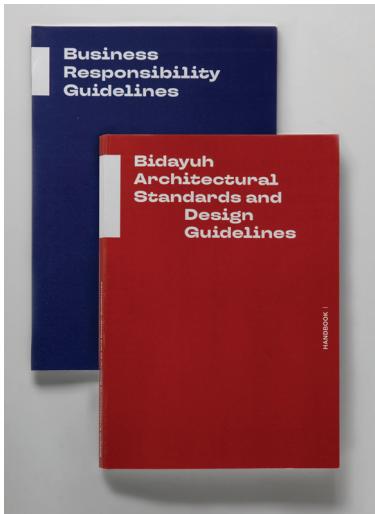
В процессе работы над мастер-планом компания «Аквамарин Проджектс» приняла решение создать сопроводительные материалы, которые обеспечили бы стратегически корректное внедрение мастер-плана в части общего архитектурного и визуального облика территории и организации бизнес-процессов и взаимодействия с сообществом. Я взяла этот подпроект и смогла привлечь к нему своих коллег — Викторию и Александра.

² В связи с этим достаточно упомянуть тематический выпуск журнала «Фольклор и антропология города», посвященный прикладной антропологии (2019, № 3–4), XXIII Школу по фольклористике и культурной антропологии «Прикладная антропология сегодня», организованную Центром типологии и семиотики фольклора РГГУ (Нижний Новгород, 2023 г.), а также секцию на Конференции молодых ученых в Институте этнологии и антропологии РАН «(Не)идеальный антрополог в прикладных исследованиях: дилеммы, ожидания и ответственность» (Москва, 2025 г.).

³ Зонтичное наименование для части коренных этнических групп Борнео.

В этом разговоре мы обсуждаем только работу над созданием этих со проводительных материалов — двух руководств, основанных на полевом и кабинетном исследовании и анализе материальной культуры и социальных практик бидаю. «Bidayuh Architectural Standards and Design Guidelines» («красную книгу») мы делали вместе с Викторией, а «Business Responsibility Guidelines» («синюю книгу») вместе с Александром. Первая из них содержит рекомендации, адресованные архитекторам и застройщикам и касающиеся туристической архитектуры и графического дизайна для туристических проектов на данной территории. А вторая посвящена принципам и формам организации социально ответственного туристического бизнеса.

Полевое антропологическое исследование проводилось на территории Большого Кучинга и включало в себя экспертные интервью с различными стейкхолдерами, включенное наблюдение, фотофиксацию современной и традиционной материальной культуры (архитектура, предметы быта, жилая застройка). Общее время работы над материалами — 8 месяцев, из них время моего нахождения на Борнео — 5 месяцев.

Книги, изданные в рамках проекта:
Bidayuh Architectural Standards and Design Guidelines. Aquamarine Projects. Moscow, 2025;
Business Responsibility Guidelines. Aquamarine Projects, Moscow, 2025.

Павел: Расскажи, пожалуйста, с чего началось твоё поле.

Алевтина: У меня все проекты так строятся: «Когда вы к нам приедете? Приезжайте к нам на праздник!» Вот и сейчас я тоже поехала на праздник. В июне в Кучинге проходит большой праздник Гавай, когда не только бидаю, а и все другие местные племена отмечают что-то вроде дня урожая. Раньше в каждой деревне была своя дата, а теперь мероприятие проходит централизованно в городе 1 июня, а потом еще в каждой деревне. Мы — команда «Аквамарина» — приехали посмотреть на праздник и заодно познакомиться с организаторами, администрацией и нашими местными партнерами, чтобы включиться в работу. Директор и учредитель компании — архитектор, но он также был дизайнером одежды. И самое интересное было то, как он объяснил

свою идею, что именно он хочет создать для мастер-плана: «Я хочу, чтобы все было визуально понятно... Вот когда мы делаем фотографию, например, туристическую, как-то понятно, что мы на Бали. По крышам и не только. И так же должно быть понятно, что мы на Борнео. Нам нужно придумать визуальный язык. Вот ты, например, смотришь на пиджак, и ты понимаешь, что это пиджак Шанель. Не по бирке, а по пропорциям, по пуговицам. А вот этот пиджак — Ив Сен-Лоран. И тебе нужно написать вот эти принципы, по которым мы понимаем, что это пиджак Шанель». Я подумала: восторг задача! Мне очень понравилось.

Павел: Тебе понравилось чем?

Алевтина: Это очень четкая метафора, челлендж такой. Я же никогда этого в жизни не делала, но как будто бы это очень понятно. В плане одежды это понятно, что есть «ДНК бренда». Задача не в том, чтобы прописать нормативы — а в том, чтобы понять и сформулировать эту самую «ДНК» для территории. Подобный продукт мы даже еще ни разу не видели. Мы искали референсы. Вика показывала в городской застройке какие-то регламенты, брендинг...

Виктория: Но это было не то.

Павел: Не тот «пиджак».

Виктория: На самом деле было не совсем понятно, а что такое мы делаем. То есть мы потратили какое-то время на обсуждение, что мы должны сделать и из каких разделов это должно состоять. Проблема была в том, что нужен был не брендинг территории. Есть туристический мастер-план, а мы должны были сопровождать этот процесс. При этом мастер-план еще сам не закончен, и непонятно, как встроиться во что-то, что само еще в движении. Наша задача была — «схватить» визуальный облик территории, но мы не можем делать жесткие регламенты, потому что мы не в законодательной сфере, а делаем сопроводительные документы. Поэтому мы действительно не могли понять, где между всем этим находимся.

Алевтина: Да, это такая нестандартная задача, потому что обычно... Вот, например, когда я общалась с архитектурными бюро, они говорят, что мы сами [все должны сделать]. Если у нас есть задача, условно, построить культурный центр вот на этой территории, мы сами проводим исследования, сами ищем референсы, сами понимаем, как мы будем эту новую архитектуру интерпретировать. Нет такого, что какая-то сторонняя компания проводит исследования для всех будущих бизнесов, которые придут на эту территорию, чтобы они оттуда брали граф-дизайн, архитектурный дизайн и что-то там еще, улавливали какие-то глубинные смыслы. Это обычно каждая компания сама под себя делает.

Павел: Это необычно было для вас. А для «Аквамарина»?

Алевтина: И для них тоже. Это было видение лично директора.

Павел: Он впервые такое замутил, да?

Алевтина: Да, он просто сказал, что «...я считаю, что должно быть вот так».

Павел: Какие-то базовые рекомендации для всех будущих архитекторов.

Алевтина: Да, чтобы это было не безлико. Мы, говорит, это будем использовать, мои дизайнеры будут это использовать, и граф-дизайнеры, и дизайнеры, которые будут модели зданий рисовать. Но мы хотим, чтобы потом, например, кто-то выиграет условно тендер на то, чтобы новый аэропорт строить, и они бы взяли вот эту нашу книгу...

Виктория: И закрепились за какие-то смыслы, чтобы это все формировалось в едином...

Алевтина: Да, чтобы все развивалось в едином ключе.

Contents Introduction <ul style="list-style-type: none"> Why visual standards matter 10 How to use the guidelines 12 How to work with application principles 14 Study methodology 16 Acknowledgements 17 SECTION 1: Cultural and Natural Context <ul style="list-style-type: none"> Region and Ethnic Diversity 20 The Bidayuh: A Modern Society Rooted in Tradition 24 Climatic Context 32 Nature and Culture Connection 34 Application Principles 36 SECTION 2: Planning and Architectural Structures <ul style="list-style-type: none"> Settlement patterns 40 The tree forms of social in architecture 44 Pengah (Baruk) 46 Longhouse 56 Farmhouse 70 Concept of Agroforestry 74 Details 76 Communication and Transition Systems 86 Contemporary Context of Bidayuh Architecture 90 	Bidayuh Architecture Standards and Design Guidelines SECTION 3: Visual Language <ul style="list-style-type: none"> Cultural Colours 124 Ornaments 130 Application Principles 158 Showcase <ul style="list-style-type: none"> About the Showcase 164 Modern Longhouse Homestay 166 Agroforestry Glamping 176 Tourist Information System and Trekking Trail Signage 182 Tourist Brochures and Souvenir Products 184 References <ul style="list-style-type: none"> Bibliography 188 List of sources and credits 189
---	---

Содержание книги *Bidayuh Architectural Standards and Design Guidelines*.

Aquamarine Projects. Moscow, 2025.

Павел: Значит, вот это все началось там 1 июня, условно говоря, не помнишь?

Алевтина: Да, я поехала к 1 июня, ну, может, чуть-чуть, на два дня раньше, наверное.

Павел: Это была одна поездка? Или ты несколько раз туда ездила?

Алевтина: Сначала я приехала летом, потом вернулась. Потом, когда директор окончательно сформулировал задание на книги, я сказала, что я одна не вытяну за такие сроки — к марту, что мне нужны люди. Сначала Вику при-

гласила. И еще параллельно вторая была задача. Мастер-план рассчитан под привлечение инвесторов, в том числе иностранных инвесторов, для того чтобы они пришли на территорию и тоже все сделали в духе уважения к местной культуре, поддержки местных сообществ, чтобы этот мастер-план развивался правильно стратегически. И для этого нужно было тоже написать какие-то гайдлайны. И вот тут мы еще и с Сашей договорились, потому что Саша — опытный автор гайдлайнсов, основанных на международной регуляции.

Павел: А ты опытный автор гайдлайнсов? У тебя есть такой опыт?

Александр: Если так формулировать, как во втором вопросе, то да, у меня действительно есть некоторый опыт. Я участвовал в нескольких проектах с лесной отраслью в Российской Федерации. В одном из этих проектов, собственно, у лесных компаний был вопрос: в международных стандартах у них были требования по получению СПОС — свободного предварительного осознанного согласия. Как этого добиваться, что это значит, кто может подписать такую бумагу от лица местного сообщества? То есть концепция понятна очень хорошо — надо договариваться. А вот с кем, как это должно выглядеть — неясно. Например, люди не приходят. Компании организовывают сходы, а они просто не приходят. Или наоборот, они с кем-то договорились, одни пришли, а другие не пришли, и те другие потом возмущаются, пишут в прокуратуру... В общем, там проблемы.

Павел: И ты должен был помочь эти проблемы решить?

Александр: Ну, разве отчасти — конкретно эти проблемы имеют совсем глубокие корни. Моя задача была проще, мне нужно было предложить алгоритм, инструкцию: что нужно делать лесопромышленной компании, чтобы выполнить требование международного стандарта. Надо сказать, что есть довольно большая литература, есть стандарт FSC⁴ и пояснения к нему, есть какая-то академическая литература зарубежная, обсуждающая и критически, и как бы «прикладно», что с этим делать, как это работает или не работает в разных странах, какие способы и так далее. Исходя из этого, я набросал, собственно, гайд, потом обсудил его с людьми, работающими в компаниях, и даже с кем-то из тех местных сообществ, с которыми у них наложен контакт, и написал алгоритм. Это был вот такой опыт. Потом в какой-то момент Алевтина что-то спрашивала про что-то такое в связи с Малайзией. Я ей как-то ответил, и она спросила: «Не хочешь написать и для Малайзии?» И мы договорились, что я напишу формальную часть: что надо было иметь в таком гайде для Саравака, исходя из международных стандартов в области туризма на территориях коренных народов. Я посмотрел такие стандарты, сякие, скомпилировал соответствующий этим стандартам набор требований. А местную специфику... мы думали, что попросим местных этнологов или антропологов, которые там работают, там есть великолепные, в первую очередь англоязычные, британские антропологи, которые работают в Малайзии, в том числе

⁴ FSC — Forest Stewardship Council (Лесной попечительский совет) — одна из международных некоммерческих организаций, продвигающих ответственное управление лесами. Маркировка FSC на продуктах ставится, если лесопромышленные компании-производители прошли процесс сертификации, удостоверяющий соблюдение экологических и социальных стандартов, разработанных FSC, включая лесовосстановление, сохранение биоразнообразия и защиту прав работников и местных жителей.

с бидаю. Но это все не получилось, и в итоге пришлось локализацию тоже делать исходя из письменных источников. И у меня появился второй этап работы, включавший, помимо работ британских антропологов, магистерские диссертации местных студентов, и PhD-диссертации, и разнообразную местную прессу, исходя из которой я пытался понять, что из собранных требований релевантно, а что нет. Удалал нерелевантное и добавлял что-то важное для местного контекста. После чего Алевтина это показывала еще своим знакомым *бидаю*.

Алевтина: Я ребят привлекла, сказала, что будет две книжки: тебе одна, тебе вторая, а я поеду заново туда, собирать уже какой-то полевой материал, знакомиться с людьми и понимать, что там происходит, и давать какую-то полевую информацию. Второй раз я прилетела в октябре и после небольшого перерыва на зимние каникулы вернулась в конце февраля.

Павел: А потом вы интенсивно в течение марта, как я помню, работали?

Виктория: Нет, мы все параллельно все делали. Пока Алевтина была на местах, ей прилетали запросы от нас, что надо срочно пойти что-то посмотреть или узнать. И Аля уже на месте старалась разобраться.

Алевтина: Мы работали в процессе, параллельно. Первое время я жила в самом Кучинге и выезжала в окрестные деревни, то есть в «Большой Кучинг» на выходные или на какие-то мероприятия. А в декабре я уехала жить в деревню в исследуемом регионе. И это был очень крутой опыт, потому что вот я прямо жила в хоумстее⁵ — это когда есть хозяева дома, и ты с ними живешь, и у них есть, условно, ферма, этот вот кусок джунглей, который они обрабатывают; и мы туда ездим, собираем дурианы, или едем в деревню, в которой сохранился лонгхаус⁶. Меня возили везде, куда я просила. И в какой-то момент инсайт произошел. Я не знаю, насколько он правильный. Я буду очень рада, если местные ученые нас потом в итоге почитают. Честно говоря, у нас был соблазн в какой-то момент: мы нашли готовую диссертацию, как раз по нашему региону, по нашей архитектуре, местного парня, который поехал учиться на архитектора в Новую Зеландию. Мы сначала думали: все, мы сейчас просто это берем и на основе этого пишем рекомендации. Но после того, как я сделала свою этнографическую работу... я поняла, что мы пришли к другим выводам. И это интересно. И когда я потом показала их местным, они сказали: «это хорошо, это классно». Им понравилось.

Павел: Местные — это кто?

Алевтина: Я была там, в хоумстее, в последние недели декабря. А они, в общем-то, христиане, очень такие воцерковленные все, и в эти недели приезжала куча родственников, или приезжали просто большие очень семьи в хоумстей гостить. И я там со всеми общалась, и была прекрасная этнография, очень удобная... Вот сейчас будут шутки про колониальность, но я сидела, получается, в хорошем месте, и ко мне приезжали разные группы, прям се-

⁵ Домашняя гостиница, дом, где как правило живет семья *бидаю*, а часть комнат сдаются туристам. Семья также организует досуг и готовит еду.

⁶ «Длинный дом», традиционная форма жилых построек на Борнео.

мейные расширенные группы. И я им говорю: «Ребята, я изучаю ваш дизайн». И это было так трогательно, кстати, что они говорят: «Наш дизайн? Ой, как мы вам сочувствуем. Лучше бы вы изучали *ибан*⁷. Вот там так интересно, так там все красиво. А у нас какой дизайн?». — «Да он у вас классный, такой минимализм! Сейчас я вам все расскажу! Сейчас я вам расскажу, как все красиво».

Павел: Хорошая этнография такая...

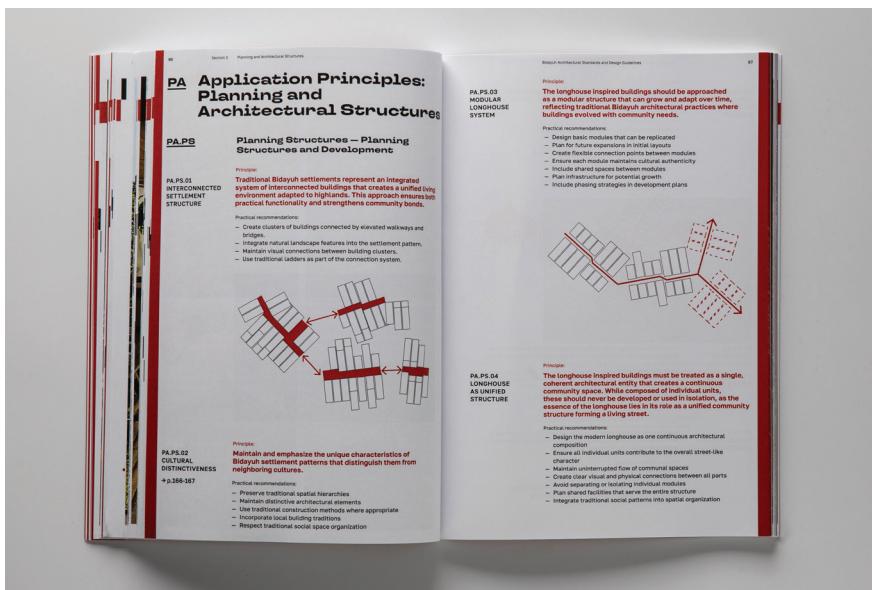
Алевтина: Рассказываю свою теорию про отличие длинного дома *бидою* от длинного дома у остальных индигенных групп Борнео, которая ко мне пришла. Инсайтная теория. Я пыталась ее тестировать, как она будет откликаться.

Павел: Нет, ну ты все же скажи, в чем она, суть-то в чем?

Алевтина: В общем, смотрите. На этой территории, вообще на Малайзийском Борнео проживает много разных индигенных племен. Самое крупное — это *ибан*, но есть и другие. И у них у всех есть эти длинные дома, которые, наверное, вы все знаете из классической этнографии. Но это не длинный мужской дом, а практически «коммуналка» с общим коридором и отдельными комнатами. И когда началось городское строительство, которое хотело подчеркнуть местную самобытность, они делали ссылку к круглому дому ритуальному, который отличал, собственно, наших *бидою* от остальных племен, потому что у остальных его просто не было. А у *бидою* был этот круглый дом. И вот если мы даже приводим в пример сити-холл или парламент — они все построены как референс к этому круглому дому. А длинные дома — вроде как у всех длинные дома. А потом я поехала посмотреть на то, что происходит в Индонезии, потому что там родственные племена, и у них как раз в архитектуре очень много референсов именно к длинному дому. Но у этих племен, у всех, кроме наших, длинный дом — это вот такой прямой длинный коридор и отдельные комнатки. А у наших длинный дом — вообще не это. Это много разных домов, они могут быть как бы под одной крышей, могут быть сейчас уже под разными крышами, но главное, что их объединяет — это открытая бамбуковая галерея, которая, по сути, бамбуковая улица между домами... И мы потом поняли, почему это произошло: была история хэдханTINGA, когда племена друг с другом активно боролись, и вот там охотники за головами... Если хочешь произвести впечатление на свою любимую девушку, подари ее родителям голову врага. Вот такой подарочек. И это вынудило их уйти в горы. Остальные племена живут вдоль рек, у них большое количество плоского пространства, поэтому они могут этот длинный дом себе устроить. А те, кто ушел в горы, потеряли эту возможность. Может, у них изначально тоже были вот эти прямые дома, но у них теперь нет плоской земли. И поэтому теперь их архитектура — это отвоевывание этой плоской земли за счет того, что они просто ее выстраивают над джунглями с помощью длинной бамбуковой галереи. И по краям ее строят уже не прямые — потому что ты же привязываешься к горе, к ландшафту — а уже изогнутые по-разному ветвящиеся длинные дома.

Павел: Папоротникообразные.

⁷ Другая индигенная группа Борнео, более многочисленная и хорошо изученная.

Принципы применения: планировочная и архитектурная структура. Фрагмент книги
Bidayuh Architectural Standards and Design Guidelines. Aquamarine Projects. Moscow, 2025.

Алевтина: Это потом я уже гуляла (там же самый туристический продукт — это прогулки к водопадам, по джунглям), и я смотрю на папоротник и думаю: боже мой, какой красивый, фрактальный, математически правильный. А потом, когда вот в этой деревне, где длинный дом сохранился, мне стали рассказывать: что ты же не понимаешь, что каждая улица — это семья. Что вот, например, есть дом. У меня вырос сын, и он хочет себе отдельное жилье. Мы просто берем и строим от этого дома новое ответвление; появляется новая улица... Это все наша расширенная семья, и мы все друг друга знаем, и мы [этую постройку] вместе ремонтируем, и вот так это все устроено. Это такой естественный, очень органический рост этого дома.

Павел: И инсайт в том, что у них тоже длинный дом, но он такой вот особенный, обусловленный их специфическим ландшафтом?

Алевтина: Да, что они уже осмыслили, собственно, *барук*, круглый дом; а вот этот, длинный, что это тоже наследие архитектурное — еще нет. А потом еще, когда меня отвезли собирать дуриан, я увидела там потрясающий такой как бы просто домик, который стоит среди джунглей. Я говорю: «Ой, Вика, кажется, есть три уровня социальности и социального масштаба у этих зданий. И когда мы будем рекомендовать, давай соотносить: если мы делаем сити-холл, то это вот — круглый дом, потому что он традиционно собирал всех в одном месте; если мы строим что-то такое типа гостиницы, то будем отсылать к длинным домам, потому что это размер, масштаб семьи; а если мы хотим глэмпинг или виллу одиночную, то тогда мы отсылаем к *фармхаусу*, потому что это гармония природы в джунглях».

А потом еще пришло понимание, что этот длинный дом не умер. Он вообще практически везде разобран, люди не хотят жить друг с другом, потому что он пожароопасен и потому что люди хотят какой-то приватности — но сохранились такие платформочки, тоже из бамбука, где до сих пор сушится все, что нужно сушить — урожай, одежда, еда. И когда я спросила, оно так же называется, как вот эта галерея бамбуковая? Мне сказали, что одно и то же слово используется. И я думаю: «О, то есть длинного дома нет, а *танжсу*, эта галерея, получается, раздробилась, и при каждом домике стоит вот такой кусочек этой галереи-*танжсу*. И это так симпатично, что он не умер, он живет, но вот уже в таком деконструированном виде. Я спрашивала: «Ребята, как вам эта мысль?». А они: «Ну да, это — *танжсу*, и это — *танжсу*».

Павел: Понятно. Так, возвращаемся к таймлайну. Значит, в феврале ты вернулась?

Алевтина: Да, но все это я надиктовала Вике еще в декабре, в конце декабря, и Вика пошла в архивы, книги стала смотреть. Нашла *фармихаусы*, референсы, как они выглядели, потому что я-то видела только современные, уже только бетонные, а Вика нашла оригиналы. Ну и, в принципе, вот это все, высказанное просто как догадка — оно потом срослось.

Виктория: Да, я все это дело отсматривала, писала какие-то свои мысли, мы с Алевтиной это все обсуждали. Изначально мы предполагали, что мы делаем что-то вроде каталога с визуальными элементами, которые находим в поле. Собираем, допустим, орнаменты, пишем к ним какие-то объяснения, комментарии и так далее. В процессе, пока мы все это презентовали директору компании, он говорит: «Слушайте, нам нужно еще регламенты к этому всему дать...»

Алевтина: Потом он говорит: «Ну, нам же нужно еще и показать, как это работает. Давайте просто сделаем еще одну деревню целиком...»

Александр: И из этих двух месяцев надо затратить еще значительное время на оформление и подачу этого всего, чтобы оно выглядело симпатично и красиво. Верстка, изображение, укорачивание текста и так далее.

Виктория: Мне кажется, в контексте вообще каких угодно социальных исследований, из-за того, что чаще всего социальные исследователи работают с текстами, в первую очередь, очень недооценена власть и влияние последующей визуальной подачи. Потому что сама верстка книжки — она очень сильно ограничивает; вообще сам макет ограничивает, сколько и какой информации у нас попадет внутрь этой книжки. Опять же, тип книжки — для кого мы это делаем? Допустим, для каких-нибудь местных предпринимателей. И поэтому это не может быть книжка альбомного типа, то есть огромная, формата А4 — она должна быть меньше. Но при этом она должна быть достаточно большой, чтобы туда поместился какой-то все-таки читаемый визуал.

Алевтина: Характер текста влияет — тебе нужно быть понятным и легко читаемым.

Виктория: Поэтому у нас было целое искусство — на определенный разворот расположить какое-то название, тезис, подблоки. И вот из-за того, что нам пришлось деконструировать всю мысль на какие-то отдельные подблоки, в которых помещается каждая фраза, каждый смысл на отдельный разворот, мне кажется, что отчасти нарратив сложился специфичным образом, потому что нам пришлось делать эту работу.

Павел: Ну, то есть формат книги и жанр как бы определил...

Виктория: Да, очень много, на мой взгляд. Это важный момент.

Алевтина: Мне кажется, классно, что это мы контролировали. Потому что если бы мы отдали кому-то, то получилось бы неизвестно что. А так как мы сами контролировали весь процесс, мы знали, что мы хотим сказать на каждом развороте, и приоритетность — выделяли ключевые слова; сами сокращали и сами там все делали. Это получился именно целостный продукт. И это очень круто.

Виктория: Да-да-да, это хорошо.

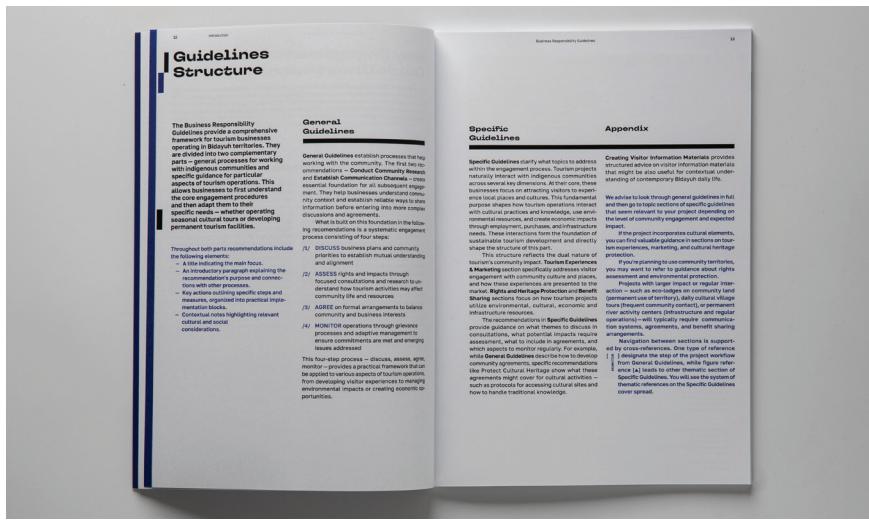
Павел: Если бы у вас сейчас появился похожий заказ, то как бы поменялся бы ваш график работы?

Алевтина: Я думаю, я бы вернулась еще раз в поле с препринтами этих книг и организовала бы серию встреч со стейххолдерами и местными антропологами для обсуждения и сбора фидбека, но, к сожалению, пришлось собирать его удаленно по своим контактам, и это не было выстроено в какую-то специальную процедуру. Но надо отметить, что в нашем случае заказчик, GKCDA, или агентство по координации развития Большого Кучинга, есть орган, представляющий интересы *бidaю* и где все работники преимущественно *бidaю*. И на презентации наших материалов мы получили очень позитивный отклик.

Александр: Да, собственно, синий гайд — он же во многом именно про это, про то как налаживать и поддерживать систематическую коммуникацию с местными заинтересованными сторонами, учитывать их ожидания, опасения и все такое. И правильно было бы, если бы мы, так сказать, следовали своим же советам — ну и мы набрасывали заинтересованные стороны, кто бы это мог быть: примерно так, а там «ближе к делу» разберемся. А «ближе к делу» в том смысле, чтобы все это последовательно и методично сделать, никогда не наступило, и вместо этого получился такой неформальный и не очень систематический контакт, немного «на коленке».

Павел: А вот скажите, коллеги, мы все тут участвовали в разных прикладных проектах. У вас есть хоть один прикладной проект, который не вызывает после его завершения каких-то таких ощущений, что, эх, ну... Потому что я вот какой ни возьми — какие-то уже забылись, давно были, и может быть, я слишком обобщаю — но какие-то знаковые для меня проекты, они все со-пряжены с какой-то ложкой дегтя. Так все вроде классно сначала — делаешь, придумываешь, все получается, тоже в последний момент какие-то инсайты, какая-то коллaborация неожиданная, раз, получилось, никто не спал, все сде-

лали, а потом бац! — не перевели на английский... Поэтому все те, кто должен был это все прочитать, они этого не прочитали, и это никуда не пошло...

Структура гайдлайнов. Фрагмент книги *Business Responsibility Guidelines*.

Aquamarine Projects. Moscow, 2025.

Александр: Нет, вот эта вся часть, которая «никто не спал, все сделали», это же тоже в важном смысле «сделано на коленке». Так не должно быть.

Павел: Как будто бы в этих прикладных штуках как-то не получается нормально.

Виктория: А потому что, во-первых, всегда есть дедлайн. Когда есть заказчик — есть дедлайн, и обычно этот дедлайн совершенно не соотносится с нашими идеями, иллюзиями, академической практикой исследования, когда у тебя есть время долго исследовать, есть время рефлексировать и так далее. В прикладных проектах такого не может быть. Деньги, сроки, все сжато.

Алевтина: Но, согласись, полгода это шикарно.

Виктория: Нет, у нас в этом случае, в сравнении, допустим, с российским контекстом, когда у тебя две недели, а тут у нас было полгода — это вообще-то ничего себе. Но все равно. Плюс вопрос менеджмента. Потому что в большинстве своем нет менеджеров на проектах, которые понимают специфику, например, социального исследования. В идеальном мире таким человеком должен стать кто-то из нас.

Алевтина: Проджект-менеджмент — это вообще-то очень специфический навык. Нас ему, если честно, не особо учили, и тут важен опыт работы в такой роли. Вот, например, на одном из моих проектов в другой компании

была отлаженная система в Notion⁸. Я очень хотела сделать нечто подобное и здесь. Чтобы любой участник мог легко внести свой вклад: услышал что-то о кулинарии — а у нас в команде, кстати, был и ответственный за кулинарную книгу — и ты сразу заносишь это в нужное место: интервью со ссылкой на дату, профиль информанта, цитатой... Чтобы все было взаимосвязано!

Я мечтала выстроить такую систему, но оказалось, что за этим стоит отдельный пласт менеджмента: нужно постоянно напоминать людям, уго-варивать их пополнять базу. А сами они не хотят в ней разбираться и тем более — самостоятельно в ней копаться. Нужно уметь выстроить всю эту инфраструктуру, архитектуру... В общем, организовать процесс.

Александр: Фактически, мне кажется, что скорее вот в этом проблема в нашем случае. Не в том, что недооцениваются какие-то исследовательские процессы или их невозможно уложить в прикладную логику. Взаимодействие разных людей и все, что мы закладывали, мы закладывали с мыслями «хорошо бы», предполагая, что это реализуется как-то само собой или кто-то другой это наладит, например, сделает встречу со стейххолдерами. В общем, в процессе это ощущалось как нехватка времени, но постфактум кажется, что скорее не хватило организованности. Плюс, конечно, как часто в больших проектах — многое зависит от внешнего контекста, который живет своей жизнью, меняется — а за ним меняются и требования, и дедлайны.

Алевтина: У нас была длительная полевая работа, и в нее можно было все это уместить. И если исходить из таких стандартов, если брать вот этот таймлайн за золотой стандарт, туда реально уместить все, что нужно. И теперь мы понимаем как. И понимаем, какие ресурсы нужны и когда их подключать.

Павел: Скажите мне, пожалуйста, вот что. У вас у каждого были сомнения по поводу этого проекта? Ну, вот когда поступило предложение. Какого рода сомнения, и почему они были отмечены? Стоит ли в этом участвовать? Каждый раз, когда тебе выкатывают предложение какое-то, ты каждый раз взвешиваешь, правильно?

Александр: Ты имеешь в виду изнутри этого проекта, по содержанию? Просто мои основные сомнения были скорее «снаружи»: как это встроить в то, чем ты и так сейчас занимаешься.

Виктория: Для меня, например, если смотреть на проект в целом — что мы должны сделать какой-то продукт, связанный с мастер-планом в другой стране, с международной командой — это было интересно. Это, действительно, как Аля сказала, челлендж какой-то, о котором думаешь: «о, мы должны это пройти». С этой точки зрения не страшно. Страшно было в том плане, что действительно из нас ноль человек экспертов по Малайзии. А тут мы, значит, занимаемся описанием Малайзии. В любом случае какая-то рефлексия по этому поводу существует — но, по крайней мере, я понимала, что я иду на проект, связанный с территориями, с визуалом, с пространством и так далее. В этом у меня есть компетенции, на которых я могу нормально стоять, и поэтому я такая: ну ладно. С учетом, что изначально предполагалось, что у нас там будут какие-то местные эксперты, плюс Алевтина была в поле, собирала этот

⁸ Интернет-платформа для управления проектами с гибкими базами данных (<https://www.notion.com/>).

материал, то есть в любом случае это материал, который собран на месте, а не только кабинетное исследование — мы с моей совестью в этом плане договорились. И более того — что мне показалось действительно ценным — это бенефиты от длинного исследования, что есть время найти какие-то очень неочевидные вещи, что мы действительно там как-то вкопались, посмотрели. А еще чем можно очень сильно гордиться и чем, мне кажется, мы должны всем хвастаться — это нашей картой, которую мы сделали. Вот где полевой материал-то! Ну ладно, собрали же мы, с нами поделились этим материалом.

Павел: Какой картой?

Виктория: Это момент, который помогает нам немножко дружить с нашей совестью. Это то, как мы описывали *бидую*. Грубо говоря, есть *даяки* — такая метагруппа, внутри которой на данной территории она делится на *бидую* и *ибан*. И все вроде как бы знают *бидую* и *ибан*. Все, больше ничего нет. А Алевтина, когда работала, нашла человека, который уже там проводил, собственно, research и который подсказал нам, что «*бидую*» — это тоже такой зонтичный термин, то есть это широкое описание разных сабтрайбов.

Алевтина: Ну, не совсем так. Я первый раз еще, когда пошла в университет, поговорила с местным антропологом. Он мне объяснил, что «*бидую*» — это вообще тоже такой конструкт, еще всем конструктам конструкт. И дальше, я когда взаимодействовала, поняла, что они называют себя еще другими именами. Они мне стали рассказывать, что у них есть пять разных языков только на одной территории, на которой мы работаем. И когда я пыталась понять, что они друг другу говорят, то я думала, они друг друга по названию деревни узнают: «а, ты Бау», «а ты Би-Паро». Но Бау — это территориальное название, а Би-Паро — нет. Я поняла, что им важно это внутреннее различие. И это клево, если мы будем достаточно внимательными именно к этим внутренним различиям, что эти субгруппы, у которых собственный язык, у которых своя одежда, свои орнаменты — что они все разные, и они друг друга идентифицируют по этим субгруппам. И мы на это обратим внимание будущих инвесторов. И потом уже я нашла человека, который просто передал мне текст и сказал: вот, если ехать по этой дороге, слева будут эти, справа эти, вот! И мы потом это визуализировали.

Павел: Но при этом все-таки «*бидую*» остался таким базовым термином, базовой категорией.

Александр: Ну, потому что это же эпизод местного национального строительства. Все эти унификационные процессы — они на Сараваке в эту сторону идут. Там есть обобщение в один праздник, да, один день.

Алевтина: Да, есть такое, есть конструирование. Но еще что важно, территория наша, Мамбонг-19, это избирательный округ. И поэтому наша задача была скорее сделать вот такую книгу для условно этой местности. С очень размытыми границами.

Павел: У меня был опыт работы с музеем Басманного района. Очень похожая история. Басманный район — это административная единица. Не избирательный округ, но все равно это некоторая довольно искусственная конструкция. Но есть люди, энтузиасты, которые делают музей Басманного района, он довольно успешный, долго существует, вот десять лет уже. И мне интересно,

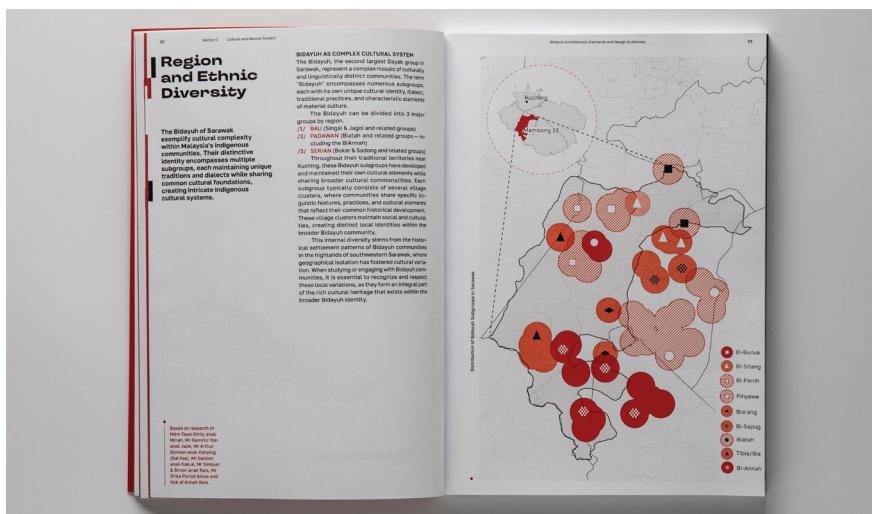
как эти люди в этом музее конструируют локальность, как они «создают» Басманный район. Я как-то делал для них антропологическое исследование, и проблема была в том, что они-то мыслят мир как состоящий из районов, и им нужно было знать, как люди воспринимают Басманный район, как люди к нему относятся, как люди его используют. А для меня это была история о том, как его конструируют. И я параллельно смотрел на это — и в этом участвовал сам. Да, это немножко шизофреническая практика. Но что я хочу подчеркнуть, что тот материал, который я собирал — он противоречил той картине мира, которая была в голове у заказчика. И когда я писал отчет... ну, мне было сложно. У вас не было таких проблем?

Алевтина: Наш основной заказчик как раз прекрасно в курсе, что Мамбонг — это voting region...

Павел: Нет, в данном случае я имею в виду, что на месте моего Басманного района, в вашем случае *б�다ю*, а не Мамбонг. Вот я про это спрашиваю.

Александр: Давай я отвечу. На том уровне, на который мы погрузились в местные социальные процессы в ходе этой работы, я сомневаюсь, что у нас могли возникнуть такие же проблемы. Мне кажется, что *б�다ю* просто лучше устроенный проект, чем Басманный район. Больше акторов его развивают и поддерживают, и это более-менее понятно. И в академическом плане это устоявшийся термин антропологической литературы. То есть вот кого я больше всего читал из антропологов, это Лиана Чуа (Liana Chua), она в нулевые-девяностые годы активно работала на Сараваке. И там *б�다ю*.

Павел: Я имею в виду, что есть заказчик, у него в голове определенная картина мира, он считает, что существует Басманный район или что существуют *б�다ю*. И он говорит: «Ребята, изучите мне Басманный район», «Ребята, изучите мне *б�다ю*». Ты приходишь к *б�다ю*, и они говорят: «ну, мы, конечно, *б�다ю*, но вообще-то мы бау, би-паро» и так далее. И ты должен каким-то образом, с одной стороны, вот это отразить, а с другой стороны...

Региональное и этническое разнообразие. Фрагмент книги *Bidayuh Architectural Standards and Design Guidelines*. Aquamarine Projects. Moscow, 2025.

Алевтина: Нет, для меня все-таки главный конфликт был между тем, чтобы не делать из Мамбонга какую-то сущность...

Александр: То есть, у тебя ощущение, что *б�다ю* существует. У тебя не было проблемы, что ты такая приехала исследовать *б�다ю*, а там нет *б�다ю*, а есть жители Анна Раис (Annah Rais)?

Алевтина: Нет, они себя-то называют и как *б�다ю*, и как конкретных жителей Анна Раис, если ты их спросишь. Потому что понятно, что они сами ко мне обращаются как к внешнему наблюдателю, которому детали эти все не очень важны. А потом еще выясняется, что есть, в принципе, «*даяки*» — слово, которое уже не употребляется в официальном дискурсе, но при этом это слово объединяет и *б�다ю*, и *ибан*, и индонезийских *даяков*. И представляет вот такую большую индигенную общность, которая разделена искусственно государственными границами, но при этом действительно имеет и общие этнические и культурные корни, и общие ритуальные практики, и даже обмен реликвиями. То есть там вот эти потрясающие деревни, где люди просто пешком переходят границу, и сначала кормят черепа в деревне *б�다ю*, а потом в другой год все идут кормить черепа в индонезийской деревне. И они объединены там, условно, одной горой. Это уже другая история. И для них она важная, и мы как бы этот уровень считали: что есть государственный дискурс такой, и есть этот индигенный дискурс, другой. Есть еще эти локальные дискурсы и языковые различия. Но то, что они друг другу противоречат — это нет. Просто есть разные уровни, разные дискурсы...

Павел: Да, конечно. И Басманный район тоже есть, он есть, потому что, например, у него есть МФЦ, и в какой-то момент жители Басманного района вполне себя осознают жителями Басманного района. Но в какой-то момент — нет.

Я про то, что эта реальность, которую мы наблюдаем: мы видим, что она сложная. И, в частности, идентичность — локальная, национальная, этническая — какая хочешь, она тоже сложная. Она такая вся пульсирующая, какая-то меняющаяся. Но это все хорошо, если ты статью пишешь. А если ты должен сказать, как людям строить здесь дома или как им тут развивать туризм, то ты должен как бы четкие ответы дать какие-то.

Алевтина: Кто тебе сказал?

Павел: Да они четкие! Вот я когда прочитал, я вижу здесь довольно четкие ответы. И у меня как бы вопрос. И мне очень нравятся эти книжки — не только потому, что они красивые — но и потому, что они очень классные. Ты читаешь, и тебе хочется немедленно поехать в Саравак, развивать туризм или строить там какие-нибудь классные штуки, которые обыгрывают эту традицию или как-то там ее интегрируют, или креативно развивают и так далее. Но у меня много вопросов к этому. Это слишком все четко, слишком все аккуратненько, слишком все... как-то все укладывается очень хорошо.

Виктория: Мы это все осознаем.

Павел: Смотрите, я вот это все читаю — и я сначала узнаю там своих путешественников начала XIX века, которые описывают вот этого экзотического

Другого. Они говорят: ой, тут такое место, тут столько живет народу. Тут даже не разберешь, такое множество языков, такая cultural diversity, что, в общем, ну... Тут и *даяки*, и *ибан*, и эти *б�다ю*, и не *б�다ю*, а там вот полно всяких еще. Это вот Россию так описывали европейцы в эпоху Просвещения. Или, например, прекрасная история здесь, про то, что, *б�다ю* — это такой народ, у которого вся материальная культура что-то значит. Вот это такой, на самом деле, топос описания традиционной культуры, такая гиперсемиотизация. Все: крыша, орнамент крыши — он что-то значит, вот этот вот *basket* — он что-то значит, вот у нас это «*танжсу*» — это отражение, значит, определенной социальной структуры. Господи, какой насыщенный мир у этих *б�다ю*! Просто у них куда ни шагни, везде есть какой-то смысл, что-то «отражает»...

И вот у меня гипотеза такая: этот формат — прикладная работа — вынуждает нас упрощать. Она требует от нас понятных ответов. Она говорит нам: ребята, так что в итоге? И мы должны сказать, что «в итоге»: вот этот ромбик в сочетании с таким вот элементом — вот это оно и есть наш паттерн культурный, наш *heritage*, и тому подобное. А если ты на это смотришь с точки зрения исследовательской, то твоя задача — вскрывать сложности. И эта сложность всегда такая плохо укладывающаяся. Она всегда то есть, то нет, она всегда никуда не лезущая.

Виктория: Мой ответ к этому спичу: я хотела сказать, что у нас была задача описать и дать какие-то комментарии к каждому из объектов. Моя задача была собрать какое-то количество визуальных образов и дать им описание. Такое описание, которое поможет использовать это в прикладных целях, потому что цель, задача этой книжки именно в этом. Поэтому сам жанр вынуждает делать такой текст. Вот эти рамки и задают такое упрощение.

Алевтина: Да, мне кажется, история-то в том, что мы делаем не академическое исследование и даже не прикладное исследование. Мы делали продукт, и мы хотели, чтобы он был целостный и красивый, и что из него могут родиться еще новые классные идеи. Это должна быть прямо-таки цельная картинка. Хочется сказать слово «Библия», но не Библия. То, что лежит где-то в важном месте в «доме Шанель», и все приходящие главы дома ее открывают.

Александр: Нет, я не хочу спорить, я согласен в целом. Мне кажется, что, как я понял ответ Вики, я бы примерно так же ответил. Кажется, это претензия к словарю. Если ты открываешь словарь и смотришь, то там везде определения. Точно так же и здесь. Почему везде символы какие-то — ну, заказ ведь был, чтобы это было про символы: какие символы, какие значения, с чем связываются и что используют. А с другой стороны — да, то, что Аля сказала. Но чтобы ответить на твой вопрос... основание вопроса мне кажется несколько сомнительным. С одной стороны, мне не кажется хорошей иерархией, что академическое исследование ценнее, чем прикладное. По какой шкале оно лучше, в чем? Ну, по истине, да? Действительно, если мы исследовали не академически, а прикладно, «под продукт», где-то мы «обманули»: мы выдали простую целостную картинку за... как если бы она была реальностью, а не вот эта многогранная сложность взаимодействий, не схватываемая, которую ты наблюдаешь, если ты честно смотришь. Так, да?

Павел: Ты с этим не согласен?

Александр: Я не согласен с тем, что одно ценнее другого. Или что это такой обман, нелегитимный обман. Когда ты делаешь, например, лодку, от тебя не ждут, что ты сделаешь самую настоящую лодку или такую лодку, которая воплотит в себе всю, я не знаю даже что, что бы это могло быть. Не этим определяется достоинство лодки. Точно так же и вот эта книжка: она же дальше будет жить какой-то своей жизнью вот в этой сложной сложности и порождать какие-то смыслы. Вот в этом смысле, мне кажется, претензия в неистинности к ней будет просто некорректна, потому что она не про истинность. Кроме того слова претензий, который можно предъявить, и о котором я не задумывался до твоего вопроса. Действительно, когда мы сделали вот эту подмену и подали как цельное представление о культуре (ну, допустим, мы это сделали, хотя тоже с оговорками) ту ситуацию, где в реальности какая-то сложность цветущая или гниющая происходит — какие у этого структурные последствия? То есть в какое неравенство, в какие беды мы вложились этим? Если мы в какие-то вложились, вот за это нас, конечно, надо бить по рукам. Но в какие, мне трудно сказать. Кроме того, что мы развиваем капитализм, а это плохо.

Виктория: Мы этой работой действительно не претендуем на какую-то всеобъемлющую истину. У нас есть высказывание, которое привязано к конкретному территориальному проекту. Мы связаны, мы в любом случае привязаны к этому мастер-плану, и мы включены в него. Этот текст — это, опять же, не регламентирующий документ, то есть это не регламент, а сборник рекомендаций. Нет такого, что сейчас надо пойти и законодательно это все дело закрепить и начать это все насаждать. Это — наше высказывание, которое ложится на этот подвижный мир. Они что-то примут и используют, например, если оно найдет там отклик. Потому что в этой книжке есть много того, за что можно зацепиться. Ты можешь зацепиться за *танжу*, но не зацепиться за крышу. Говорим ли мы тогда, что мы воспроизводим исключительно этот лонгхаус именно этой социальной структурой? Нет. Это набор некоторого вдохновения. Что-то приживется лучше, что-то вообще не приживется. И это будет ответом на наш тезис — посмотрим, как это будет жить в будущем.

Алевтина: И главное: мы тут написали «Bidayuh Architectural Guidelines», но в книге мы поясняем, что вообще-то есть разные бидаю, и вот эти конкретные орнаменты мы брали только из нашего региона. И у если у вас будут объекты в других регионах, используйте метод, но не используйте именно эти орнаменты. Они там будут какие-то другие, вы можете к ним отослаться лучше, чем к нашим. Так что мы не закрепляли эту общность, мы ее не ограничивали. Мы говорили: вот тут на этой территории, вокруг этой дороги примерно, если наложить карту этого избирательного округа — тут вот такие ребята, они вот такие штуки делают. Вот и все.

Павел: Чтобы закончить с этой темой: у меня есть такое предположение, что когда тебя нанимают только на исследование, тогда у тебя руки как будто бы более развязаны. Ты можешь исследовать, и эту сложность, которую ты там обнаружил, представить. А уж о том, как это конвертировать в какие-то там продукты, это пусть голова болит твоего заказчика.

Виктория: Да, но дело в том, что заказчик-то может вообще сделать все что угодно с этими данными.

Александр: Или ничего не сделает, или ничего не сможет.

Алевтина: Или от этой сложности придет в такой ужас, что это твое исследование вообще никак не отразится на результате.

Виктория: А в нашем случае мы, понимая сложность, упрощали сознательно.

Александр: Павел, а ты это к чему?

Павел: Я к тому, что вот мы вроде бы сейчас все чаще оказываемся в ситуации, когда мы не просто наняты на конкретные исследования, а когда мы делаем нечто большее. Или когда исследование под определенные цели, и от нас требуют ответить, «сколько вешать в граммах». Просто я хочу зафиксировать: эта ситуация заставляет нас упрощать, идти на сделку с совестью.

Алевтина: Слушай, не хочу так говорить. Во-первых, не упрощать. Извините, но это большая творческая работа. Это не детская книжка. Это не тот случай, когда ты написал статью, а потом написал статью для шестилетнего ребенка. Это творческий продукт. Вот то, что я делаю, например, для музеев, национальных парков и пр., я же не приношу исследования, а дальше «вы, бедные музеи, сидите и читайте». Всем нужен твой не только интеллектуальный, но и креативный вклад. То есть просто собрать историй, и все — это непродуктивно, потому что происходит разрыв. Книжек по этнографии море, зачем звать антрополога, который к тебе приедет и тебе что-то опишет. Меня сейчас зовут не столько для того, чтобы я провела исследование, но говорят: «А придумай, что мы с этим сделаем. Вот у тебя там „Старухи“⁹ классные, а давай мы и у нас сделаем что-то такое». И там надо придумать, что это «такое». И по-другому не получится. Ты не будешь делать просто абстрактную антропологию всего и вся. Ты делаешь сразу уже творческий продукт. И мне кажется, что то, что мы сделали, это определенный жанр.

Виктория: Я бы еще сказала, что это некоторый перевод на другой язык, грубо говоря. Вот, например, работаю я с архитекторами, и если я пришла, собрав какой-то материал, просто отдать им этот материал — это будет непродуктивно. Вероятно, его даже не прочитают. Нужно все переработать, решить эту проблему перевода.

Павел: Меня интересуют потери при переработке.

Алевтина: Да, это хорошо. Потери при переводе у тебя происходят всегда. Мне кажется, что антропологи — помнишь, нам говорили всегда — это переводчики между культурами. Вот ты рождена, Вика, в культуре архитекторов, и ты потом получила свое второе рождение в культуре антропологов. И теперь ты можешь быть вот этим антропологом — переводчиком, медиатором между архитекторами и академиками. Точно так же, как я: я получила там свое первое рождение в антропологии, потом второе в кураторском музейном искусстве, и теперь я могу быть вот этим антропологом, связующим,

⁹ Имеется в виду выставочный проект «Старухи о любви», реализованный Алевтиной Бородулиной совместно с Еленой Наумовой в с. Учма Ярославской области.

медиатором между тем и тем. И всегда, когда мы производим антропологию между культурами, мы нечто создаем. Что-то третье. И там происходят потери, но при этом происходит и создание чего-то.

Александр: Паша спрашивает, и из твоих ответов у меня складывается ощущение, что ты веришь. You're a believer. Ты веришь, что то, что ты сделала, это отражает некоторую правду. Почему, если я правильно понимаю, он говорит, что это упрощение? Потому что то, что тут представлено, является просто буквально упрощением того, что происходит в жизни тех людей, которых мы тут называем *бываю*.

Алевтина: Я верю, что, действительно, этот жанр перевода такого, все-таки это не просто упрощение, но какая-то новая форма, где... мы берем корзинку и потом переводим ее в графику, мы создаем текст такого языка, который понятен дизайнеру. Мы создаем вот этот перевод. Это то, с чем потом графический дизайнер будет работать.

Анализ орнаментов. Фрагмент книги *Bidayuh Architectural Standards and Design Guidelines*. Aquamarine Projects. Moscow, 2025.

Александр: В общем, мне кажется, что бессмысленно оценивать такого рода творческие произведения с точки зрения потерь в истинности, потому что они не считают это ценностью.

Виктория: «Они» — это ты про нас?

Все смеются

Александр: Продукты!

Алевтина: Нет, все равно же мы должны опираться на *какую-то* правду жизни.

Все смеются.

Павел: Хороший акцент.

Александр: Алевтина, что важнее, чтобы красиво было или чтобы по правде?

Алевтина: Нельзя так ставить вопрос.

Александр: Почему? Так, а в итоге-то красиво или по правде? Или тебе кажется, что ты всегда сочетаешь то и другое досконально? У тебя все и «красиво» и «по правде»?

Алевтина: Понимаешь, там не сто процентов красиво и не сто процентов по правде, но важно, чтобы было по правде и важно, чтобы было красиво. Это как будто такие ингредиенты, которые надо взболтать, но не смешивать, и там что-то должно произойти.

Александр: А входит ли тогда дисклеймер? Входит ли в этот продукт дисклеймер, сообщающий, что мы вот тут смешали, какую-то правду сказали, а какую-то нет, потому что не смогли. Или это дисклеймер, который входит в жанр?

Алевтина: Ну да, он входит в жанр.

Александр: По-моему, нет. У нас там есть какие-то аккуратные слова, которые мы подстилаем как соломку, чтобы к нам нельзя было придаться... что мы вот как бы что-то сделали. Вот такие. Но мне кажется, что сам жанр так устроен, что ты должен продавать видимость, что у тебя совпало «красиво» и «по правде» точно. Как будто бы потому, что у тебя не купят продукт, где ты напишешь: ну, знаете, на семьдесят процентов «по правде», на тридцать мы придумали. Мы не придумали, но мы не знаем. Или мы знаем, но не поместились.

Виктория: У нас, да и ни у кого не может быть генеральной совокупности всего знания. Даже в научном исследовании этого нет.

Александр: Да, но в научном исследовании ты обязан где-то большими буквами написать, что именно ты не знаешь, как именно ты исследовал, чтобы тебя всегда можно было проверять. А вот эти штуки такого не предполагают.

Виктория: Да, не предполагают, но, тем не менее, мне кажется, в наших вводных частях мы как раз-таки писали, для чего мы это делаем, почему мы это делаем. То есть свои рамки мы там вполне конкретно обозначили. Никто не говорит, что мы сделали описание «всех бидаю», и это истина в последней инстанции.

Павел: Но мне, конечно, кажется, что это все-таки сделано для нашего успокоения. Потому что человек берет вот это, читает — и он читает про бидаю. Вот так живут эти люди. Из сегодняшнего разговора оказывается, что длинный дом сохранился в одной деревне, в которой ты побывала.

Алевтина: Да. В двух.

Павел: Окей. Но вот из того, что я прочитал...

Алевтина: ...ты не понял этого.

Павел: Я не понял, тут этого не написано.

Александр: Мне кажется, что правильная формулировка для такого рода вопроса: «Какие структурные последствия несет в себе такой стиль речи?» То есть на самом деле мы так сделали не потому что мы вредины какие-то, а потому что такие условия этой «игры». И если мы в нее и продолжаем играть, хорошо ли мы поступаем? Вот это вопрос.

Виктория: Что есть хорошо, что есть плохо?

Александр: Ну, скажем, скольким людям мы принесли страдания? Или, наоборот, можем ли мы сказать, что, сделав это, мы уберегли кого-то от страданий?

Павел: Я хочу понять, вот эта игра и вот та игра, которая здесь (в академии) происходит — это две разные игры или они где-то как-то пересекаются? И там, и там есть антропология в каком-то виде. Насколько они совпадают? Потому что я читаю этот текст, написанный Викторией Михайловой — которая вообще-то изучает, каким образом наследие конструируется разными акторами в процессах территориального развития... Вот я открываю книжку, и мне говорят: «ребята, у бидаю есть наследие, их наследие — вот это, это и это, их цвета вот такие, их орнаменты вот такие, хотите быть как бидаю — пожалуйста». Я это все понимаю, но у меня вопрос: а что Вика думает в это время, когда она выступает в качестве актора, одного из акторов, который создает это наследие. Я хочу понять, как в нас академический антрополог уживается вот с этим прикладным антропологом. Я специально говорю «мы», потому что я испытываю те же сложности. Я часто в той же ситуации нахожусь, когда я делаю прикладные проекты. Вот скажите мне, вы не испытываете какого-то неудобства в этом процессе?

Алевтина: Мне кажется, что я всегда испытывала это неудобство, когда я что-то писала. А зачем я написала про этих людей? И что им от этого? И не наврала ли я? И не исказила ли я все, что они мне сказали? Потому что исказить можно, даже вставив прямую речь в текст. И ты даже лучше исказишь, если вставишь прямую речь. И у меня, наоборот, стало гораздо меньше сложностей в жизни, когда я стала прикладным человеком, потому что тут я конкретно понимаю, зачем я это делаю. То есть я что-то делаю для этих архитекторов или для архитектурного парка. Вот им нужно что-то создать, людям в этом парке нужно что-то ощутить, местным должно быть приятно туда зайти, и оно должно откликнуться во всех. А культура — это такой богатый материал для нового творчества. Короче, мне кажется, что я тут сместились вообще в какую-то, скорее, рамку искусства, чем в рамку науки.

Александр: «Как я перестал беспокоиться и полюбил атомную бомбу».

Алевтина: Короче, у меня такой ответ, господа. Теперь пусть ученые скажут и исследователи наследия.

Виктория: Мне кажется, что для меня действительно есть большой разрыв между, так сказать, теорией/академией и практикой. И для преодоления этого разрыва требуется достаточно много каких-то коллективных усилий, в которых мы договоримся. Грубо говоря, создадим какую-то новую этику работы на этих прикладных проектах и встроим эту этику внутрь механизмов прикладных проектов. Сейчас объясню, что имею в виду. Из-за того, что я изначально человек из прикладной сферы, который создает какие-то буквально материальные проекты, а моя вторая ипостась — академическая, я нахожусь в постоянном противоречии. Потому что я понимаю цели и задачи прикладных проектов: делая их, мы вносим действительно свой кирпичик, допустим, в развитие территории; мы, может быть, помогаем как-то привлечь и стимулировать туризм на этой территории. Делаем ли мы что-то точно плохое в прикладных проектах? Иногда да, но далеко не всегда. То есть мы это все делаем с действительно искренними побуждениями сделать хорошо. Сделать хорошо этим людям. Мы, например, когда все это придумывали, обсуждали, что дом может достраиваться, мы также обсуждали идеи, что там есть возможности создания кооперативов собственников. И такая форма растущего лонгхауса, которую мы описываем, поможет сегодня экономически включаться местным сообществам, зарабатывать деньги. Неоднократно в своей работе, за которую я получаю деньги, я оказываюсь в ситуации, когда, например, пишу заявку на грант, — да, я пишу про наследие региона, осознавая, что я пишу это именно с целью получить грант. А чтобы его получить, я должна писать специфичным образом. То же самое и здесь. Нам нужно в любом случае подсветить некоторую ценность тех объектов, которые мы описываем. Конечно, мы будем использовать и «наследие», и «устойчивое развитие», и все остальное. Конечно, потому что моя задача создать такую рамку, которая будет очень подходящей для вот этого проекта территориального развития. Как исследователь, конечно, я осознаю, что я занимаюсь некоторым производством, что я в это вкладываю какой-то кирпичик. Но опять же, как исследователь, я могу сказать, что вот мы положили этот кирпичик, но если он не прижился, значит, плохой кирпичик. А если он прижился, значит, он откликнулся, значит, мы нашли какой-то момент. Да, получается, я на двух стульях сижу, то есть и как человек из прикладной сферы, и как человек, который занимается исследованием. Действительно, есть это противоречие. Ну а как его избежать, кроме как изменять практику...

Александр: Короткий дополняющий комментарий: мне кажется, что нет у академической науки монополии на исследование. Исследование — это такая практика. Ты гуглишь что-то, например, как ребенку сделать книжку с картинками, делаешь ее — и ты провел исследование. Лучше провел — нашел лучший способ, хуже провел — хуже. С одной стороны, достоинство исследователей в том, чтобы хорошо эту работу сделать, потому что ты профессионал, ты знаешь что-то про исследование, и ты, как Вика рассказывает, смотришь на архитекторов, которые что-то изображают в виде исследований, и думаешь, что это можно нормально сделать, давайте сделаем нормально, всем будет лучше. Это в этом смысле просто хорошее ремесло. Действительно, мне кажется, что моральный вопрос здесь всегда в том, кажется ли тебе, как человеку, который решается вложиться в этот проект, что этот проект приведет скорее к чему-то хорошему или скорее к чему-то плохому, уже не как исследователю, а как человеку, который совершает моральный выбор или политический выбор, точнее и то, и другое. И здесь скорее вот такие критерии.

Виктория: В общем, мы находимся в постоянной внутренней борьбе. Шучу, нет.

Павел: Не в постоянной, а в периодической. Я хочу сказать, что, конечно, если уж говорить про перевод, то язык, которым написан этот текст, он, конечно, очень такой... вкусный. В смысле, он очень соблазнительный. В смысле, смотрите, «curated cultural landscape» — это уникальная возможность достичь баланса между сохранением и развитием». Это на каждой странице!

Александр: Продающий текст.

Павел: Продающий, абсолютно. Идеально продающий его. Прямо вот по всем потребностям этого человека, который описан в антропологии туризма. Вроде и аутентично, и в то же время комфортно. Вроде как, и традиция — и развитие.

Виктория: Наша задача была сделать привлекательный текст, мы и сделали его.

Александр: Подожди, это же еще не нападение, дай довести мысль.

Павел: Нет, это не нападение, это восхищение просто.

Алевтина: Ну, ты же понимаешь, что задача — продать администрации, убедить, что им это надо, чтобы они потом это использовали. Что мы это для вас сделали, для того, чтобы вашей культуре было хорошо, а при этом денежки тоже были. И чтобы вы потом как-то это внедряли в свои дальнейшие взаимоотношения с другими людьми, которые будут приходить. Ну, то есть, наша задача была именно такая.

Павел: А вот скажите, коллеги, вот вы же, наверное, шутили по поводу собственной колониальности?

Виктория: Ну да, мы сюда шли с этой шуткой.

Алевтина: Это был разгон, стендап (ты только что зашел) был прямо минут на десять.

Павел: Да? Эх...

Александр: Если коротко, то мы перебирали варианты, как нам надо фреймировать наши исследования. Если ты скажешь: слушайте, да у вас же колониальные исследования, мы скажем: «Да, и мы так и задумывали. Конечно, что могут эти малайзийцы понимать в чем-то. Сейчас мы все узнали, мы им все объясним». Но потом мы решили, что это все-таки не совсем отражает реальность. И скорее у нас вынужденный колониализм. То есть мы собирались делать по-нормальному, но получился почему-то колониализм. Потому что времени не было.

Павел: А когда времени нет, получается колониализм.

Виктория: Это самый простой путь.

Александр: Естественно делать колониализм белому человеку.

Виктория: Это, как говорят политологи, что, если не прикладывать усилия, у тебя в любом сообществе получится авторитаризм. Вот так и здесь: если не прикладывать дополнительные усилия, у тебя получится колониализм.

Павел: Да, я это готов понять и принять, но единственное, что я не понимаю, необходимость схемы вот этого человека, которая про цвет... Что, значит, разные цвета появляются в культурах по мере их эволюции¹⁰. Вот если этот эволюционный вектор убрать вообще, это исследование вообще ничего не потеряет. То есть просто можно сказать: у бидаю черный, красный, белый цвета, желтенький дополнительный, синий вот такой — и все, и нормально дальше все работает, вообще без потерь. Но почему-то это все построено в эволюционную линию.

Алевтина: Мне попался этот ролик на YouTube, и мне так это понравилось, что мне вообще хотелось... Помнишь, я им говорила, что буду исследовать дизайн, они мне заявляли: «Ой, ну какой у нас дизайн?». А мне хотелось наоборот им сказать: «Ребята, вот то, что вы сейчас делаете, минимализм, это круто». То, что ваши цвета — это не просто какие-то случайные цвета, это вот корневые цвета человеческой цивилизации вообще. То, что у вас происходит в вашей маленькой борнейской деревушке, это вообще-то интересно будет людям со всего мира, потому что это какой-то базис, это исток. Это ужасно, да?

Александр: Да, так и представляешь, условно воображаемого Дюркгейма: «Ну, дорогие мои австралийцы, вот это — ваше, понимаете, примитивное — это основа религиозной жизни, даже христианства, понимаете?»

Павел: Я хочу сказать, что у меня все эти колониальные диспозиции и иерархии довольно сильно сбились и пошатнулись после знакомства с синей книжечкой, где было написано, что вообще-то у бидаю есть культура для собственного употребления и культура как бы на экспорт. А еще есть такое, что многие туристы могут принять обрабатываемую, культивируемую землю за какую-то дикую природу. Приходят, думают, что это дико и круто, но это вообще-то культивируемое пространство. И дальше там еще в конце тоже был какой-то тейк очень хороший, который меня вообще со всем примирил. То ли про то, что там все меняется у них, и что нужно, вроде как, каждый раз соглашаться...

Александр: Да, я постарался, собственно, интегрировать достижения британской антропологии.

Павел: Ну да, и тут в тексте стали проявляться какие-то реальные люди, которые меняются, у которых есть это, есть то.

¹⁰ Имеется в виду работа Berlin B., Kay P., Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley and Los Angeles: The University of California Press, 1969.

Культурные и духовные аспекты. Фрагмент книги *Business Responsibility Guidelines. Aquamarine Projects. Moscow, 2025*.

Алевтина: Потому что, видишь, у Саши другая задача. Здесь, в красном гайде, мы делали для архитекторов, а тут — для тех, кто в отделе какой-нибудь социальной ответственности, которые на другом уровне считают.

Александр: Строго говоря, то что ты упомянул про конец синей книги — это же примеры из некой заготовки гайда для туристов. То есть ты должен рассказать туристам про то, куда они едут, чтобы они как-то подобающие себя вели и не вели себя неподобающее. Поэтому там все эти вещи: вы едете к живым людям, которые там вообще разные, они Богу молятся, но раньше черепа собирали. Ну, в общем, всякие такие интересные штуки.

Виктория: Я хотела добавить еще вдогонку, по поводу разрыва между, скажем так, академической теорией и практикой. Действительно, это как два мира, которые, я не знаю, соединяются ли они... Но как бы нашупать эту точку, в которой они соединяются, какой стороной пазла мы поворачиваемся, когда нам нужно сделать что-то прикладное. Там так много факторов, действительно: и какой заказчик, и какая задача, и отвечают ли мы на сложный или простой вопрос, нужно ли нам делать финальный продукт? И от этого комбинация этого поворота будет разной.

Александр: Мне кажется, что ответ на этот вопрос, где пересекается — на уровне ремесла. На уровне просто того, как сделать исследование.

Виктория: Да, да! Мне тоже это понравилось.

Алевтина: Да, что исследования — это как бы не прерогатива академии. И что бизнес может делать ресерч, да кто угодно вообще.

Павел: Нет, это само собой.

Александр: То есть, ты применяешь одни и те же компетенции, но как бы для разных задач.

Алевтина: И дополнительные компетенции. Вот, то, что у нас с Викой — архитектурная, художественная — они дополнительные.

Александр: Предположительно, в научных текстах ты должен применять свои исследовательские компетенции для исследований каких-то эмпирических процессов, для построения теорий, по существу, для развития и вклада в какую-то теоретическую дискуссию. Вот эта часть компетенций, по «теори-естроению», не задействуется в прикладном проекте, здесь она вообще никак не нужна. И там не будет, скорее всего, всей этой важной для антропологии рефлексивности о том, что — куда. Но зато там будут какие-то другие компетенции — как это сделать доступно, красиво, полезно. Определенным людям доступно, конкретной аудитории.

Павел: Когда мы говорим, что мы используем свои компетенции здесь для одних задач, здесь для других задач, я абсолютно согласен, я бы только убрал из этой фразы слово «просто».

Алевтина: Ты имеешь в виду, что чуть-чуть по-разному используем эти компетенции?

Александр: Что это не просто?

Павел: Я имею в виду, что мы — не «просто...». Ну, наша работа, наше исследование, оно же включает не только умение брать интервью, но еще и умение делать выводы, заключения, интерпретацию и так далее. И вот здесь слово «просто» уже не подходит. Вике совершенно не заповедано... конструировать наследие. Из-за того, что она его изучает, как это происходит. Ну и что? Вот мы изучаем, я тоже изучаю. Проблема возникает в тот момент, когда мы пишем, что наследием этой группы является вот это. Для меня это проблема. Я понимаю, что наследие — это конструкт, который создается разными акторами, и в какой-то момент я вылезаю и говорю, что у этой группы наследие — это вот это. Ну, как это? Противоречие есть между этими словами, да? Либо я должен сказать, что — «я считаю, что это наследие», или — «они считают, что это наследие».

Алевтина: Мы считаем, что это наследие.

Виктория: Мы пишем «we», ну, как бы в смысле, что — мы. Мы прямо говорим «мы», да, это высказывание, это... кусочек диалога.

Алевтина: Знаешь, почему? Потому что это же приглашение. То есть мы говорим: «Ребята, вот вы этот *барук* свой осмыслили как наследие. А нам кажется, что вот это и вот это — тоже клево». И если они скажут: «Господи, реально клево!» — и пойдут там что-то такое делать, то мы молодцы.

Александр: Сейчас ты говоришь, про какие-то «они», как будто есть какие-то *бываю*, которые что-то решают. Но этими наработками воспользуются какие-то конкретные люди для достижения собственной выгоды, а другие не воспользуются, они пострадают; или что-то получат, что-то не получат. Это все будет куда сложнее.

Павел: Короче говоря, с одной стороны, то что вы сделали, по-моему, очень круто. С другой стороны, я хочу сказать, что есть проблемы — не в вашем исследовании, а в нашей прикладной ипостаси.

Александр: Но, с другой стороны, Паш, тебе не кажется, что это проблема не прикладной ипостаси? Потому что академическое исследование ведь тоже куда-то как-то вкладывается.

Павел: Да, ты знаешь, у меня есть такая гипотеза, что вообще-то прикладная антропология очень хорошо проявляет все те проблемы, которые есть в академической антропологии. Просто именно за счет, может быть, упрощения, за счет вот этого приложения, за счет практической ориентированности. Там это все быстрее и более явно проступает, потому что в статьях мы, конечно, можем сказать: с одной стороны, с другой стороны... напустить туману и рефлексии какой-нибудь, и оно как-то размывается. А здесь, когда тебе задают конкретный вопрос, вернее, когда ты даешь конкретные ответы, «последние» ответы — вот тут и выясняется, что ты на самом деле колониальный исследователь, ну, например.

Виктория: Неосознанно.

Александр: Вынужденно.

Виктория: Ладно, вынужденно. Да, у нас вынужденный колониализм.

Алевтина: Я считаю, натуральный. Это идет из природы, естественным образом. Что ни делай — получается колониализм...

Interview

Basov A. S., Borodulina A. S., Kupriyanov P. S., Mikhailova V. S. Applied anthropology in Borneo. Interviews with the authors [Prikladnaia antropologiiia na Borneo: intervju s avtorami] Anthropologies, 2025, no 2, pp. 67–95, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/67-95>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Basov A. S. | email: a.basov@iea.ras.ru | <https://orcid.org/0000-0003-3518-1852> | Junior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Borodulina A. S. | alevtina.ethno@gmail.com | Consultant at Aquamarine Projects, social anthropologist, independent curator

Kupriyanov P. S. | e-mail: kuprianov-ps@yandex.ru | <https://orcid.org/0000-0001-9856-3159> | Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Mikhailova V. S. mikhailova.vikt@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0002-5634-0480> | postgraduate student, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Abstract

The interview discusses the experience of Russian anthropologists' participation in the project of developing a tourist and investment masterplan for one of the districts of Sarawak (Malaysia, Borneo). The subject of the conversation is the field and desk research and research-based guidelines for local tourism projects, concerning architecture and graphic design, as well as the organization of interaction between companies and local residents. The interviewees discuss the conversion of field materials into practical recommendations, the search for a compromise between academic accuracy and the need to create an aesthetically pleasing and commercially viable product, and the ethical and methodological dilemmas associated with the anthropologist's position in an applied project.

© О.Ю. Артемова

«А судьи кто?» (о тех, кто уничтожал науку о первобытной культуре)

Ключевые слова: этнография, этнология, история первобытного общества, эволюция социальных институтов, идеология, политика, власть и наука, идеологический прессинг

Автор статьи пытается понять, как могла произойти в нашей стране в советское время жесткая идеологизация науки о ранних формах социальной эволюции. Показан огромный вред, который принесли этой сфере этнологических исследований некоторые профессионально несостоятельные, но политически ангажированные публикации, равно как и в целом деятельность их создателей. Называются их имена и приводятся выразительные цитаты из публикаций 1930-х годов. Поднимаются ключевые вопросы научной этики и нравственной ответственности ученых. Указывается на угрозы для этнологической науки, которые может повлечь за собой идеологический прессинг и в наше время.

Пreamble

До сравнительно недавнего времени в нашей этнологии изучение бесписьменных безгосударственных культур в значительной мере служило средством для разработки общей теории ранней социальной эволюции, что, как известно, называлось историей первобытного общества. Нам досталось солидное наследство от дооктябрьской эпохи. Первобытную историю разрабатывали крупнейшие ученые. Именно стремлением быть в курсе всех идейных направлений мировой этнологии объясняется то обстоятельство, что русские этнографы, почти лишенные возможности вести полевые исследования средиaborигенов Австралии, индейцев Америки, африканских, южноазиатских, океанийских и других «экзотических народов», уделяли им огромное внимание, пользуясь чужими материалами. Ведь эти материалы служили и продолжают служить почвой для сближения с западной наукой. Взаимодействие с ней невозможно без анализа тех конкретных этнографических данных, ко-

Артемова Ольга Юрьевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, заместитель директора Института антропологии и этнологии Российской государственной гуманитарного университета. artemova.olga@list.ru <https://orcid.org/0000-0003-0937-6920>

Для цитирования: Артемова О.Ю. «А судьи кто?» (о тех, кто уничтожал науку о первобытной культуре) // Антропология/Anthropologies. 2025. № 2. С. 96–118, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/96-118>

торыми она питалась и питается. Поэтому в предшествующий Октябрьской революции период не существовало не только барьера, но и даже сколько-нибудь заметной границы между русской этнографией и западной социальной/культурной антропологией. Большинство русских этнологов работало в русле классического эволюционизма. Но некоторые относились к нему резко критически, например, А.Н. Максимов и П.Ф. Преображенский. В первую очередь именно благодаря им накануне Октября российские теоретические представления о ранних этапах социальной эволюции находились на передовом рубеже международного знания. Традиция серьезной и объективной научной критики — без всякой робости перед «авторитетами» — была весьма устойчивой.

После Октябрьской революции была, как мы знаем, декларирована задача разработки марксистских методов исследований, которая интенсивно реализовалась в области изучения ранних стадий социальной эволюции, вызвавших специфический интерес у основоположников марксизма. При этом советский «этнографический марксизм» вступил в симбиоз с классическим эволюционизмом. Одновременно происходила как бы автономизация советской этнологии, обособление ее от западной науки. Однако в 1920-е годы марксизм у нас выступал лишь в виде комплекса концептуальных установок. В публикациях того времени можно встретить разнообразие оригинальных авторских подходов. Кроме того, в те годы работали ученые, не переходившие на марксистские позиции. Например, в работах А.Н. Максимова мы не найдем ни одной ссылки на К. Маркса и Ф. Энгельса. Этот краткий период отмечен выходом в свет целой серии выдающихся исследований. В их числе ранние публикации С.А. Токарева «О системах родства австралийцев», «Общественный строй меланезийцев», «Родовой строй в Меланезии» (1929, 1929, 1933), равно как и такие новаторские работы как «Первобытный монотеизм у огнеземельцев» П.Ф. Преображенского (1929) и «Происхождение экзогамии» А.М. Золотарева (1931). Словом, в ранней советской этнографии/этнологии царил дух творческих поисков и экспериментаторства. Тщательный анализ стенограмм Совещания этнографов Москвы и Ленинграда 1929 г. позволил С.С. Алымову и Д.В. Арзютову «говорить о том, что советские этнографы оказывались осведомленными едва ли не обо всех текущих дискуссиях в антропологии того времени в США, Великобритании, Франции, Германии, Австрии и т.д.» (Алымов, Арзютов 2014: 49).

Но то был, как мы знаем, трагический рубеж как во внутриполитической обстановке в стране, так и в науке, даже в такой, казалось бы, весьма далекой от текущей политики отрасли, как изучение ранних форм социальных институтов. В течение нескольких лет марксизм был превращен из методологии в набор догм, отступление от которых представляло не только угрозу для возможности публиковаться, но и реальную опасность для жизни ученых.

Процесс этот выразился, как известно, в канонизации теории эволюции социальных институтов первобытности, которая была разработана Л. Морганом в 1860–1870-е годы и в основных чертах воспроизведена Ф. Энгельсом в знаменитой книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» в 1884 г. К этому добавилась догматизация отрывочных высказываний основоположников марксизма из некоторых других их работ, а также из частных писем или даже набросков к ним и даже из заметок на полях читанных ими книг.

В результате укоренилась следующая жесткая и внутренне очень противоречивая схема: промискуитет как самая ранняя стадия развития человеческих сообществ; затем групповой брак с двумя последовательно сменившими друг друга формами семьи — кровнородственной и пупалальной; одновременно формировавшийся материнский род, представлявший собой социально-экономический, производственный коллектив; затем постепенно создававшаяся в его недрах парная семья и, наконец, отцовский род и патриархальная семья, которая появляется только на стадии классообразования. Далее, эпоха «классической» первобытности — это эпоха «первобытного коммунизма» и полного социального равенства. Причем это представление каким-то странным образом уживалось с понятием матриархата — господства женщин в «классической первобытности». Далее, тотемизм объявлялся универсальной формой первобытной религии. И, наконец (правда, уже позднее), сформировалась еще одна чудовищная догма: первобытное общество — общество, в котором личность по существу нивелирована, люди лишены индивидуальности, неотличимы друг от друга. Стоит ли говорить, что при такой схеме «первобытное общество» превращалось в чистую абстракцию, некую бесплотную субстанцию, существующую вне времени и пространства.

Утверждение этой схемы, естественно, сделало невозможным продолжение серьезных исследований в области первобытной истории, так как фактический материал по «архаическим» обществам николько не вписывался в нее, как не вписывались и выводы исследователей предыдущего десятилетия. А авторы их — те, кто не были репрессированы, как профессор П.Ф. Преображенский, — либо отошли от острых тем, как С.А. Токарев, либо вовсе ушли из науки, как вынужден был сделать А.Н. Максимов, либо совершенно перестроились и стали утверждать противоположное тому, что утверждали раньше (например, С.П. Толстов). Некоторые же, такие как Е.Ю. Кричевский или С.Н. Быковский, взяли на себя роль гонителей всего, что не сочеталось с предписанными догмами.

В результате теоретическая мысль не просто затормозилась, но как бы окаменела. И это в то время, когда в мире в целом этнология (культурная/социальная антропология) сделала огромный шаг вперед.

Многие советские авторы теперь уже не следовали традиции тщательного поиска новых фактических данных в иностранной литературе. Даже универсальная прежде установка на изучение по крайней мере трех европейских языков — английского, немецкого и французского — утратилась. Стали обходить каким-нибудь одним или вообще «без языка». Анализ новых теоретических направлений западной науки сменился так называемой «критикой буржуазных концепций», которая велась почти исключительно с идеологических позиций и в идеологических целях. Во «внутренней» научной жизни точно так же подлинная аналитическая критика отступила перед критикой идеологической. Не страшно и не стыдно стало «недобрать» фактов или даже их исказить, страшно было лишь заслужить обвинение в «антимарксизме», в буржуазных заблуждениях вроде «прамонотеизма», «бюхерианства», «релятивизма» и т.п. Все это отчетливо сказывалось даже после хрущевской «оттепели», когда наиболее радикально настроенные и смелые этнографы стали пробивать одну за другой бреши в идеологической твердыне. Последствия этой беды до сих пор ощущаются в немалом числе отечественных публикаций.

Но как такое могло случиться?

Обыкновенный карьеризм

Ну да, в стране учинили «великий перелом» в духе самых страшных прозрений Иоанна Богослова и мечтаний Петра Верховенского, персонажа из романа «Бесы», созданного гениальным провидцем Достоевским: «Мы сделаем такую смуту, что всё поедет с основ... Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Не надо образования, довольно науки! ... но надо устроиться послушанию. В мире одного только недостает: послушания... Полное послушание, полная безличность!... Мы пустим пожары... Мы пустим легенды... Главное, легенду!.. два-три соломоновских приговора пустим...»

Читавшие ли Достоевского или не читавшие советские правители чутьем уловили, что нужно делать, чтобы удержать и укрепить свою власть. Но ведь то были лишь общие векторы безжалостной политической воли и поставленные на службу им трескучие идеологические лозунги — «кто не с нами, тот против нас», «смерть классовым врагам» и т.п. — из которых отнюдь не следовало, что надо вытеснять и уничтожать (физически и морально) этнографов, не признающих существования на заре человеческой истории группового брака в двух последовательных формах — кровнородственной и пупалуальной — выведенных на основе изучения турано-гановянских и гавайских номенклатур родства. *Разве такие могли придумать организаторы «великого перелома»?*

«Чтобы определить, кто есть друг, а кто враг, — справедливо отмечал Ю.Л. Слезкин в статье «Советская этнография в нокдауне» — нужно было уяснить разницу между передовой и вредной теориями, но ни классики марксизма-ленинизма, ни текущие партийные директивы не содержали четких указаний, как это сделать в каждой конкретной отрасли» (Слезкин 1993: 113).

В каждой конкретной отрасли это могли сделать только те, кто находился внутри нее, «жили в ее лоне». Кто же они были?

В одной из своих публикаций, посвященных трагическим страницам советской археологии той эпохи, А.А. Формозов писал: «Будем снисходительны и справедливы к людям 1920–1930-х гг. Кто-то эмигрировал... Но большинство осталось, чтобы разделить судьбу своего народа и принять участие в строительстве новой жизни». Однако их безжалостно и последовательно вытесняли из науки. Места серьезных исследователей занимали воинствующие невежды. Будем справедливы и к ним» (Формозов 1998: 201–204).

Вот справедливости ради вспомним их имена и то, как они «наводили порядок» в лоне первобытной истории. Главными были те, кто в прежние годы вели революционную борьбу, воевали на фронтах Гражданской войны, занимались утверждением советской власти в столицах, малых городах и селах, а по окончании бурных событий остались не у дел и искали новые ниши и новые поприща для своих динамичных натур. Этнография, в особенности же история первобытного общества, оказалась весьма удобной сферой, так как классики марксизма-ленинизма оставили некоторые конкретные ориентиры. Самые видные из этих новых деятелей концентрировались в Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) или были тесно связаны с ней, а также являлись преданными последователями возглавлявшего это

учреждение «живого классика», непререкаемого (до поры) авторитета — академика Н.Я. Марра.

Одну из первых ролей сыграл Валериан Борисович Аптекарь. В родном городе Золотоноше он вступил в 1918 г. в РКП(б), был членом местного Революционного комитета, потом в Полтаве работал следователем Особого отдела ВЧК. Оказавшись затем на партийной работе в Москве, он молниеносно сделал «научную» карьеру в сфере обществоведения и лингвистики, достигнув статуса профессора и побывав руководителем ряда научных подразделений московских и ленинградских учреждений (Аптекарь Валериан Борисович б/г; Аллатов 1991: 84–86, 95–97 и др.; Васильков, Срокина 2003: 36–37). Помимо золотоношской гимназии, он окончил только три курса Отделения внешних сношений Факультета общественных наук тогдашнего 1-го МГУ. Кстати — дважды получал выговоры по партийной линии за аморальное поведение. Вот как о нем отзывалась О.М. Фрейденберг в письме к Борису Пастернаку: «В Москве я познакомилась с Аптекарем. Это был разухабистый, развязный и дородный парень в кожаном пальто, какое носили одни „ответственные работники“. Ходил он, раскачиваясь, словно не желая признавать препятствий. Весело и самоуверенно он признавался в отсутствии образования. Такие вот парни, как Аптекарь, неучи, приходили из деревень и местечек, нахватывались партийных лозунгов, марксистских схем, газетных фразеологий и чувствовали себя вождями и диктаторами. Они со спокойной совестью поучали ученых и были искренне убеждены, что для правильной систематизации знаний („методологии“) не нужны сами знания» (Переписка Бориса Пастернака 1990: 12)¹.

В 1929 г., на упоминавшемся выше Совещании этнографов Москвы и Ленинграда Аптекарь был одним из распорядителей и ключевых ораторов. Он брал слово неисчислимое количество раз, неоднократно нападал на маститых ученых, в том числе на В.Г. Богораза, с обвинениями в антимарксизме и или ложном толковании марксистской методологии. Среди многоного другого он заявлял, что этнология рассматривает понятия «культура» и «этнос» в отрыве от производственных отношений и, следовательно, является «буржуазным суррогатом обществоведения». Участники совещания, явно подавленные страхом попасть под сокрушительные удары Аптекаря и его соратников, приняли тезисы, в которых этнология была квалифицирована как буржуазная попытка создания отдельной науки о культуре и признана вредной и ненужной, а вот произвольно отграниченней от нее этнографии дозволено было «остаться в живых» в качестве «исторического изучения конкретных во времени и пространстве человеческих обществ и отдельных культурных явлений». При этом было определено, что «этнография есть та часть истории, которая занимается первобытно-общинным строем» (Совещание 1929: 110–144; От классиков к марксизму 2014; Слезкин 1993: 116).

В 1932 г. состоялось Всероссийское археолого-этнографическое совещание. На нем уже и этнография (на пару с археологией) была «отучена от марксизма». Археологию обвинили в идеализации «вещеведения», а этнографию — в эклектизме, буржуазном национализме и великородственном шовинизме. Даже сохра-

¹ Этот отклик дважды цитировался в издании «От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) — Е.А. Резваном (2014:9) и С.С. Алымовым в соавторстве с Д.В. Арзютовым (2014: 40–41).

нение особого имени за той отраслью исторической науки, которая занималась «первобытными народами», квалифицировалось как «дань колониализму». Только за историками первобытности удерживалось право на научные теоретические исследования, но и им даны были четкие директивы: скрупулезно изучать вопросы, поднятые Марксом, Энгельсом и Лениным, а именно материальное производство в его конкретных вариантах, происхождение семьи, происхождение классов, происхождение и формы религии, искусства и других надстроек, формы разложения первобытно-коммунистического общества (Резолюция 1932; Слезкин 1993: 119; Формозов 1993).

На этом совещании главенствующие роли сыграли Н.М. Маторин и С.Н. Быковский. Маторин, в частности заявлял, что продолжение полевых работ в современных условиях «есть проявление империализма... Этнография есть не что иное, как первая глава в учебнике истории. Термин „этнография“ может поэтому сохранить условное значение для той части исторического знания, которая связана с доклассовым обществом и его пережитками» (Резолюция 1932: 12–14; Слезкин 1993: 119).

Николай Михайлович Маторин окончил в 1916 г. Императорскую Николаевскую Царскосельскую гимназию и поступил на Историко-филологический факультет Петербургского университета, но был призван на Первую мировую войну. Вернувшись в Петроград после Октябрьской революции, вступил в РКП(б) и несколько лет провел на партийной работе, а потом переключился на преподавательскую и научно-организационную деятельность, сначала связанную только с советской идеологией и ее пропагандой, а потом — с географией и этнографией. После ряда сложных перипетий, взлетов и падений, сопряженных с внутрипартийной борьбой 1920-х годов, ему удалось обрести поддержку ряда авторитетных ученых — в частности В.Г. Богораза, но главное, конечно же, Н.Я. Марра — и Маторин стал неуклонно продвигаться «вверх по карьерной лестнице», переходя от одной руководящей должности к другой в разных ленинградских учреждениях (Государственной академии истории материальной культуры, Института по изучению народов, Географического общества и др.). В конце концов он оказался директором Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры), а затем — в 1933 г. — первым директором Института этнографии АН СССР и главным редактором журнала «Советская этнография» (Решетов 1994, 2003)

Таким образом, человек, даже не имевший систематического высшего образования, возглавил науку, которую за год до того объявил «ненаукой». Как могла случиться такая несуразица? Этого, похоже, нам никогда не удастся понять, но можно предположить, что не последнюю роль сыграла преданность партийным руководителям обеих столиц, стремление угадывать и даже предвосхищать перемены в направлениях «политических ветров» и легко разворачиваться до 180 градусов, а также бескомпромиссная борьба с чуждыми советской идеологии «псевдоучеными» — вроде П.Ф. Преображенского, который злостно занимался «проводом гребнереанской контрабанды в марксистское обществознание» (Маторин 1931: 7).

Справедливости ради следует отметить, что А.М. Решетов, главный биограф Маторина, подчеркивал его большую эрудицию и творческую одарен-

ность. У него было много научных публикаций (*Решетов* 1994, 2003; ср. также: *Альмов* 2013: 88–89; *Альмов, Арзютов* 2014: 46–48).

Сергей Николаевич Быковский в 1915 г. окончил 11-ю Московскую мужскую гимназию и поступил на Физико-математический факультет Московского университета, но со второго курса был призван в армию и направлен в школу прaporщиков, по окончании которой попал в полк, расквартированный в Москве, где началась его активная революционная деятельность, продолжавшаяся на фронте в Румынии. По возвращении в Россию поселился в Клину, вступил в РКП(б), был членом уездного исполнкома, секретарем уездного комитета РКП(б), редактором газеты «Совет рабочих и крестьян». В 1919 г. был переведен на партийную работу в Москву, потом стал командиром отдельного батальона ВЧК при московской ГубЧК, откуда был мобилизован на Петроградский фронт для борьбы против войск Юденича. На Польском фронте служил начальником Особого отдела дивизии и подписал немало распоряжений о расстрелах «шпионов и диверсантов». Когда узнал об аресте отца в Киеве (по обвинению в сотрудничестве с Борисом Савинковым), письменно ходатайствовал о расстрельном приговоре, что и было осуществлено (*Засторожнова, Тихонов, Тихомиров* 2023: 292–295). По окончании Гражданской войны занимался партийной работой и идеологической пропагандой в Подмосковье, потом оказался преподавателем исторического и диалектического материализма, истории первобытной культуры и истории российского крепостничества в Вятском педагогическом институте, стал публиковать статьи и заметки на самые разные исторические темы. Обозначив себя приверженцем Н.Я. Марра, он сумел найти случай познакомиться с ним лично, что положило начало «стремительному взлету» и привело к «приземлению» в ГАИМК (1930) в роли заместителя председателя этого учреждения, т. е. заместителя самого Марра. Там Быковский до 1934 г. возглавлял публикационную деятельность, писал работы, в которых учил археологов «правильной» археологии и громил все «неправильное», «разоблачал врагов», пока сам не впал в немилость и не перебазировался в Институт этнографии АН СССР, где после «отрицания права археологии на существование как отдельной дисциплины» (1932) возглавил археологический отдел, а затем стал заместителем ответственного редактора «Советской этнографии» (Там же: 295–299) и сконцентрировался на первобытно-коммунистической формации, сохраняя верность провозглашенному ранее тезису: «Для тех, кто марксистски мыслить не может, должны быть применены методы воздействия более сильные, чем разъяснения и убеждения» (*Быковский* 1931а: 20). Сотрудничество с органами госбезопасности у него никогда не прерывалось (*Засторожнова, Тихонов, Тихомиров* 2023: 298).

Быковский опубликовал немало статей и рецензий, но всего три книги, из которых две — в 1931 г. Одна была чем-то вроде учебного пособия по методике исторического исследования (*Засторожнова, Тихонов, Тихомиров* 2023: 299; *Быковский* 1931в), а другая, озаглавленная «Яфетический предок восточных славян — киммерийцы» (99 страниц), доказывала, что киммерийцы не конкретный народ, а стадия в развитии любого этноса (1931б).

В том же 1931 г. вышла его статья «Этнография на службе классового врага», в которой он обрушился на В.К. Никольского, «воинствующего апостола миссионерства» (*Быковский* 1931д), а в большой публикации, названной «Доклассовое общество как социально-экономическая формация»

(Быковский 1934), досталось С.А. Токареву и П.Ф. Преображенскому, которые осмелились выделить целых две формации для первобытно-общинного строя. Не может быть такого! А В.И. Равдоникас сначала неправильно понимал противоречие между производительными силами и производственными отношениями, но потом исправился. П.И. Кушнеру тоже перепало. Утверждалось также, что имевшиеся переводы Маркса ошибочны, но не дано ни одной ссылки на иностранные издания классиков. Вообще нет ни одной ссылки на публикации на иностранных языках. Например, информация об экономикеaborигенов Австралии почерпнута из книг В.К. Никольского «Очерк первобытной культуры» (1923) и «Очерки первобытного человечества» (1926).

В третьей книге Быковского «Ленин и основные проблемы доклассового общества» (1935) В.К. Никольский и П.Ф. Преображенский обвиняются в том, что отражают буржуазные взгляды Маррета и других зарубежных авторов: они утверждали, что религия возникла на самых ранних этапах человеческой истории, тогда как некий А. Лукачевский обстоятельно показал, что это «находится в полном противоречии с фактами». Зато в полном «согласии с фактами» оказывается то, что носители трипольской культуры имели сначала материнский род, а потом — отцовский.

У Быковского был ученик и последователь, тоже приверженец Марра, Евгений Юрьевич Кричевский. Он получил хорошее образование в Ленинградском университете и, очевидно, имел задание разбираться в трудах старших коллег со знанием дела, в том числе со ссылками на релевантную иностранную литературу. Общая установка у него была такая: «Вопросы первобытной истории не менее партийны, чем вопросы истории новейшего времени. И нет такого вопроса в истории доклассового общества, вокруг которого не развернулась бы классовая борьба». Вот одно из названий его публикаций: «Марксизм и социал-фашистские искажения в вопросах истории семейных отношений первобытного общества» (Кричевский 1934). Следуя своей железной логике, Кричевский крушил в ней А.М. Золотарева, который (среди прочих грехов) неправильно понял «сущность парной семьи, что есть отрицание первобытного коммунизма, что в свою очередь есть лишь оборотная сторона отрицания возможности построения коммунистического общества в будущем» (Там же: 241).

Несомненно, самым талантливым, продуктивным и эрудированным автором того времени, писавшим о «первобытных народах», был С.А. Токарев, и его Кричевский атаковал особенно рьяно. Так, в рецензии на первую часть работы Токарева о родовой организации в Меланезии (1933) утверждалось, что такая публикация является «попыткой борьбы против марксистско-ленинской концепции развития доклассового общества» (Кричевский 1934: 117), что «объективной задачей» Токарева было «контрабандное протаскивание» Куновской социал-фашистской концепции развития семейно-родственных отношений, что Токарев «заинтересован в фальсификации фактов» для борьбы «с марксистско-ленинским пониманием развития первобытного общества» (Там же: 120).

Было бы смешно, если бы не было страшно читать такое: «социал-фашистская борьба против марксистского понимания истории первобытного

общества злостно отрывала (вот ужас-то! — *O.A.*) матриархат от группового брака(!)». «Почему Токарев, считая себя марксистом, стал на этот путь?» Почему «Советская этнография» такое напечатала? (Видимо, на судьбе Маторина это тоже плохо сказалось, и журнал какое-то время «висел на волоске»). Ведь, продолжал Кричевский, «меньшевистское и клерикальное понимание (парной семьи. — *O.A.*) пропагандируется на страницах «Советской этнографии», которая по существу «включается в борьбу с моргановско-энгельсовским объяснением малайской системы родства из кровно-родственной семьи и туроноганованской — из семьи пуналуального типа...» (Там же: 125). Увидев это, я мысленно воскликнула: «Эврика! Вот я и нашла ответ на вопрос, которым задалась, заставив себя читать такую бесовщину».

Столь же выразительно и дальнейшее: «Кто из исследователей одним из первых выступил с развернутой аргументацией происхождения фратрии путем слияния нескольких групп? Не кто иной, как известный Г. Кунов. А кто из исследователей с особой силой выдвинул теорию происхождения фратрии путем разделения одной из групп? Не менее известный Фридрих Энгельс. Но что за дело С.А. Токареву до Ф. Энгельса?» (Там же: 127).

Продолжать цитирование бессмысленно, и пора приступить к заключительным абзацам.

Размышляя об одной из подобных рецензий, А.А. Формозов писал: «Книга Ю. В. Готье «Железный век в Восточной Европе» стала предметом разбора в журнале «Историк-марксист». Трудно сейчас понять, чем же казалась так опасна археологическая книга Готье. Диким выглядит то, что упоминания о передвижениях народов, о колонизации некой территории воспринимались как призывы к интервенции против СССР. Или дело было совсем не в этом?» (Формозов 1993: 76).

Именно. Дело было совсем не в этом. Дело было в том, что следует четко определить словесно: **не что иное, как обыкновенный карьеризм** (аллюзия на название известного фильма М.И. Ромма — ремарка для молодых читателей²) в сочетании с отсутствием нравственных принципов и подлинного интереса, увлеченности, уважения и любви к науке.

Те, чьи имена и одиозные высказывания приведены выше, равно как и многие другие, видимо, не поддающиеся перечислению, просто убирали конкурентов — неслучайно слово «борьба» вновь и вновь всплывает в их писаниях — пользуясь небывалым размахом идеологического и политического террора в общественной жизни страны. Избавлялись или пытались избавляться (не всегда это удавалось, к счастью) от настоящих ученых, образованных, интеллигентных, ищущих, поглощенных исследованиями, ставящих научную истину выше конъюнктуры и себялюбия. А среди последних самыми опасными были те, кто тоже объявили себя марксистами и искренне стремились ими быть. Токарев, хотевший быть марксистом, да еще и находившийся в расцвете лет, подвергался нападкам куда чаще, чем, скажем, А.Н. Максимов, который в преклонном возрасте опубликовал книгу «Материнское право в Австралии» (1931) без единого упоминания о классиках марксизма-ленинизма и с полным

² Обыкновенный фашизм. Реж. М. Ромм. «Мосфильм», 1965.

опровержением не только матриархата, но и примата матрилинейности над патрилинейностью.

Формозов писал об археологии того времени: «Нет данных о каком-либо явном противодействии правительльному курсу, хотя бы о чем-то вроде мужественной позиции Н.Е. Макаренко, отстаивавшего от уничтожения Софийский собор и Михайловский златоверхий монастырь в Киеве. Было лишь пассивное сопротивление...» (Формозов 1993: 204).

Можно ли считать пассивным сопротивлением публикации работ, заведомо идущих против мощного течения, сметающего все на своем пути? Есть ли у ученых более сильное средство противодействия, чем обнародование неудобных фактов и их честное истолкование?

Но было и другое. Так, П.Ф. Преображенский «резко критиковал эволюционистов, особенно Моргана (и Энгельса), назвав его работу «образчиком эволюционной схемы, в настоящее время совершенно оставленной наукой» (Преображенский 1929б: 14). А теорию первобытного коммунизма он охарактеризовал как «спекулятивную по своему происхождению», в чем «винил многих, в том числе Энгельса...» (Преображенский 1929б: 14; Альмов, Арзютов 2014: 41). В 1929 г, когда на Совещании этнографов Москвы и Ленинграда принимали выше упомянутую резолюцию, Преображенский выразил несогласие и настоял на том, чтобы было запротоколировано его особое мнение (От классиков к марксизму 2014: 495; Альмов, Арзютов 2014: 41).

Эти и другие смелые и принципиальные поступки в конечном счете стоили ему жизни. В 1937 г. он был репрессирован (во второй раз), в 1941 г. — расстрелян (Иванова 1999).

Но в тех же 1936 и 1937 гг., по трагически-парадоксальной логике сплетения судеб, сгорели в огне репрессий Быковский, Маторин и Аптекарь. Кричевский погиб в блокадном Ленинграде в 1942 г.

«Из-под глыб» стали вырываться первые ласточки свободного аргументированного слова: А.М. Золотарев опубликовал исследование и заметку по классифицирующим номенклатурам родства, показав несостоятельность представлений о пресловутых кровнородственных и пуналуальных формах группового брака (1940, 1940). Через десятилетие то же подтвердил Д.А. Ольдерогге (1951). Вскоре после смерти И.В. Сталина А. Л. Монгайт и А.И. Першиц поставили под сомнение матриархат как универсальную стадию первобытной формации, хотя и настаивали на примате материнского рода и позднем происхождении отцовского рода (1955). Н.А. Бутинов, М.В. Крюков и М.А. Членов на рубеже 1960—1970-х годов стремились показать, что род может изначально формироваться как с женской, так и с мужской филиацией. Н.А. Бутинов, В.М. Бахта и, в особенности, В.Р. Кабо настаивали на том, что не род, а община была основной «производственной ячейкой первобытного общества». Но только на рубеже перестройки и после нее появились публикации, в которых: отрицалось единство ранних этапов социальной эволюции; в изучавшихся этнографически охотниках и собирателях, а также мотыжных земледельцах перестали видеть «аналоги первобытности»; доказывалось, что родовая организация отнюдь не является обязательной для

бесписьменных и безгосударственных культур, а также предпринимались настойчивые попытки расстаться с «первобытностью», «первобытно-родовым строем» или «первобытно-общинным строем», как с чистыми абстракциями. А ведь все это было в публикациях А.Н. Максимова 1899–1916 гг.

То, что представлено в предложенном мной здесь тексте — это лишь малый набросок к большой, наверное, неподъемной теме. К ней в постсоветской России ученые обращались многократно. Накоплена обширная литература, которая ждет полидисциплинарных обобщений.

Главный мотив, побудивший меня к этой работе — боязнь столкнуться с повторениями подобных эксцессов в своей научной среде. Хочется надеяться, что беспощадный идеолого-политический прессинг никогда больше не восторжествует в нашей стране, но и в более спокойные, мягкие, демократические, времена обыкновенный карьеризм, неумелое честолюбие вкупе с беспричинностью, властолюбие и невежественное стремление вторгаться в сугубо специализированные и профессионально недоступные сферы могут быть угрозой и науке, и ученым. Пусть во многократно слаженной, по сравнению со сталинской эпохой, форме аналоги описанных коллизий встречались и в отечественном, и в зарубежном недавнем прошлом.

Некоторые аналогии

Чтобы избежать голословности, приведу примеры. Сначала о близкой и дорогой мне Австралии. Там, в первую очередь благодаря усилиям А.Р. Рэдклифф-Брауна и его учеников в первой половине прошлого столетия выросла блестящая плеяда этнографов (социальных антропологов), главные усилия которых были направлены на изучение традиционных культурaborигенов и происходивших в них трансформаций. Назову лишь самые известные имена — А. Элькин, Р. и К. Берндты, Ф. Каберри, У. Макконнел, Д. Томсон и др. Были созданы университетские отделения во всех крупных городах, а в Канберре самое солидное научное учреждение — Институт по изучениюaborигенов Австралии и островитян Торресова пролива. У истоков стоял непревзойденный исследователь — У. Стеннер. На смену этому поколению пришли такие выдающиеся ученые как Н. Питерсон, К. Мэддок, М. Мэггит, Я. Кин, П. Саттон, Д. Мартин и многие другие. Некоторые из них в 1960–1980-е годы организовали с энтузиазмом подхваченноеaborигенами движение «децентрализации», т.е. переселение семей или небольших родственных групп из крупных поселков «в буш» — на традиционные клановые угодья — и возвращение к традиционным способам жизнеобеспечения с использованием при этом ряда технических достижений «цивилизации». Антропологи, такие как, например, Питер Саттон (он одновременно и лингвист), или просто люди с хорошим образованием, такие как Дэвид Мартин (он тогда был инженером, а антропологом стал позднее), были адоптированы в семьиaborигенов и годами жили с ними во «внешних поселениях». Охотились вместе с ними, ловили рыбу вместе с ними, стоили дома вместе с ними, растили своих детей вместе с детьмиaborигенов. Как говорила однаaborигенка о Дэвиде Мартине, «он ел то же, что и мы ели, он спал там же, где и мы спали. Мы вместе радовались и вместе плакали». А Питер Саттон вспоминал о том, сколько убитых животных он выпотрошил «вот этими руками», и о том, как на тридцативосьмиградусной жаре вместе с братьями-aborigenами «вот этими руками»

выкладывал покрытие на взлетной полосе, чтобы в их «внешнее поселение» на маленьких самолетах могли прилетать врачи (там везде были телефоны, и «летеющий доктор», как это заведено в Австралии, прибывал по первому зову в любое время дня и ночи) и учителя (всех детей учили по школьным программам), и чтобы доставлялись продукты, а также вещи, без которых во второй половине XX в. уже трудно было обойтись. Разумеется, в это начинание вкладывались немалые государственные средства, причем никто не ожидал материальной «отдачи» или коммерческой прибыли от деятельности поселенцев. Все участники процесса, включая государство, стремились лишь помочь коренным австралийцам оздоровить и души, и тела (Martin, Martin 2016, Sutton 2009).

«Внешние поселения» в некотором числе существуют в Австралииaborигенов и по сей день, но большинство опустело, и люди вернулись в поселки. Случилось это во многом потому, что уехали в города «белые братья». Они, как сказал тот же Питер Саттон в личной беседе, «стали стареть, слабеть, просто выдохлись»; к тому же их дети подросли и нуждались в высшем образовании. А смены не пришло. Не пришло во многом потому, что другие люди стали определять социально-психологический климат в стране, и парадоксальным образом та борьба за лучшее будущее дляaborигенов, которую так героически вели австралийские «шестидесятники», обернулась против них. На так называемом «антропониальном дискурсе» усиленно зарабатывают очки некоторые молодые карьеристы, а также сформировавшиеся в последние десятилетия прошлого столетия индигенные элиты, которые претендуют теперь на решающую роль не только в государственной политике, связанной сaborигенами, но и в сопряженной с ней исследовательской работе. К ней приобщается немало людей, не имеющих необходимой квалификации, но настаивающих на том, чтобы в каждом учреждении действовали квоты для тех, кто происходит из среды коренных австралийцев. По словам австралийских коллег, многим представителям индигенной элиты, живущим в крупных городах и занимающим бюрократические посты в различных административных структурах, не свойственна реальная забота о благе жителей удаленных поселений, гдеaborигены ведут тяжелое, безрадостное, безысходное существование, но при этом представители так называемого индигенного истеблишмента стремятся либо вообще отстранить белых интеллектуалов, прежде всего антропологов, от практической, прикладной и даже от научной работы, связанной с коренным населением страны, либо контролировать направление и тематику такой работы. Как сказал один из коллег, скоро в Австралии не останется белых антропологов, занимающихся проблемами коренных австралийцев. «Я не уверен — добавил он — что смогу получить доступ к собственной диссертации, хранящейся в Институте по изучениюaborигенов Австралии, не говоря уж о старых архивных документах». А другой, услышав это, вздохнул: «наш закат пришелся на очень плохое время». Имен этих коллег я не называю неслучайно, и это нехороший знак.

А начало процессу наступления на «белую антропологию» положили очень важные и очень нужные события: политическая борьбаaborигенов за юридические права на традиционные земли и за законодательную охрану традиционного духовного, равно как и материального, наследия. В этой борьбе люди с классическим антропологическим образованием принимали самое деятельное участие. Были приняты соответствующие федеральные и реги-

ональные нормативные акты и сформированы различные государственные и общественные структуры, в которых ведущую роль стали играть выдвинувшиеся из среды аборигенов лидеры. Они, среди прочего, инициировали многочисленные кампании, ратовавшие за реституцию «традиционных ценностей», в том числе коллекций артефактов и других материалов, собранных антропологами предшествующих лет.

Одна из самых драматичных коллизий сопряжена была с именем выдающегося исследователя культур коренных жителей Центральной Австралии Теодора Штрелова (1908–1978). Сын немецкого миссионера Карла Штрелова, он вырос среди аборигенов, знал местные языки, имел тесные связи с людьми *аранда* и некоторых соседних общностей. Частично прошел мужские инициации. Однако его интересовала классическая филология, и перед ним после окончания университета в Аделаиде открывалась заманчивая карьера в Европе. Но научный руководитель убедил его вернуться в Центральную Австралию и посвятить себя изучению языков, религиозного и фольклорного наследия ее жителей. «Пока еще не поздно» и «кому, как не тебе это делать, ни у кого другого не будет таких возможностей». Штрелов отправился в Центральную Австралию в 1932 г., погрузился в сбор информации, изучение языков и священных обрядов, многие из которых возобновились по его инициативе и с его деятельным участием. Он получил статус посвященного. Познакомившись с тем, как живут те, среди кого прошло его детство, Штрелов включился еще и в практическую деятельность, нацеленную на защиту прав аборигенов и улучшение их положения в глухих уголках пустынной Австралии. В частности, согласился занять административную должность Протектора коренного населения. Неутомимо отстаивая интересы аборигенов, он сделался «самым ненавидимым человеком» в среде белых фермеров и иных предпринимателей, стремившихся эксплуатировать труд аборигенов и наступавших на их земли. В 1942 г. его, немца по происхождению, личные враги объявили нацистом, он лишился должности и вынужден был уехать из Центральной Австралии. Служил в армии, а потом работал в Аделаидском университете и проходил стажировку по антропологии в Великобритании в Лондонской школе экономики. В 1950 г. вернулся в Центральную Австралию и продолжил исследования еще в течение 20 с лишним лет. На новом этапе он создал множество цветных документальных фильмов и подборку цветных фотографий. Самые авторитетные лидеры аборигенов 1930-х–1950-х годов приняли решение передать ему свои знания, опыт и сакральные предметы, в том числе множество *чуринг*³: чтобы он хранил все это, так как новые поколения уже не будут знать, что с этим делать и вообще «неуправляемы и недостойны священного наследия» (Kirby 1980–81, Beinssen-Hesse 2002; Tenodi 2018; Morton 2021). Подчеркну, что за всю свою долгую жизнь в науке Штрелов опубликовал всего две крупные работы — книги «Традиции аранда» (Strehlow 1947) и «Песни Центральной Австралии» (Strehlow 1971). Он был чрезвычайно строг к себе и руководствовался принципом: «Только самое лучшее достаточно хорошо для вечности» ('Only the best is good enough for eternity' — Gibson 2017). Книги заслужили восторженные отзывы специалистов.

И вот в 1978 г. лидеры Земельного совета Центральной Австралии потребовали, чтобы Штрелов «вернул» все свои коллекции «традиционным соб-

³ Чуринги — священные предметы, использовавшиеся в эзотерических ритуалах аборигенов Центральной Австралии; чаще всего это плоские камни или небольшие деревянные дощечки, на которые нанесены символические изображения (гравировки, рисунки, живопись).

ственникам». Он наотрез отказался на том основании, что уже нет на свете людей, которые посвящены в эзотерические тайны традиционных религий и смогут правильно обращаться с сакральными парофеналиями. Он видел в своих оппонентах «новых аборигенов», невежественных полукровок, квартеронов и октеронов «без корней», не готовых хранить накопленные им ценности, не знающих, что такая сакральность, но только играющих в сакральность ради того, что он называл «индустрией аборигенности» (на потребу туристического бизнеса). Разгорелись громкие скандалы в прессе, от Штрелова отшатнулись и некоторые коллеги, и некоторые старейшины аранда (были и те, кто его поддерживали). Штрелов в буквальном смысле «стоял насмерть», и смерть не замедлила прийти. Он умер от сердечного приступа перед самым открытием в Аделаидском университете выставки, включавшей многие предметы из его коллекций.

Скандалы продолжались и после смерти Т. Штрелова, но в конце концов правительство Северной Территории выкупило коллекции у наследников и поместило их в специально созданный Исследовательский Фонд Штрелова в Алис-Спрингсе. Голоса, призывающие изъять из Фонда и «возвратить чуринги на подобающие места» все еще звучат. Фильмы Штрелова, за исключением двух, недоступны никому, потому что номинальные традиционные собственники не могут договориться о том, кому можно, а кому нельзя смотреть эти фильмы. Да и другие материалы исследователям непросто получить для изучения.

Вопрос о репатриации традиционных ценностей чрезвычайно сложен, и мне не под силу в нем разобраться, находясь вне Австралии. Но мой скромный опыт взаимодействия с коренными австралийцами, живущими в поселках, удаленных от больших городов, побуждает думать, что призывы к репатриации исходят не от этих людей. Большая их часть отнюдь не озабочена такими проблемами, а озабочена повседневными нуждами. А среди тех немногих интеллектуалов, которые вникают в общеавстралийский дискурс о судьбах традиционного наследия, выделяются люди, убежденные в том, что ценности коренных народов принадлежат мировой науке и надо оставить их под присмотром квалифицированных профессионалов (cf. Gibson, Johnston, Cawthorn 2023). При этом даже мне очевидно, что на такой здоровый стержень наматывается немало громкой риторики лицемерного и демагогического свойства, вроде призывов похоронить «как надлежит по обычаям» женский череп, найденный в окрестностях озера Мунго лет пятьдесят назад, датируемый сорока тысячами лет назад и играющий ключевую роль во всех исследованиях по происхождению аборигенов Австралии. А как можно расценить повторяющиеся в медиа заявления о том, что аборигены не хотят, «чтобы белые люди переводили на английский язык их песни и мифы, это должны делать только аборигены»? (Kells 2018). Попалась мне и диссертация, в которой утверждается, что сделанные Штреловым переводы текстов, более всего песен, аранда, носят «колониальный» характер, автор диссертации ставит перед собой задачу их «деколонизовать» (Hersey 2006). По нашему, по-русски, это называется «снять сливки» с чужих достижений. Противостоять идеологическому прессингу, хоть он и облечено в форму «мягкого насилия», в современной Австралии очень трудно (Tenodi 2018). Но вернемся на родную почву.

Как известно, в начале 1990-х годов множество людей, которые в советское время изучали и преподавали научный коммунизм, политическую экономию социализма и историю КПСС, оказались не у дел. Им потребовалось новое поприще, и некоторые активные и «влиятельные» их представители нашли, как им казалось, свободную нишу: социальную (культурную) антропологию. Возможно, кто-то из них не знал, а кто-то делал вид, будто не знает, что в нашей стране предмет изучения, научные методы и общее информационное поле той науки, которая в Великобритании называется социальной антропологией, а в США — культурной антропологией, всегда соответствовали предмету, методам и информационному полю этнографии (этнологии). Социальная (культурная, социокультурная и даже «культуральная») антропология подавалась как новшество. А этнография, уверяли русский мир «новые антропологии», — «это кружева и резные наличники».

У них, однако, сохранились надежные связи в административных структурах самого высокого уровня, и псевдономовая дисциплина была внедрена в вузовские программы (формировались кафедры или даже факультеты в разных университетах) и наполнена привычным для ее создателей содержанием, не имевшим ничего общего с ее наименованием, чему особенно способствовали подготовленные теми же людьми государственные образовательные стандарты и иные нормативные документы, а также всевозможные учебники и учебные пособия, писавшиеся и издававшиеся в неправдоподобно краткие сроки и невиданными тиражами. Никто из активных участников всей этой деятельности не имел специального — а оно могло быть только этнографическим или этнологическим — образования. Подготовка кадров по этнографии, или этнологии тогда велась в нашей стране исключительно на исторических факультетах нескольких крупнейших университетов.

Профессионалы-этнологи сначала легкомысленно проигнорировали эту напасть, а потом поняли, что единственный способ противостоять натиску незваных коллег — организовать свои собственные образовательные и научные структуры, в которых социальная (или культурная, или социокультурная) антропология была бы сама собой и соответствовала мировым стандартам. Именно поэтому привычная для нас «этнография» стала постепенно преобразовываться в «социальную антропологию» или «социокультурную антропологию». Потребовалось более 15 лет настойчивых усилий академического сообщества во главе с академиком РАН В.А. Тишковым, чтобы впервые наше предметное поле обрело статус самостоятельной единицы — «антропология и этнология» — в государственных номенклатурных перечнях. К настоящему времени создано четыре «поколения» федеральных государственных образовательных стандартов по названному направлению. Оно лицензировано в 18 вузах России, и имеется уже немалое число выпускников с разнообразным спектром трудоустройства. Немалое число из них обрело ученыe степени.

Казалось бы, «справедливость восторжествовала». Но нет, «покой нам только снится». В самое недавнее время возобновились попытки людей совершенно неподготовленных, не имеющих ни профессионального образования, ни профессионального опыта вторгаться в сферу государственной национальной политики, указывать специалистам-этнологам (социальному антропологам), как им трактовать понятия «этноса», «этничности», «наций» и «национализма»; создавать альтернативные научные и образовательные структуры и апеллировать к властям за поддержкой (см. Тишков 2025: 260–262).

Опыт прошлого должен насторожить и мобилизовать нас.

Литература

- Аллатов В. М.* История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, 1991.
- Алымов С. С.* Экспедиция в первобытность: об одной нереализованной мечте советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 88–94.
- Алымов С. С., Арзютов Д. В.* Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы // От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д.В. Арзютова, С.С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. (Серия «Кунсткамера — Архив». Т. VII). С. 21–83.
- Аптекарь Валериан Борисович // Отечественные этнографы и антропологи. XX век. б/г. URL: ethnographica.kunstkamera.ru. Дата обращения: 28 ноября 2024.
- Быковский С. Н.* Какие цели преследуются некоторыми археологическими исследованиями? // Сообщения ГАИМК. 1931а. № 4–5. С. 20–22.
- Быковский С. Н.* Яфетический предок восточных славян — киммерийцы. М.: Огиз, 1931б. (Известия ГАИМК; Т. 8, вып. 8–10).
- Быковский С. Н.* Методика исторического исследования. Л.: Огиз; ГАИМК, 1931в. (Образовательная б-ка ГАИМК. № 2).
- Быковский С. Н.* Этнография на службе классового врага // Советская этнография. 1931д. № 3–4. С. 3–13.
- Быковский С. Н.* Доклассовое общество как социально-экономическая формация // Советская этнография. 1934. № 1–2. С. 6–39.
- Быковский С. Н.* Ленин и основные проблемы истории доклассового общества. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1935. (Труды института антропологии и этнографии Акад. наук СССР).
- Васильков Я. В., Сорокина М. Ю.* Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.
- Застрожнова Е. Г., Тихонов И. Л., Тихомиров И. С. С. Н. Быковский: от красного командира до заместителя председателя ГАИМК (новые материалы к биографии) // Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. Вып. 39 / гл. ред. Н.В. Хвощинская. СПб., 2023. С. 292–310.*
- Золотарев А. М.* Происхождение экзогамии // ИГАИМК. Т. 10. Вып. 2–4. 1931. С. 1–67.
- Золотарев А. М.* «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и современная наука // Историк-марксист. 1940. № 12. С. 27–46.
- Золотарев А. М.* К истории ранних форм группового брака // Ученые записки Московского областного педагогического института. М., 1940. Т. 2. С. 144–169.

- Иванова Ю. В.* Петр Федорович Преображенский: жизненный путь и научное наследие // Репрессированные этнографы / под ред. Д.Д. Тумаркина. М., 1999. Вып. 1. С. 235–264.
- Кричевский Е.Ю.* Рец. на: С.А. Токарев. Родовой строй в Меланезии // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 4. С. 116–129.
- Максимов А.Н.* Материнское право в Австралии. М., 1930.
- Маторин Н.М.* Современный этап и задачи советской этнографии // Советская этнография. 1931. № 1–2. С. 3–38.
- Никольский В.К.* Очерк первобытной культуры. М.-Пг.: Л.Д. Френкель, 1923
- Никольский В.К.* Очерки первобытного человечества. М.: Новая Москва, 1926.
- Ольдерогге Д.А.* Малайская система родства // Родовое общество. М.: Издательство АН СССР, 1951. С. 28–66.
- От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д.В. Арзютова, С.С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. (Серия «Кунсткамера — Архив». Т. VII).
- Переписка Бориса Пастернака. М., Художественная литература, 1990.
- Монгайт А.Л., Першиц А.И.* Некоторые вопросы первобытной истории в советской литературе послевоенных лет // Вопросы истории. 1955. № 1. С. 135–141.
- Преображенский П.Ф.* Первобытный монотеизм у огнеземельцев // Ученые записки Института истории РАНИОН. 1929а. Т. I. С. 201–253.
- Преображенский П.Ф.* Курс этнологии. М.-Л.: Государственное издательство, 1929б.
- Резван Е.А.* «Кореломный» момент // От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д.В. Арзютова, С.С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. (Серия «Кунсткамера — Архив». Т. VII). С. 11–13.
- Резолюция Всероссийского археолого-этнографического совещания 7–11 мая 1932 г. // Советская этнография. 1932. № 3. С. 12–14.
- Решетов А.М.* Николай Михайлович Маторин: (Опыт портрета ученого в контексте времени) // Этнографическое обозрение. 1994. № 3. С. 132–155.
- Решетов А.М.* Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы. Вып. 2. Сост. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 2003. С. 147–192.
- Слезкин Ю.Л.* Советская этнография в ноңдауне // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113–125.

- Совещание этнографов Ленинграда и Москвы (5/IV-11/IV1929 г.) // Этнография. 1929. № 2. С. 110–144.
- Тишкин В. А.* Очерки теории этничности. М.: Наука, 2025.
- Токарев С. А.* О системах родства австралийцев // Этнография. 1929. № 1. С. 25–50.
- Токарев С. А.* Общественный строй меланезийцев // Этнография. 1929. № 2. С. 3–46.
- Токарев С. А.* Родовой строй в Меланезии // Советская этнография. 1933. № 2. С. 39–74.
- Формозов А. А.* Археология и идеология (20–30-е гг.) // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 70–82.
- Формозов А. А.* Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг.: // Российская археология. 1998. № 3. С. 191–206.
- Beinssen-Hesse S.* Rereading Barry Hill's Broken Song. T. G.H. Strehlow and Aboriginal Possession. Knopf: Milson's Point, 2002. URL: <https://thingsgermanaustralian.blogspot.com/2013/07/rereading-barry-hills-broken-song.html> (дата обращения 20 ноября 2025 г.)
- Gibson J., Johnston I. G., Cawthron M.* Repatriation of aboriginal sacred objects: prospects for the return of the poorly provenanced // Museum Management and Curatorship. 2023. № 38(6). P. 643–661.
- Hersey S. J.* Endangered by Desire. T.G.H. Strehlow and the inexplicable vagaries of private passion. Presented as a thesis for the fulfilment of the degree of Doctorate of Philosophy (Ph.D.). University of Western Sydney, 2006. URL: https://researchers-admin.westernsydney.edu.au/ws/portalfiles/portal/94781078/uws_102.pdf (дата обращения 29 ноября 2025 г.)
- Kells S.* Writing About the Oldest Oral Library in Australia: how Bruce Chatwin popularized—and misrepresented—the Arrernte people // Literary Hub. 2018. 12 April. URL: <https://lithub.com/writing-about-the-oldest-oral-library-in-australia/> (дата обращения 20 ноября 2025 г.)
- Kirby M. D.* Strehlow Festschrift. T.G.H. Strehlow and Aboriginal Customary Laws // Adelaide Law Review. 1980–1981. Vol. 10. P. 172–212.
- Martin D. F. and Martin B. F.* Challenging simplistic notions of outstations as manifestations of Aboriginal self-determination: Wik strategic engagement and disengagement over the past four decades // Peterson N. and Myers F. (eds.). *Experiments in Self-Determination: Histories of the Outstation Movement in Australia*. Canberra: Australian National University Press, 2016. P. 210–228.

Morton J. The Strehlow collection of sacred objects // Central Land Council. URL: <https://www.clc.org.au/uploads/2021/03/pdf> (дата обращения 21 ноября 2025 г.)

Strehlow T. G.H. Aranda Traditions. Melbourne University Press, 1947.

Strehlow T. G.H. Songs of Central Australia. Sydney: Angus & Robertson, 1971.

Sutton P. The Politics of Suffering: Indigenous Australia and the End of the Liberal Consensus. Melbourne University Press, Carlton, 2009.

Tenodi V. Australia, where *telling* the truth is ‘just another form of invasion’// On Line Opinion. Australia’s e-Journal of Social and Political Debate, October 2018. URL: <https://adelaideaz.com/articles/ted-strehlow-foremost-authority-on-aboriginal-language-culture-until-controversial-end> (дата обращения 29 ноября 2025 г.)

Research article

Artemova O. Yu. «A sudii kto?» (o tekhn, kto unichtozhal nauku o pervobytnoi kulture) [«And who are the judges?» (about those who destroyed the science of primitive culture)] *Anthropologies*, 2025, no 2, pp. 96–118, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/96-118>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Artemova O. Yu. | artemova.olga@list.ru | <https://orcid.org/0000-0003-0937-6920>
| Institute of Ethnology and Anthropology RAS, chief researcher

Abstract

The author of the article tries to understand how it could have happened in our country during the Soviet times, a harsh ideologization of academic studies on social evolution. She shows huge damage that some professionally unsound but politically and ideologically engaged publications, as well as the activities of their creators in general, have done to this area of ethnological research. Their names are given and expressive fragments from the 1930’s publications are quoted. Key issues of academic ethics and moral responsibility of scholars are raised. The author also points out the threats to ethnological studies that a pressure of ideology and politics can bring with it in our time.

Key words: ethnography, ethnology, history of primeval societies, evolution of social institutions, ideology, politics, state authorities and academic research, pressure of ideology and politics

References

- Alpatov, V.M. 1991. *Istoriia odnogo mifa: Marr i marrizm* [The story of a myth: Marr and Marrism]. M. Nauka.
- Alymov, S.S. 2013. Ekspedicija v pervobytnost': ob odnoi nerealizovannoj mechte sovetskoi etnografii [Expedition to Primeval Times: about one unrealized dream of Soviet ethnography]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 4: 88–94.

- Alymov, S.S., Arzyutov, D.V. 2014. Marksistskaia etnografia za sem' dnei: soveshhanie etnografov Moskvy i Leningrada i diskussii v sovetskikh socialnykh naukakh v 1920–1930-e gody [Marxist Ethnography in Seven Days: a meeting of Ethnographers from Moscow and Leningrad and discussions in Soviet Social Sciences in the 1920s and 1930s]. *Ot klassikov k marksizmu: soveshhanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelia 1929 g.)*, ed. D.V. Arzyutov, S.S. Alymov, D.J. Anderson. SPb.: MAE RAN, Kunstkamera — Arkhiv, 7: 21–83.
- Aptekar' Valerian Borisovich. *Otechestvennye etnografi i antropologi. 20 vek* [Russian ethnographers and anthropologists]. s.a. URL: ethnographica.kunstkamera.ru. (accessed 28.11.2024)
- Arzyutov, D.V., Alymov, S.S., Anderson, D.J., eds. 2014. *Ot klassikov k marksizmu: soveshhanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelia 1929 g.)*. [From Classics to Marxism: Meeting of Ethnographers of Moscow and Leningrad (April 5–11, 1929)]. SPb.: MAE RAN, Kunstkamera — Arkhiv, 7.
- Beinssen-Hesse, S. 2002. *Rereading Barry Hill's Broken Song. T.G.H. Strehlow and Aboriginal Possession*. Knopf, Milson's Point. URL: <https://thingsgermanaustralian.blogspot.com/2013/07/rereading-barry-hills-broken-song.htm/> (accessed 20.11.2025)
- Bykovskiy, S.N. 1931a. Kakie celi presleduiutsia nekotoryimi arkheologicheskimi issledovaniiami? [What are the goals of some archaeological research?]. *Soobshcheniya GAIMK*, 4–5: 20–22.
- Bykovskiy, S.N. 1931b. Iafeticheskii predok vostochnykh slavian — kimmeriicy [The Japhetic ancestor of the Eastern Slavs is the Cimmerians]. *Izvestiia GAIMK*, M., Ogiz, 8, 8–10.
- Bykovskiy, S.N. 1931c. Metodika istoricheskogo issledovaniia [Historical research methodology]. *Obrazovatelnaia biblioteka GAIMK*, 2. L.: Ogiz; GAIMK.
- Bykovskiy, S.N. 1931d. Etnografija na sluzhbe klassovogo vracha [Ethnography in the service of the class enemy]. *Sovetskaia etnografija*, 3, 4: 3–13.
- Bykovskiy, S.N. 1934. Doklassovoe obshhestvo kak socialno-ekonomicheskaja formaciia [Pre-class society as a socio-economic formation]. *Sovetskaia etnografija*, 1, 2: 6–39.
- Bykovskiy, S.N. 1935. *Lenin i osnovnye problemy istorii doklassovogo obshhestva* [Lenin and the main problems of the history of pre-class society]. M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, Trudy instituta antropologii i etnografii AN SSSR.
- Formozov, A.A. 1993. Arkheologija i ideologija (20–30-e gg.) [Archaeology and Ideology (20–30s)]. *Voprosy filosofii*, 2 70–82.
- Formozov, A.A. 1998. Russkie arkheologи i politicheskie repressii 1920–1940 gg. [Russian archaeologists and the political repressions of the 1920s and 1940s.] *Rossiiskaia arkheologija*, 3: 191–206.
- Gibson, J. 2017. ‘Only the Best Is Good Enough for Eternity’: Revisiting the Ethnography of T.G.H. Strehlow. *German Ethnography in Australia*. Ed. by N. Peterson and A. Kenny. Canberra: ANU Press: 243–271.

- Gibson, J., Johnston, I.G., Cawthorn, M. 2023. Repatriation of aboriginal sacred objects: prospects for the return of the poorly provenanced. *Museum Management and Curatorship*, 38, 6: 643–661.
- Hersey, S.J. 2006. *Endangered by Desire. T.G.H. Strehlow and the inexplicable vagaries of private passion*. Presented as a thesis for the fulfilment of the degree of Doctorate of Philosophy (Ph.D.). University of Western Sydney. URL: https://researchers-admin.westernsydney.edu.au/ws/portalfiles/portal/94781078/uws_102.pdf (accessed 29.11.2025)
- Ivanova, Yu.V. 1999. Petr Fedorovich Preobrazhenskiy: zhiznennyi put' i nauchnoe nasledie [Petr Fedorovich Preobrazhensky: his life and scientific legacy]. Repressirovannye etnografiy, ed. D.D. Tumarkin. M., 1: 235–264.
- Kells, S. 2018. Writing About the Oldest Oral Library in Australia: how Bruce Chatwin popularized — and misrepresented — the Arrernte people. *Literary Hub*. 12 April. URL: <https://lithub.com/writing-about-the-oldest-oral-library-in-australia/> (accessed 2011.2025)
- Kirby, M.D. 1980–1981. Strehlow Festschrift. T.G.H. Strehlow and Aboriginal Customary Laws. *Adelaide Law Review*, 10: 172–212.
- Krichevskiy, E. Yu. 1934. Rev.: S.A. Tokarev. Rodovoi stroi v Melanezii [The tribal system in Melanesia]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshhestv*, 4: 116–129.
- Maksimov, A.N. 1930. *Materinskoe pravo v Avstralii* [Maternity law in Australia]. M.
- Martin, D.F., Martin, B.F. 2016. Challenging simplistic notions of outstations as manifestations of Aboriginal self-determination: Wik strategic engagement and disengagement over the past four decades. Peterson N. and Myers F. (eds.). *Experiments in Self-Determination: Histories of the Outstation Movement in Australia*. Canberra, Australian National University Press: 210–228.
- Matorin, N.M. 1931. Sovremennyi etap i zadachi sovetskoi etnografii [The modern stage and tasks of Soviet ethnography]. *Sovetskaia etnografia*, 1–2: 3–38.
- Mongayt, A.L., Pershits, A.I. 1955. Nekotorye voprosy pervobytnoi istorii v sovetskoi literature poslevoennykh let [Some questions of primitive history in the Soviet literature of the post-war years]. *Voprosy istorii*, 1: 135–141.
- Morton, J. The Strehlow collection of sacred objects. *Central Land Council*. URL: <https://wwwclc.org.au/uploads/2021/03/pdf> (accessed 21.11.2025)
- Nikolskiy, V.K. 1923. *Ocherk pervobytnoi kul'tury* [An essay on primitive culture]. M.-Pg., L.D. Frenkel'
- Nikolskiy, V.K. 1926. *Ocherki pervobytnogo chelovechestva* [Essays on primitive humanity]. M: Novaia Moskva.
- Olderogge, D.A. 1951. Malaiskaia sistema rodstva [The Malay kinship system]. *Rodovoe obshhestvo*. M.: Izdatel'syvo AN SSSR: 28–66.

- Perepiska Borisa Pasternaka* [Boris Pasternak's correspondence]. 1990. M., Khudozhestvennaya literatura.
- Preobrazhenskiy, P.F. 1929a. Pervobytnyi monoteizm u ognezemelcev [Primitive monotheism among the Inhabitants of Tierra del Fuego]. *Uchenye zapiski Instituta istorii RANION*, 1: 201–253.
- Preobrazhenskiy, P.F. 1929b. Kurs etnologii [Course of ethnology]. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo
- Reshetov, A.M. 1994. Nikolai Mixailovich Matorin (Opyt portreta uchenogo v kontekste vremeni) [Nikolai Mikhailovich Matorin: (The experience of portraying a scientist in the context of time)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 3: 132–155.
- Reshetov, A.M. 2003. Tragediia lichnosti: Nikolai Mixajlovich Matorin [The tragedy of personality: Nikolai Mikhailovich Matorin]. Repressirovannye etnografy, 2. Ed. D.D. Tumarkin. M.: Vostochnaia literatura: 147–192.
- Rezoliuciia Vserossiiskogo arkheologo-etnograficheskogo soveshhaniia 7–11 maia 1932 g. [Resolution of the All-Russian Archaeological and Ethnographic Conference on May 7–11, 1932]. 1932. *Sovetskaia etnografia*, 3: 12–14.
- Rezvan, E.A. 2014. «Korelomnyi» moment [The «turning point】]. *Ot klassikov k marksizmu: soveshhanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelia 1929 g.)*, ed. D.V. Arzyutov, S.S. Alymov, D.J. Anderson. SPb.: MAE RAN, Kunstkamera — Arkhiv, 7: 11–13.
- Slezkin, Yu.L. 1993. Sovetskaia etnografia v nokdaune [Soviet ethnography in a knockdown]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2: 113–125.
- Soveshhanie etnografov Leningrada i Moskvy (5.04–11.04.1929) [Meeting of Ethnographers of Moscow and Leningrad (April 5–11, 1929)]. 1929. *Etnografija*, 2: 110–144.
- Strehlow, T.G.H. 1947. *Aranda Traditions*. Melbourne University Press.
- Strehlow, T.G.H. 1971. *Songs of Central Australia*. Sydney: Angus & Robertson.
- Sutton, P. 2009. *The Politics of Suffering: Indigenous Australia and the End of the Liberal Consensus*. Melbourne University Press, Carlton.
- Tenodi, V. 2018. Australia, where telling the truth is ‘just another form of invasion’. *On Line Opinion. Australia’s e-Journal of Social and Political Debate*, October. URL: <https://adelaideaz.com/articles/ted-strehlow-foremost-authority-on-aboriginal-language-culture-until-controversial-end> (accessed 29.11.2025)
- Tishkov, V.A. 2025. *Ocherki teorii etnichnosti* [Essays on the theory of ethnicity]. M.: Nauka.
- Tokarev, S.A. 1929. Obshchestvennyi stroi melaneziicev [The social system of the Melanesians]. *Etnografija*, 2: 3–46.

- Tokarev, S.A. 1929. O sistemakh rodstva avstraliicev [About the kinship systems of Australians]. *Etnografija*, 1: 25–50.
- Tokarev, S.A. 1933. Rodovoi stroi v Melanezii [The tribal system in Melanesia]. *Sovetskaia etnografija*, 2: 39–74.
- Vasil'kov Ya.V., Sorokina M. Yu. 2003. *Liudi i sud'by. Biobibliograficheskii slovar' vostokovedov — zherty politicheskogo terrora v sovetskii period (1917–1991)* [People and destinies. Bio-bibliographic Dictionary of Orientalists who were victims of Political Terror during the Soviet period (1917–1991)]. SPb: Peterburgskoe vostokovedenie.
- Zastrozhnova, E.G., Tikhonov, I.L., Tikhomirov, I.S. 2023. S.N. Bykovskiy: ot krasnogo komandira do zamestitelia predsedatelja GAIMK (novye materialy k biografii) [S.N. Bykovskiy: from the red commander to the deputy chairman of the GAIMK (new materials for the biography)]. *Arkheologicheskie vesti*, In-t istorii materialnoi kultury RAN, 39. ed. N.V. Khvoshhinskaia. SPb.: 292–310.
- Zolotarev, A.M. 1931. Proiskhozhdenie ekzogamii [The origin of exogamy]. *IGAIMK*, 10, 2, 4: 1–67.
- Zolotarev, A.M. 1940. «Proiskhozhdenie semii, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva» F. Engelsa i sovremennaia nauka [«The Origin of the Family, Private Property and the State» by F. Engels and modern science]. *Istorik-marksist*, 12: 27–46.
- Zolotarev, A.M. 1940. K istorii rannikh form gruppovogo braka [On the history of early forms of group marriage]. *Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta*, 2: 144—169.

© П.С. Куприянов

Обзор конференции «Фольклор и мифология в научно-популярном пространстве», ЦТСФ РГГУ, 24 апреля 2025 г.

О конференции «Фольклор и мифология в научно-популярном пространстве», состоявшейся 24 апреля в Центре типологии и семиотики фольклора РГГУ, можно уверенно сказать, что она была ожидаема и даже в известном смысле неизбежна. Ее неизбежность определяется двумя факторами. С одной стороны, в последние годы фольклорная и этнографическая тематика становится все более востребованной в массовой культуре, осваивается и воспроизводится в разных форматах, от книги до подкаста. С другой стороны, в этих процессах все активнее участвуют ученые — фольклористы, этнографы, антропологи — так что *популяризация* фольклористики и фольклора становится значимой частью *научной* деятельности, что требует осмысления и обсуждения. Словом, разговор на заявленную тему давно назрел, и неудивительно, что он был инициирован и проведен именно в ЦТСФ: здесь всегда остро чувствуют и живо откликаются на по-настоящему актуальные научные вопросы и запросы, а кроме того, среди ученых, вовлеченных в упомянутые процессы популяризации, немало выпускников и сотрудников центра.

Впрочем, круг участников конференции ими не ограничивался: помимо РГГУ на ней были представлены разные научные и образовательные институции: ИЭА РАН, ИЯ РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, РАНХиГС, а также Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы и Институт стратегических исследований в Уфе. А кроме исследователей, в конференции участвовали и другие специалисты, причастные к популяризации фольклора: представители издательства МИФ и ведущий подкастов «Страшные сказки».

Программа конференции была выстроена в дедуктивной логике: за докладами обобщающего характера, направленными на систематизацию и проблематизацию заявленной тематики, следовали выступления, посвященные конкретным форматам существования фольклора в популярном пространстве, таким как книга, музей, подкаст и даже психологический семинар-тренинг, а также рассматривались формы творческой апроприации фольклорного тек-

Куприянов Павел Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела русского народа ИЭА РАН. e-mail: kuprianov-ps@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-9856-3159>

Для цитирования: Куприянов П.С. Обзор конференции «Фольклор и мифология в научно-популярном пространстве», ЦТСФ РГГУ, 24 апреля 2025 г. // Антропологии/Anthropologies. 2025. No 2. С. 119–125, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/119-125>

ста в массовой культуре. Практически каждый доклад сопровождался оживленным и конструктивным обсуждением, продолжившимся общей дискуссией после завершения основной программы.

Конференция началась с сообщения директора ЦТСФ Ольги Христофоровой «*Полилог организаторов, экспертов и публики: проблемные зоны*», в котором она сначала напомнила о развитии в России популярной науки (в том числе фольклористики) в последние десятилетия, отметила специфику сегодняшнего массового интереса к фольклору, заключающуюся, по ее наблюдениям, в запросе на его социальную функцию, а затем предложила общую концептуальную рамку для обсуждения заявленной темы, представив сферу популярной науки как проблемный полилог трех коллективных акторов-участника: организаторов, публики и экспертов.

На этой же принципиальной схеме был основан и доклад Натальи Петровой (РГГУ, РАНХиГС) «*Вопрос эксперту: чего хотят от фольклориста организаторы и посетители научно-популярных мероприятий?*», развивающий и углубляющий тему сбоев и поломок, возникающих в коммуникации между организаторами, публикой и экспертами в пространстве популярной науки. На основе разных источников (интервью, публикаций в интернете, личного опыта) докладчица последовательно рассмотрела для всех трех акторов мотивации участия в популяризации фольклора и возникающие при этом сложности. Результаты анализа получились довольно неутешительные — сбоев и поломок оказалось довольно много — однако, по оптимистичному мнению исследовательницы, с ними можно справиться посредством открытого диалога между участниками. В ходе доклада Наталья затронула важный вопрос — о содержании понятия «популяризация фольклора», отметив, что наряду с привычным форматом выступления приглашенного эксперта перед публикой, к ней можно смело отнести и публикацию материалов и фольклорных баз данных, обеспечивающих доступ к ним широкой публики, а также профессиональный блогинг, при котором исследователь «напрямую» выходит в публичное пространство.

Рассуждения о фигуре эксперта были продолжены в следующем докладе «*Мифология мифологии, или Эксперт как (мнимая) величина*»: Кирилл Королев (ИЭА РАН) задался вопросом о том, кто такой эксперт, и отметил конструируемость этого статуса, показав на примерах из собственного опыта, как в разных ситуациях эксперт каждый раз «производится» организатором, в результате чего тот оказывается в зависимой позиции и теряет собственную субъектность, становясь агентом организатора. Докладчик также заострил проблему монетизации знания, отметив, что существование в ситуации рынка накладывает на эксперта разные ограничения, требует компромиссов и ставит перед непростым выбором между «чистой наукой» и наукой в медиасреде. Прозвучавшая в докладе тема (не)различения «правильных» и «неправильных», «подлинных» и «мнимых» экспертов в ходе дискуссии была переформулирована в вопросы о критериях выбора экспертов разными акторами, в том числе — о механизмах легитимации, принятых в научном сообществе.

Надежда Молитвина и Анна Устинова из издательства МИФ в своем докладе «*Фольклор и мифология как темы издательских серий*» представили взгляд на озвученные проблемы из другой позиции — издателя. Надежда

рассказала о том, как издатель ищет и выбирает экспертов, отметив, что в отношениях между ними большую роль играет взаимное доверие — не только издательства к эксперту как специалисту по теме, но и эксперта к издателю как профессионалу в своей области, знающему рынок, актуальные тренды и запросы аудитории (последние, как оказалось, служат едва ли не основным фактором, определяющим выбор тематики и авторов). Анна представила подробный рассказ обо всех этапах взаимодействия с автором в процессе производства книги, также сделав акцент на структурных ограничениях, не зависящих от издательства, но влияющих на итоговый продукт. Например, использование в книгах изображений архаичных национальных костюмов, приводящее к нежелательной экзотизации описываемых культур (на что ссыпалась Наталья Петрова), по словам Анны, объясняется не волей или вкусом издателя, а юридическими требованиями и запретами, касающимися использования современных изображений. Так или иначе, из доклада Анны и Надежды следовало, что не только эксперт, но и организатор (в данном случае издатель) не обладает полной субъектностью, поскольку вынужден считаться как с объективными ограничениями, так и с запросами публики.

Виктория Новикова (РГГУ), рассказывавшая в докладе «„Детские“ мифы; мифы для детей» о своем опыте работы над книгой по мифологии для детей, конкретными примерами проиллюстрировала многие вопросы, поднятые в предыдущем докладе: и невозможность использовать орнамент с музеиного экспоната, и избегание запретных для детской аудитории тем (курения, алкоголя, секса), и вынужденное упрощение или редактирование текста. Среди прочего Виктория поделилась тем, как ей пришлось адаптировать свой текст под предполагаемые запросы детской аудитории, формулируемые редактором. Неожиданным образом эта вынужденная подстройка под воображаемую аудиторию обернулась не ограничением, а новой возможностью: чтобы предвосхитить «детские» вопросы, автору потребовалось разъяснить логику мифа и закономерности построения мифологического текста.

В докладе была поднята и тема книжных иллюстраций, как оказалось, также сопряженная с рядом проблем, в том числе специфических. Например, отсутствие в описываемой культуре изображений божеств и духов подталкивает автора и художника к созданию собственных образов, что ставит перед ними вопросы этического характера: насколько корректно и этично представлять мир божеств и духов «за других»? Как избежать колониальности в этой позиции? Как соотнести собственное воображение и «фольклорную» эстетику? Эти непростые вопросы требуют непростых решений.

Из доклада Германа Устьянцева (МГУ, ИЭА РАН) «Демоны для „широкого круга читателей“: Опыт написания книги по низшей мифологии Урало-Поволжья» следовало, что при работе над своей книгой о мифологии народов Урало-Поволжья, он столкнулся со схожими проблемами — передачей названий персонажей на кириллице, необходимостью унификации написания мифонимов, создания изображений демонов при отсутствии аутентичных референсов. В докладе было особенно ярко видно, как сложность описываемого материала вступает в противоречие с требованием доступности популярного изложения. Скажем, презентация близких и в то же время разных культур поставило перед автором непростые задачи: избежать, с одной стороны, некорректных обобщений (например, представления локального варианта

как общеэтнического, или объединения идентичных вариантов, распространенных в разных культурах), а с другой стороны, излишней для популярной книги детализации и вариативности. И здесь автору то и дело приходилось принимать волевое решение о том, как в каждом конкретном случае проводить границы, «объединяя» или «разделяя» мифологические представления тех или иных групп. Проблема колониальности, в принципе присущая антропологическому исследованию, здесь, в ситуации популярной презентации культуры, проявляется особенно выпукло.

Теме иллюстрирования мифологических сюжетов и персонажей, поднятой в докладе Виктории Новиковой и продолженной Германом Устьянцевым, было специально посвящено выступление Татьяны Михайловой (ИЯ РАН) «*О вестнице смерти ирландского фольклора: иллюстративный ряд*», в котором она рассказывала о подборе иллюстраций к недавно изданной книге о банши — вестнице смерти в ирландском фольклоре. Как и в двух предыдущих случаях, автор сталкивается с отсутствием оригинальных изображений персонажа, однако решает эту проблему иначе, чем коллеги, выбирая в качестве иллюстративного ряда изображения той повседневной среды, в которой циркулировали тексты о банши. Таким образом исследования об ирландском мифологическом персонаже оказывается проиллюстрировано фотографиями домов, людей, ландшафтов и предметного мира Ирландии конца XIX — первой половины XX вв., что для популярной книги выглядит оригинальным и удачным решением.

На второй сессии конференции обсуждались иные (не книжные) формы презентации фольклора в публичной среде — для которых, как выяснилось, так же актуальны многие из обозначенных выше проблем. Доклады Дмитрия Лебедева (студия «Терменвокс») «*Кощунственное отношение к первоисточнику: зачем переписывать сказки для подкаста?*» и Надежды Рычковой (РАНХиГС) «*Фольклор в подкастах: между экспертом и ведущим*» были посвящены популярному подкасту «Мрачные сказки», над которым они совместно работают на протяжении длительного времени. Дмитрий сконцентрировался на том, каким трансформациям в подкасте подвергаются тексты сказок: они сокращаются (чтобы «уместиться» в хронометраж), изменяются (для театрализованной передачи) и, наконец, дополняются быличками (для обеспечения заявленной «мрачности»). Все эти изменения докладчик охарактеризовал, с одной стороны, как некорректные (а некоторые даже как «кощунственные») с научной точки зрения, а с другой стороны, как вынужденные, предпринимаемые авторами не по собственной воле, а силу технических ограничений формата, и обусловленные запросом аудитории.

Надежда продолжила разговор о вынужденной адаптации материала под формат подкаста и ожидания слушателей, но через сравнение позиций эксперта и ведущего: если первый отвечает только за свою тему и основывается на собственном материале, то второй вынужден быть универсальным специалистом, знающим точные ответы на все вопросы. Эксперт, ставший ведущим (как Надежда), испытывает двойной давление: в глазах слушателей он выглядит недостаточно уверенным и компетентным, а для коллег предстает нарушителем профессиональных конвенций. Охарактеризовав перед лицом профессионального сообщества свою деятельность как отступление от научных стандартов и «сделку с совестью», Надежда привела как минимум два

«оправдания». Во-первых, популяризация фольклора — это, по ее мнению, социальная миссия фольклористов, которые призваны быть посредниками между фольклором и обществом, проявляющим к нему интерес, а во-вторых, «поход» ученого в ведущие подкастов может быть представлен как «выход в поле», то есть как включенное наблюдение, предпринимаемое в рамках антропологического исследования популяризации фольклора как культурного феномена.

Елена Левочская (РГГУ) и Наталья Иванова (независимый исследователь) в своем докладе «*Лаборатория инициаций: причтания как опыт*» представили очень своеобразный кейс, отличающийся от всех прочих тем, что он предполагал не просто представление фольклора аудитории (в виде книжного или устного текста), а активное исполнение его самими участниками. Речь шла об организованных Еленой и Натальей семинарах по обучению причтаниям. В докладе было рассказано об аудитории семинаров (состоявшей из женщин от 30 до 60 лет, интересующихся как фольклором, так и психологическими практиками), об их структуре (включавшей как знакомство участниц с жанром причтаний, так и освоение навыков составления и исполнения собственного текста), о мотивациях и реакциях организаторов и участников. Семинары предполагают одновременно довольно разные цели: просветительские (знакомство с традицией), творческие (самореализация) и терапевтические (проработка травм) — но, по мнению докладчиц, это сочетание при соблюдении правильного баланса довольно точно соответствует именно фольклорному плачу. При всем отличии данного случая от всех предыдущих, характерно, что Елена, знакомящая слушательниц с традицией причтания, столкнулась с теми же вызовами, что и ее коллеги: по ее словам, ей нужно было дать людям то, за чем они пришли (то есть, например, просоответствовать их представлениям о фольклоре и традиции как «культурном / генетическом коде») — и в то же время сопротивляться этим ожиданиям, транслируя более научный взгляд.

С обременительной необходимостью соответствовать внешнему запросу столкнулся и Василий Воробьев (НИУ ВШЭ, РГГУ) в ходе работы над фольклорным контентом для музыкальной экспозиции о российских природных ландшафтах («*Экспонирование фольклора в музее: возможности и ограничения*»). Специфика этого кейса состояла в том, что основным контрагентом исследователя здесь была не публика, а организатор — именно он предъявлял к фольклорному материалу определенные требования и ограничения (исходя из этого Василий счел более правильным называть его не организатором, а «заказчиком»). Эти ограничения касались главным образом содержания текстов: отфильтровывались недостаточно благопристойные, а также те, что как-то были связаны с религиозной тематикой. Однако из рассказа докладчика следовало, что взаимодействие между акторами было сложнее: не только заказчик ограничивал эксперта, но и последний отбраковывал предлагаемые заказчиком тексты на основании их «неauténtичности» (оказавшейся в глазах последнего сильным аргументом). Здесь эксперт предстает не агентом организатора (как в схеме Кирилла Королева), а скорее его оппонентом, и подбор фольклорного материала для музыкальной экспозиции оказывается не линейным процессом фильтрации и отбора предлагаемых экспертом текстов, а взаимодействием двух акторов, каждый из которых преследует свои интересы (хотя и имеет разные ресурсы).

Последний доклад конференции («*Башкирский фольклор в пространстве современной культуры*») касался не очередной формы популяризации фольклора, а был посвящен одному конкретному тексту — башкирскому эпосу Урал-Батыр. Отметив его особую значимость для башкирской культуры, Шаяру Шакурова (БГПУ им. М. Акмуллы, ИСИ ГБНУ АН РБ) проследила судьбу эпоса от первых записей в начале XX в. до современности. Особое внимание докладчица уделила разным жанрам и формам освоения этого произведения в массовой культуре, продемонстрировав его проникновение едва ли не во все виды искусства от театра до комиксов. Отмечая и приветствуя заслуженную популярность эпоса в современной массовой культуре, исследовательница в то же время выразила обеспокоенность тем, что некоторые современные интерпретации отстоят слишком далеко от оригинала, радикально изменяя сюжет и образы произведения. Вольное обращение с текстом представляется докладчице недопустимым.

Учитывая, что изменчивость признается одним из определяющих свойств фольклора, такая тревога за сохранность текста в неизменном виде и неприятие «переписывания фольклора» в устах исследователя могут показаться неожиданными. Однако, похоже, что это отношение хорошо оттеняет ту двойственность, которая содержится в самой теме конференции: ведь «фольклор и мифология в научно-популярном пространстве» — это не только о том, как происходит популяризация знания о фольклоре и мифологии, но и о том, как они существуют сегодня на границах и за пределами науки. И хотя вторая оптика вполне легитимна и продуктивна, на конференции доминировала первая. Опираясь на предложенную в первых докладах схему взаимодействия между экспертами, организаторами и аудиторией, докладчики, как правило, выступали с позиции эксперта, то есть — участника описываемого процесса (а не отстраненного исследователя). И эта позиция закономерным образом задавала определенное видение описываемых явлений, их соответствующую проблематизацию и оценку, заметную даже по приведенному краткому обзору.

В этой оптике популяризация фольклора выглядит почти исключительно как *искажение* (научного знания) и *нарушение* (профессиональных конвенций), и потому эксперт, описывающий свой опыт популяризации в профессиональном сообществе, то и дело выступает с оправдывающейся позиции: указывает на вынужденный и неизбежный характер происходящих искажений, на незначительность допущенных нарушений или на позитивный эффект, значительно превышающий понесенные «убытки». «Отступление от академической точности», «сделка с совестью», «компромиссы», «вынужденная адаптация», «упрощенное написание», «снижать требования», «кощунство», «уплощаем очень сильно», «идти на уступки» — все эти цитаты из речи разных авторов красноречиво описывают доминирующий модус выступлений экспертов перед экспертами. Логичным и характерным следствием этой ситуации является идея о некой методике, регулирующей эту сферу, то есть о новой корпоративной конвенции, определяющей границы допустимых искажений и нарушений при популяризации фольклора: раз они неизбежны, стоит договориться, на какие уступки ученый может пойти без угрозы для профессионального статуса, а на какие — нет. Однако утопичность и несостоятельность этой идеи представляется более чем очевидной.

Ход дискуссии и вопросы, поднимавшиеся на конференции, позволяют наметить альтернативный подход к обсуждаемой теме, основанный на отношении к фольклору в научно-популярном пространстве как к объекту исследования, а к популяризации — как к антропологическому полю (предусматривающему наряду с включением в него и необходимую исследовательскую дистанцию). Такой подход, как кажется, позволит преодолеть парадигму «искажения», распознать «популярный фольклор» не как эрзац «настоящего», а как самостоятельный культурный феномен и избавит участвующих в нем фольклористов от комплекса вины. Другими важными условиями для продуктивного осмысления этого феномена являются, во-первых, поддержание живого, откровенного и профессионального диалога на эту тему, а во-вторых, непременное включение в него не только экспертов, но и других участников процесса: организаторов (заказчиков) и аудитории. Отчасти это было реализовано на настоящей конференции. Как бы то ни было, состоявшаяся конференция — отличное и вдохновляющее начало этого долгого и интересного разговора.

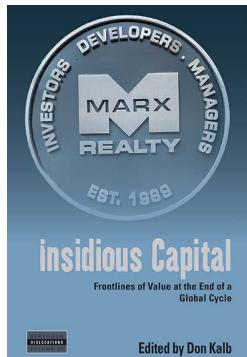
Review

Kupriyanov P. S. Review of the conference «Folklore and Mythology in the popular Science space», CSF RGGU, April 24, 2025 [Obzor konferencii «Folklor i mifologija v nauchno-populiarnom prostranstve», TsTSF RGGU, 24 aprelia 2025 g.] Anthropologies, 2025, no 2, pp. 119–125, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/119-125>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Kupriyanov P. S. | e-mail: kuprianov-ps@yandex.ru | <https://orcid.org/0000-0001-9856-3159> | Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

© А.С. Басов

Антрапология ценностей в эпоху коварного капитала. Рецензия на книгу: Kalb D. (Ed.). *Insidious Capital. Frontlines of Value at the End of a Global Cycle*. Berghahn Books, 2024.

Книга «Коварный капитал. Линии столкновения ценностей на исходе глобального цикла» под редакцией Дона Кальба вышла в 2024 г. тридцать пятым томом серии Dislocations издательства Berghahn Books¹. Серия, запущенная в 2005 г. при участии самого Кальба, посвящена исследованию глобализированного капитализма и призвана стимулировать создание «политически вовлеченных, этнографически фундированных и теоретически заостренных работ»². «Коварный капитал» вполне соответствует этому описанию. Так, жюри, вручившее авторскому коллективу награду Общества антропологов труда (Society for the Anthropology of Work — секция Американской антропологической ассоциации) в 2024 г., подчеркнуло, что работа представляет собой «своевременное вмешательство в ключевые дискуссии о меняющихся режимах ценности и труда, капиталистическом накоплении и политической экономии», а также отметило, что авторам удалось предложить новую концептуальную рамку, которая в каждой из глав сборника разворачивается в убедительный эмпирический анализ (*Schei 2025*).

Басов Александр Сергеевич – младший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. e-mail: a.basov@iea.ras.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3518-1852>

Для цитирования: Басов А.С. Антрапология ценностей в эпоху коварного капитала (Рец. на Kalb, D. (Ed.). *Insidious Capital. Frontlines of Value at the End of a Global Cycle*. Berghahn Books, 2024) // Антропологии/Anthropologies. 2025. No 2. С.126–136, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/126-136>

¹ Книга находится в открытом доступе на сайте издательства: <https://www.berghahnbooks.com/title/KalbInsidious>

² Описание серии доступно на сайте: <https://www.berghahnbooks.com/series/dislocations>

Концептуальная цельность работы — не случайность, а результат успешной организации коллективной работы. Книга подытоживает пятилетний исследовательский проект «Frontlines of Value: Class and Social Transformation in 21st Century Capitalism», который Кальб возглавлял с 2017 по 2022 г. в Университете Бергена (Норвегия). География исследований охватила ось Восток–Запад — Пуэрто-Рико, Мьянму, Китай, Индию, Непал, Турцию, Румынию, Мальту (кейс не вошел в сборник), Англию и США. Команда подготовила более ста публикаций, несколько монографий, а также «Routledge Handbook for the Anthropology of Labor» (2022), сделав значительный вклад в антропологию капитализма.

Ведущая роль в проекте принадлежала Дону Кальбу, который за последние четыре десятилетия сыграл заметную роль в развитии марксистской антропологии. В другой работе Кальб вспоминает, что с самого начала своей академической карьеры сочетал научную работу с политической вовлеченностью (*Kalb 2025: xiv–xxii*). В начале 1980-х годов он активно участвовал в антиядерном движении и движении за мир в Нидерландах. После нескольких активистских поездок в социалистическую Польшу он некоторое время собирался провести там полноценное исследование, но, предвидя трудности с организацией полевой работы, переключился на исследования «домашнего» поля и в итоге получил степень PhD по социальным наукам в Уtrechtском университете в 1995 г. Его диссертация развивала реляционный подход к классу на материале индустриальных сообществ Северного Брабанта XIX–XX вв. (крупнейший город этой провинции — Эйндховен — место основания компании Philips). Кроме того, в 1985 г. вместе с единомышленниками, также вдохновленными работой Эрика Вульфа «Европа и народы без истории» (*Europe and the People Without History*, 1982), он основал журнал *Focaal* — название которого происходит от слова «*focus*» и отсылает к стремлению удерживать людей вместе через поощрение исследовательского сотрудничества. Сегодня *Focaal — Journal of Global and Historical Anthropology* — остается одной из ключевых площадок для дискуссий о связи антропологии и истории, а также для включения локальных исследований в анализ глобальных процессов. Не случайно несколько соавторов книги — Шарлотта Брукерман, Стивен Кэмпбелл, Патрик Невелинг, Шаррин Касмир — тесно связаны с журналом как авторы и редакторы. Долготная совместная работа и общее понимание задач критической антропологии, вероятно, помогли коллективу удерживать единую теоретическую рамку на протяжении девяти глав книги — достижение редкое для сборников, которые часто страдают от эклектичности и разнонаправленности текстов. Сам Кальб в интервью после получения награды отметил: «Такую книгу можно сделать, только если удается собрать подходящих людей в подходящий момент и с достаточными временем и ресурсами. Я держал в голове точные контуры этой книги (но, конечно, не содержание), еще когда мы только начинали в 2017 г., хотя в итоге мы пришли в такое теоретическое и методологическое место — к антропологической версии теории ценности — которое я не мог полностью предвидеть, даже несмотря на то, что понятие ценности было в названии с самого начала» (*Schei 2025*).

Как можно понять из предыдущего, участники проекта работают сразу в двух больших исследовательских полях — антропологии ценностей и антропологии капитализма — и их главная амбиция состоит в том, чтобы соединить

эти поля в единую аналитическую рамку, которая подробно представлена во введении за авторством Кальба (Р. 1–34). Центральным является понятие «ценности»³ (*value*), которое последовательно разворачивается в трех взаимосвязанных измерениях.

Первое измерение — это универсализирующая стоимость (ценность в единственном числе) как центральное понятие марксистского анализа капиталистического способа производства — то, что движет капитал. Стоит помнить, что капитал в марксистском анализе — это не вещь, а процесс, описываемый формулой «деньги — товар — деньги», т. е. процесс, в ходе которого происходит прибавление стоимости. При этом всюду, где присутствует капитал, действует закон стоимости. В интерпретации марксизма, которую развивают авторы (см. *Harvey 2019*), речь скорее не о законе, а о тенденции, и суть этой тенденции состоит в следующем (Р. 10, 16–18): глобальная конкуренция капиталов требует постоянного повышения производительности труда (в итоге — через механизацию, автоматизацию, организацию процессов), что приводит к снижению общей нормы прибыли и попыткам компенсации этого снижения через вовлечение новых территорий, новых масс труда, новых сфер жизни в капиталистическое накопление. Последнее в том числе оборачивается и капитализацией социальной жизни — жилья, питания, образования, здравоохранения, транспорта, досуга и т. д. — всё становится полем для накопления. Этот процесс порождает циклы модернизации и экспансии одних мест, сфер и групп, и обесценивания и заброшенности других. Надо заметить, что авторы считают, что в современном мире почти не осталось мест или ситуаций, не затронутых капитализмом: «Капитал практически повсюду засел глубоко в наших повседневных рутинах и социальном воспроизводстве, даже когда он не занимает и не эксплуатирует нас непосредственно» (Р. 3). Однако они не утверждают, что капитализм везде распределен равномерно, или что он где-либо одержал окончательную победу, и его гегемония где-либо совершенно стабильна.

Второе и третье измерения ценности очень близки друг к другу и различаются условно — это партикулярные ценности (во множественном числе), которые традиционно интересуют антропологов и социологов (Р. 2). С одной стороны, это то, к чему стремятся люди для себя и своих близких в повседневных процессах социального воспроизводства: то, чего хотят достичь, чем насладиться, что не готовы потерять. Авторы соотносят их также с потребительскими стоимостями (*use values*). С другой стороны, это более абстрактные общие ценности, которые люди и группы заявляют публично (авторы иногда называют их «цивилизационными»): дискурсы прогресса, справедливости, модернизации, национального величия и т. д. Авторы настаивают на неразделимости этих трех измерений. Нельзя анализировать капиталистическое

³ Важно сделать небольшую оговорку о переводе. В русскоязычном переводе «Капитала» К. Маркса читатели столкнутся не с «ценностью», а со «стоимостью», и у этого перевода есть важные достоинства. Тем не менее, как станет понятно из дальнейшего текста, «стоимость» не является полностью подходящим переводом для «*value*», поскольку авторы эксплицитно пытаются свести капиталистическую стоимость с человеческими ценностями, показать их зависимость друг от друга и при этом предупреждают как от прямолинейных редукций в любую сторону, так и от слишком жестких различий, в том числе и от представлений о том, что стоимость как-либо замещает ценности или что практика последних может как-то вытеснить первую. В дальнейшем тексте я использую и «стоимость», и «ценность», но призываю читателя помнить о непростом отношении между этими понятиями и выражаяющими их словами.

накопление без учета того, какие конкретные желания, надежды, ценности людей его проводят; и нельзя понять локальные ценности вне давления глобального закона стоимости.

В пространстве пересечения этих измерений возникают «линии столкновения ценностей» (frontlines of value), вынесенные в заглавие книги. Это места и моменты, в которых стоимость и ценности сходятся или расходятся, сталкиваются или действуют сообща (Р. 2–3). На этих линиях рождаются как противоречия, так и говоры (collusion) — дело не обстоит так, что ценности всегда противостоят стоимости. Скорее в определенных ситуациях определенные ценности работают на логику стоимости, другие же противостоят ей. При этом набор конкретных ценностей, выступающих на той или иной стороне, не является одинаковым, варьирует во времени и пространстве.

Чтобы адекватно схватить эту динамику взаимодействия ценностей, авторы действуют расширенную теорию классов, выходящую за пределы классического марксистского фокуса на процессах производства (Р. 19–22). Они утверждают, что эксплуатация и накопление происходят в трех взаимосвязанных доменах («скрытых обителях»). Первый — это производство в узком смысле: рабочие места, где капитал присваивает прибавочную стоимость, эксплуатируя наемный труд. Второй — социальное воспроизводство: жилье и земельная рента, образование, забота и здравоохранение, свободное время, городская среда, структуры долга и кредита. Третий домен — природа: окружающая среда как место обитания человека и одновременно как объект эксплуатации и коммодификации.

Принципиально важно, что эти три домена тесно связаны. Внимание к их связям делает предлагаемый классовый анализ реляционным. Более того, классовые позиции понимаются процессуально: люди и группы могут не только выступать в классовой борьбе в одних отношениях на одной стороне, в других — на другой, но и менять свою позицию во времени. Как правило, классовая борьба идет с трех сторон: капитал и государственные элиты «сверху» стремятся поддержать накопление; средние классы хотят быть среди «победителей», но тревожатся о своем статусе, ведут защитную борьбу, качаясь между разными формами принятия и сопротивления отдельным аспектам капитализации; более маргинализированные группы «снизу» вступают в диффузные «ревиндикативные» схватки против обесценивания своей жизни и труда.

Противоречивое взаимодействие стоимости и ценностей на линиях соприкосновения производит историю (пространственную, временную и социальную динамику) и одновременно происходит *исторически*, а в каждой конкретной ситуации порождает тот или иной «режим ценности» (Р. 4–5, 15, 20). Режим ценности — это ограниченная в пространстве и времени конфигурация, сложенная из глобального давления закона стоимости, столкнувшегося с локальными условиями накопления, ценностями людей и гегемонными идеологиями, и задающая некоторые структурные пределы того, какие возможности в классовой борьбе доступны сторонам. Это не статичное состояние, а динамичное, всегда временное равновесие противоречий. Структурные ограничения и возможности будут смещаться и изменяться в зависимости от результатов конкретных, более или менее «артикулированных» схваток,

трансформируя и режим ценности. Определенные формы эксплуатации «работают» и кажутся естественными; определенные ценности легитимируют эти формы; выстраиваются определенные классовые союзы. Но накапливаются противоречия, которые подрывают это равновесие и ведут к его трансформации. Понятие режима ценности позволяет авторам выйти за пределы известных противопоставлений — дара и обмена, потребительской и меновой стоимости, моральной и рыночной экономики — и удерживать в едином аналитическом поле всю сложность того, как капитализм проникает в жизнь людей, какие он действует желания и идеалы, и как люди, в свою очередь, пытаются защититься, приспособиться или сопротивляться.

Эмпирическую основу книги составляют девять глав-кейсов, выбранных по оси Восток–Запад: именно по этой оси, по мнению авторов, наиболее заметны ключевые противоречия текущего (неолиберального) цикла глобального капитализма. Авторы выделяют несколько ключевых моментов действия закона стоимости на глобальном уровне (Р. 25–34). Глобальная индустриализация сельского хозяйства (пик «Зеленой революции» пришелся на 1960–1970-е годы) в сочетании со спиралью долговых отношений (деятельность МВФ и Всемирного банка, кредиты на развитие экспорта, структурные реформы) способствовала превращению Китая, Индии и других частей Глобального Юга в «мировую фабрику» за счет возможности использования дешевого труда лишенных земли крестьян.

Первая глава книги (Патрик Невелинг) как раз прослеживает историческую роль специальных экономических зон (СЭЗ) как институциональной формы, создавшей «новое международное разделение труда». Последствия этого включения видны в главе 2 о Мьянме (Стивен Кэмбелл), где описывается последняя волна втягивания в глобальную систему — промышленные трущобы Янгона и механизмы идеологического обесценивания маргинального труда.

Перенос производств обернулся деиндустриализацией Запада, стагнацией зарплат, финансализацией и углубляющимися социальными противоречиями, приведшими к политической поляризации вокруг вопросов космополитического либерализма и националистического илиберализма. Поиск выхода из этого кризиса был связан с надеждами на новые парадигмы роста, основанные на высшем образовании и «экономике знаний», что с включением в глобальную экономику после 1989 г. постсоциалистических стран, сочетающих дешевизну труда с образованной рабочей силой, настроенной «догонять», и с близостью к западным рынкам, привело к новому витку аутсорсинга не только физических производств, но и «белых воротничков». Эта динамика прослеживается в седьмой главе о румынском ИТ-секторе (Оана Матееску и Дон Кальб) и в восьмой главе об английских университетах (Сара Винклер-Рид), где образование превращается в поле накопления через долговые отношения. Девятая глава о США (Шэррин Касмир) показывает, как деиндустриализация в Пенсильвании приводит к классовым переконфигурациям и хрупким новым альянсам.

В свою очередь, индустриализация и урбанизация в Китае и Индии породили гигантский спрос на землю, строительство и сырье, что стало двигателем новых форм накопления, опирающихся на земельную ренту, и создало

специфические режимы ценности в городах. Эта линия проходит через несколько глав: захваты сельской земли под урбанизацию в индийском городе Гуруграм (глава 4, Том Коузен), строительство роскошных отелей в Непале (глава 5, Дан Хирслунд), строительный бум в Турции, поддерживаемый авторитарным режимом Эрдогана (глава 6, Катарина Бодирски). Рост новых средних классов на Востоке также создал спрос на туризм и «креативность», что также демонстрирует непальский кейс. Наконец, глава 3 о китайских углеродных рынках (Шарлотт Брукерманн) показывает, как даже экологический кризис становится новой линией накопления в рамках коммодификации атмосферы.

Важно подчеркнуть, что кейсы не просто иллюстрируют общие тезисы: каждая глава решает и свои специфические задачи, а между разными главами есть переклички, не заданные логикой введения. Например, главы о Мьянме и Индии объединяют внимание к диалектике формального и неформального. Кэмбелл показывает, что неформальный труд не является «пережитком» докапиталистических отношений, а конститутивен для современного капитализма. Коузен демонстрирует, какое огромное количество неформальных усилий необходимо для создания формальной собственности. Очень разные на первый взгляд главы о Непале и Англии фокусируются на том, как строительство связано с другими секторами — в одном случае с туризмом, в другом с образованием — и как земельная рента и долг структурируют социальные отношения. При этом кейсы работают вместе, демонстрируя все три домена эксплуатации: классическую эксплуатацию труда на рабочем месте (Мьянма, Румыния), присвоение, связанное с социальным воспроизводством — жильем, образованием, городской средой (Индия, Непал, Турция, Англия) и с природой (Китай). Они также показывают все три вида классовой борьбы: давление капитала и государства сверху (особенно явно в турецком кейсе), защитную борьбу средних классов (IT-работники в Румынии, либеральные профессионалы в Турции) и ревиндикативные схватки снизу (трущобы Янгона, новые альянсы в Пенсильвании). Вместе эти кейсы складываются в портрет глобальной системы на пике цикла — с накапливающимися противоречиями, изнашивающими мифами, растущим насилием и хрупкими попытками сопротивления.

Концептуальная рамка, описанная выше, предполагает работу с этнографическим материалом. Авторы явно артикулируют свою методологическую позицию: режимы ценности нужно изучать в конкретных локальных ситуациях, но делать это так, чтобы в локальном были видны глобальные силы, а в настоящем — историческая траектория. Эта установка опирается на два эксплицитно упомянутых методологических источника: глобальную этнографию Майкла Буравого и антрополого-исторический подход Эрика Вульфа.

Буравой разрабатывает метод «расширенного случая» (extended case method), в котором исследователю предлагается совершить ряд «расширений»: из своего — в жизненный мир повседневных действий своих собеседников; от ситуаций — к процессам, разворачивающимся во времени и в разных местах; от процессов — к силам, структурирующим, задающим возможности и ограничения процессов и действий «извне», и, с другой стороны, реагирующими на изменения «внутри». Наконец, понимание связей и зависимостей

на разных уровнях позволяет перейти, или скорее вернуться, к теории, развивая ее для объяснения исследуемого случая (*Burawoy 2009*, см. также Буравой 1997). Важно, что этот метод требует от исследователя рефлексивности: понимания собственной позиции и того, как она влияет на производство знания.

Вульфовский антрополого-исторический подход дополняет эту рамку более явным требованием длинной исторической перспективы. Вульф настаивал, что любое современное сообщество или явление нельзя понять вне истории его внешних связей — каждое «локальное» место уже давно включено в глобальные процессы накопления, миграции, войн, колониализма (*Wolf 1982*). Авторы «*Insidious Capital*» последовательно применяют этот принцип: например, первая глава Патрика Невелинга о специальных экономических зонах прослеживает историю этого института от послевоенного Пуэрто-Рико до сегодняшнего дня, показывая, как СЭЗ стали глобальной машиной нового международного разделения труда. Невелинг опирается не на собственную полевую работу, а на широкий массив исторических источников и чужих этнографий — демонстрируя, что антропология может работать и с «архивом», если она сохраняет чувствительность к конкретности повседневных действий и процессов. При этом надо признать, что не всегда эту чувствительность авторам удается удержать: шестая глава Катарины Бодирски скорее напоминает политологический анализ, опирающийся на работу с научными публикациями, юридическими документами, отчетами правозащитных организаций, публикациями в СМИ, постами в социальных сетях. Этого вполне достаточно, чтобы показать, что государственное насилие и массовые увольнения 2016–2018 гг. были инструментом укрепления пошатнувшегося гегемонического проекта в условиях экономического и политического кризиса. Конфискации генерировали ресурсы для стратегического перераспределения внутри альянса элит и поддерживающих режим слоев населения, одновременно обеспечивая замену государственного персонала и институциональное закрепление авторитаризма. И все же, работа с дискурсами и агрегированными эффектами практик без погружения в повседневные действия конкретных людей остается как недостаточная.

Однако большинство глав книги всё же основаны на полевой этнографии — пребывании в конкретных местах, наблюдении, интервью. Вероятно, логичным будет продемонстрировать работу с этнографией на примере седьмой главы — «*IT Dreams and Real Estate: Value Regimes in the Romanian Tech Hub*» (Р. 211–241), в которой соавтором румынской исследовательницы Оаны Матееску выступил Дон Кальб. Это исследование ИТ-сектора в румынском городе Клуж (полное название — Клуж-Напока, но авторы сокращают до первой части), который с 2000-х годов стал одним из европейских центров аутсорсинга ИТ-услуг. Авторы посетили офисы компаний, коворкинги, различные мероприятия, провели интервью с программистами, дизайнерами, менеджерами проектов, а также использовали материалы блогов и социальных сетей, в которых работники обсуждают свою работу и жизнь.

Режим ценности в клужском ИТ складывается из нескольких слоев. Первый слой — глобальный: после 2000-х годов западные компании (американские, немецкие, французские) активно выносят свои ИТ-отделы в Восточную Европу, используя арбитраж труда (*labor arbitrage*) — разницу в стоимости рабочей силы между Западом и Востоком. Румынские программисты с хорошим

образованием и знанием английского стоят в 2–3 раза дешевле немецких или американских, но при этом работают с такой же или даже большей производительностью.

Второй слой — национальный и локальный: румынское государство и городские власти Клужа активно поддерживают рост IT-сектора, видя в нем шанс на модернизацию и экономический рост. Вводятся налоговые льготы, строятся бизнес-центры, университеты открывают специализированные программы. При этом IT и недвижимость связаны в единую цепочку накопления: прибыли от аутсорсинга частично оседают в виде ренты у владельцев земли и застройщиков, создавая новый класс локальных рантье. Это пример того, как накопление происходит не только через эксплуатацию труда, но и через присвоение городского пространства.

Третий слой — индивидуальный, повседневный. Авторы обнаруживает две основные «петли»: с одной стороны, растущие цены на недвижимость удороожают стоимость жизни, с другой стороны, само образование не является бесплатным — государственное финансирование сокращается, а сектор и сам город становятся все более привлекательными, увеличивая поток абитуриентов и студентов. Все это, наряду с потребностями IT-компаний способствует раннему включению студентов в работу во время учебы. Причем ключевыми добродетелями работников оказываются готовность много работать, быстро обучаться новым навыкам, быть гибкими в отношении условий труда, организации рабочего места, времени и социальных процессов.

Авторы показывают, что дискурс о креативности и таланте играет в этом режиме ключевую идеологическую роль: он позволяет людям воспринимать эксплуатацию как личный вызов, как возможность «реализовать себя». Если ты не справляешься — значит, ты недостаточно талантлив, недостаточно мотивирован. Так цивилизационные ценности (миф о «креативной экономике») работают на поддержку закона стоимости (арбитраж труда, накопление капитала). При этом люди не просто пассивные жертвы — они активно участвуют в этом режиме, надеясь стать «победителями», накопить капитал, купить квартиру, может быть, открыть свой стартап.

Матесеску и Кальб также обращают внимание на гендерное измерение этого режима: женщин в IT меньше, а те, кто есть, сталкиваются с дополнительными барьерами — дискриминацией при найме, необходимостью совмещать работу и заботу о детях в условиях, когда работа требует полной отдачи. Здесь также видна связь между доменом производства и доменом социального воспроизводства: капитал опирается на неоплачиваемый женский труд, который делает возможной интенсивную эксплуатацию мужского труда в офисах.

Линия столкновения ценностей в этом кейсе проходит через напряжение между обещанием и реальностью: IT обещает современность, успех, принадлежность к глобальному миру, но на деле работники сталкиваются с прекарностью, выгоранием, зависимостью от капризов западных заказчиков. Но это напряжение не ведет к открытому конфликту или протесту. Наоборот, люди скорее интернализируют проблемы, винят себя или надеются «переиграть систему» индивидуально. Классовое сознание фрагментировано: каждый видит себя индивидуальным предпринимателем собственного таланта, а не частью эксплуатируемого класса.

Важно, что Матееску и Кальб не ограничиваются только интервью и наблюдениями — они также анализируют статистику (рост числа ИТ-компаний, динамика зарплат, цены на недвижимость), изучают корпоративные отчеты, прослеживают законодательные изменения (налоговые льготы для ИТ, изменения в трудовом законодательстве). Это позволяет им связать микроуровень (действия и переживания конкретных людей) с макроуровнем (глобальные процессы аутсорсинга) и мезоуровнем (локальная политика, урбанистическая трансформация Клужа). Именно такая многоуровневая аналитика и составляет суть антропологии режимов ценности. Подобным образом работают и другие этнографические главы книги.

Из сказанного выше можно заметить, что специфика критического анализа, предпринимаемого авторами, может производить на эмпатичного читателя ощущение достаточно глухой беспросветности исследуемых режимов ценности. Это можно счесть достоинством книги: действительно, бесчеловечность условий жизни вынужденных мигрантов в трущобах Янгона в Мьянме, занимающихся сбором мусора для выживания, достаточно очевидна. Но пример с хорошо зарабатывающими ИТ-специалистами, выбирающими на досуге, посвятить ли время занятиям по йоге или мастер-классу по дегустации вина, производит, тем не менее, ощущение того же типа безвыходности и безнадежности. Авторы показывают, что механизмы, действующие в обоих случаях принципиально сходны — как и их эффекты. Этую же черту можно счесть и недостатком книги: безысходность практически каждого кейса настолько глубока, что совершенно непонятно, что дальше делать с этим знанием причин, какова польза от такого исследования? Время от времени авторы пишут о глобальном кризисе текущего режима ценности — но ни в одной главе не проговаривается надежда на изменение местного положения дел в лучшую сторону каким-то принципиальным образом.

В книге также есть послесловие, написанное Кристофером Крупой, антропологом из Торонто, которое, впрочем, не добавляет надежды, а скорее усугубляет ситуацию, работая как экзистенциально-поэтическая радикализация концептуальной рамки, предложенной Кальбом. Крупа напоминает о ряде исследований, прослеживающих историческую и структурную связь капитализма и колониального плантационного рабства, бывшего одновременно и экспериментальным контекстом, в котором была выработана значительная часть основ трудовой дисциплины индустриального капитализма, и прямым и существенным поставщиком сырья для европейских фабрик. Он подводит к выводу о том, что в итоге «стоимость [...] основана на жертвенном обмене смерти на жизнь, на том, что смерть делается производительной, на циркуляции жизненной силы, отнятой у одних и присвоенной другими для собственной выгоды» (Р. 315). Одновременно с этим он соглашается с интерпретацией марксистского проекта трудовой теории стоимости (или скорее стоимостной теории труда) как абсолютно критического, направленного на описание, объяснение и осуждение (*condemn*) отчужденной формы жизни, порожденной капитализмом (Р. 307).

Достаточно хрупкие ростки надежды могут появится у читателя, пожалуй, лишь в девятой главе, которая эксплицитно посвящена социальным движениям и организациям, старающимся активно противостоять эффектам закона стоимости, формируя более или менее неожиданные альянсы между фрагмен-

тированными угнетенными. Впрочем, то что описывает Шерри Касмир — это не точки окончательного классового синтеза, а мерцающие проявления возможной солидарности (Р. 295), и ее текст скорее подчеркивает, насколько сложно такая солидарность достигается и как она неустойчива.

Еще более робкой оказывается и единственная эксплицитно рефлексивная восьмая глава, в которой Сара Винклер-Рейд раскрывает свою позицию, показывая собственную «впутанность» (*entanglement*) в исследуемые отношения стоимости как сотрудник университета в Ньюкасле, получатель зарплаты, выигрывающий от студенческих долгов, участник пенсионной схемы, зависящий от успешности инвестиций, сделанных этим фондом в недвижимость. Она признается: «Я вовлечена в эти процессы, извлекаю из них привилегии и помогаю их воспроизводить, даже критикуя их» (Р. 263). Исследовательница задумывается о своем отношении к собеседникам, чьи ценности она не разделяет, но все же не считает их «неолиберальными автоматонами». Однако вопрос о конкретной возможной пользе антропологии для изменений к лучшему она лишь формулирует, не делясь никакими размышлениями.

Интересно, что совершенно ничего похожего на такое рассуждение нет и во введении Дона Кальба, что может быть отчасти связано с выбранной им позицией в дискуссии с другим проектом, тематизирующим ценности и капитализм — работой Дэвида Гребера. Критике последнего посвящена часть введения (Р. 5–12)⁴. Одна из основных линий критики при этом касается слишком большой роли Мосса в рассуждениях Гребера, подменяющей в итоге все важное, что есть в марксизме. Надо заметить, что в работе «Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams» (Graeber 2001) Гребер действительно настаивает на том, что Мосс дополняет Маркса, как воображение интересных альтернатив дополняет критику несправедливости существующих социальных отношений (этому посвящена глава 6 книги). Иронично, что именно воображения альтернатив отчаянно не хватает рецензируемой работе.

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

⁴ Критика эта является, на мой взгляд, столь же неубедительной, сколь и необязательной для проекта, предлагаемого в книге. Не останавливаясь на содержании этой критики, замечу только, что Кальб представляет определенную интерпретацию текстов Гребера, но почти не приводит конкретных ссылок на страницы работ последнего, так что оценить корректность его интерпретации оказывается совершенно невозможно.

Литература

Буравой М. Развёрнутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж. 1997. № 10–11. С. 154–176.

Burawoy M. The extended case method: four countries, four decades, four great transformations, and one theoretical tradition. Berkeley: University of California press, 2009.

Graeber D. Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams. N.Y.: Palgrave, 2001.

Harvey D. Marx, Capital, and the Madness of Economic Reason. L.: Profile Books, 2019.

Kalb D. (ed.) Value and Worthlessness: The Rise of the Populist Right and Other Disruptions in the Anthropology of Capitalism. Berghahn Books, 2025.

Schei A. Don Kalb's Book «Insidious Capital» Gets Top Prize. University of Bergen. URL: <https://www.uib.no/en/svf/174623/don-kalbs-book->insidious-capital>-gets-top-prize> (дата обращения: 06.10.2025).

Wolf E. R. Europe and the people without history. Berkeley: University of California Press, 1982.

Book Review

Basov A. S. Anthropology of values in the times of insidious capital Book [Antropologija cennosti v epokhu kovarnogo kapitala]. Book Review: Kalb D. (Ed.). Insidious Capital. Frontlines of Value at the End of a Global Cycle. Berghahn Books, 2024. // Антропологии / Anthropologies, 2025, no 2, pp. 126–136, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/126-136>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Basov A. S. | a.basov@iea.ras.ru | <https://orcid.org/0000-0003-3518-1852> | Junior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

